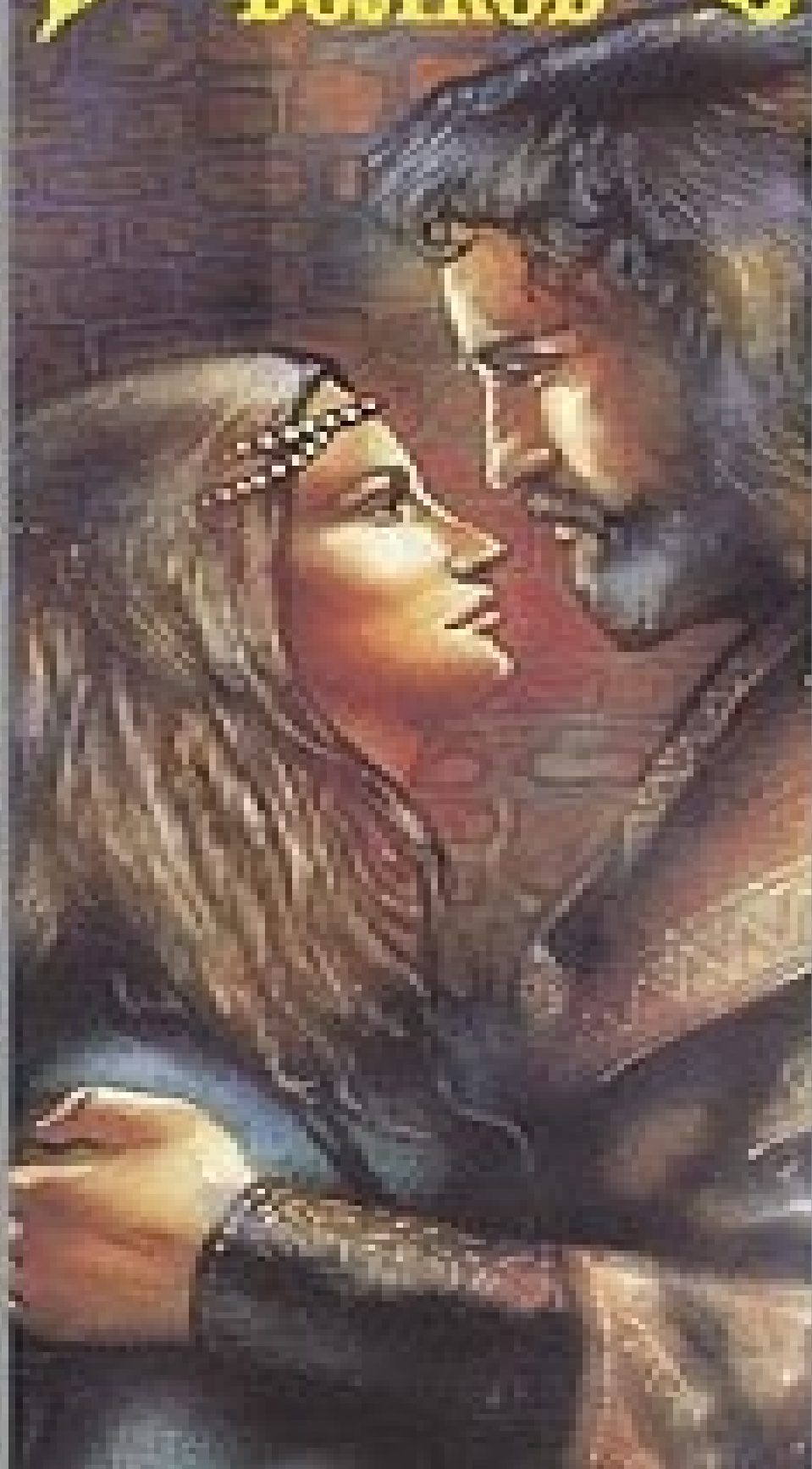

ХЕДЕР ГРЭМ

ДОВЕДТЕЛЪ ВОЛКОВ

События, описываемые в последней части исторической трилогии Хизер Грэм, погружают читателя в атмосферу раннего средневековья Западной Европы, увлекая невероятными приключениями легендарных викингов; писательница романтически повествует о любви между главными героями — доблестным рыцарем Конаром и красавицей графиней Мелисандой. Строптивая, своевольная девочка отталкивает сурового, но нежно любящего мужа. Впоследствии эта вражда неожиданно для нее самой превращается в настоящую страсть.

Хизер Грэм

Повелитель волков

Мне всегда нравились исторические романы. Сама я начала писать в этом жанре после того как моя мать, уроженка Дублина, дала мне прочитать монографию по истории Ирландии. Я нашла там потрясающую историю о принце-викинге Олафе Белом, который напал на ирландского короля Аэда Финнлайта. Аэд доблестно и долго сражался, но, в конце концов, попробовал решить дело миром и в результате отдал свою дочь в жены викингу. Позже, я находила ссылку на эту историю и в других источниках. Это меня заинтересовало. Так появился на свет мой первый исторический роман «Золотой плен», где речь идет о викинге, женившемся на ирландской принцессе. Мне понравилась эта работа — представлять себе, что может скрываться за скупыми словами исторической хроники. Викинги, как известно, были отличными мореплавателями и воинами, однако и они, в конце концов, оседали где-нибудь — либо у себя на родине, либо на покоренных землях. По прошествии некоторого времени они становились защитниками тех областей, которые прежде завоевывали. Олаф Белый появился в Ирландии именно как завоеватель. Однако после женитьбы он стал защищать интересы короля Альфреда Великого, помогая оборонять побережье нынешней Англии от подобных набегов. Потому в продолжении истории — в книге «Покоренная викингом» — сын Олафа и ирландской принцессы сражается на стороне Альфреда.

И все же я не могла так просто расстаться с любимейшей мне семьей Олафа и его детьми, которые оказались одновременно наследниками воинственной традиции норвежских разбойников и миролюбивой ирландской культуры.

В «Повелителе Волков» другой их сын Конар плавает по морям и сражается по обе стороны пролива. Это было беспокойное время в истории Англии. Беспрерывные войны шли как внутри страны, так и за ее пределами. Я надеюсь, что история Конара и Мелисанды позволит вам перенестись в то почти мифическое время, когда мир был диким и опасным, но также привлекательным и необыкновенно красивым!

ПРОЛОГ

КРОВЬ ВОЛКА

565 от Р. Х. Берег Ирландии в Скотии

Высокий светлоголовый мальчишка был непреклонен. В душе его кипело негодование, а вокруг, свистя и завывая, бесновался ветер. Рослый не по годам, мальчик противостоял кружащейся в безумном танце стихии, словно в ее натиске черпал свою силу.

Мать, огорченная его поведением, сказала ему сегодня, что он ведет себя как викинг.

Да, да, он и есть самый настоящий викинг!

— Взгляни на море, сын мой! — обратился к нему отец, кладя руки на плечи мальчишка. — Взгляни на белые гребешки волн и представь себе, что это корабли. Их много-много, изящных, ловко сработанных, умело противостоящих любому шторму! Смотри, носы кораблей украшены драконами с оскаленными пастьями и искаженными в жутких гримасах мордами... И они словно оживают среди водных просторов — ибо их делали настоящие мастера. Мы — мастера моря, и этого никто не может оспорить.

Мальчик улыбнулся и повернулся к отцу.

— Викинги. Мы — викинги! И неисчислимы корабли, отплывшие отсюда в дальние странствия!

— И это лучшие корабли на всем белом свете. В этом мире нам не обойтись без сражений. Но нам приходится не только обнажать мечи, но и торговать и заключать союзы. Так что без крепких и надежных кораблей просто не обойтись, — задумчиво добавил король. — Ну, да, все мы — викинги. Как норвежцы, так и ирландцы. Но не всегда разумно с твоей стороны напоминать об этом матери.

Мальчик ухмыльнулся. Его мать была ирландской принцессой с головы до пят. Она обучала ирландским законам гостеприимства и бретонской культуре, учила их истории, искусству и религии. Однако он никогда не подозревал, что мать так непримиримо относится к тому, что отец — викинг. Кем бы он ни был в прошлом, теперь он их главный защитник.

А сегодня она сама отправила его к отцу. Дело в том, что Лейв, подшучивая над ним, схватил его деревянный меч — самый лучший на свете меч, подаренный мальчику дедушкой.

Лейв — старший сын и наследник. Он станет королем этой прекрасной страны, их родной страны, Мальчик хорошо это знал. Он даже любил своего брата, которому предназначено быть королем. Конечно, тот и старше, и умнее, про него говорят, что мудростью и несравненной красотой он пошел в мать...

Но как брат посмел тронуть его меч! И самое противное, что это случилось в церкви во время мессы.

Мать, вне себя от гнева, схватила мальчишку за руку и выволокла его на свет Божий.

— Лейв посмел тронуть мой меч! — запальчиво объяснил он ей. Глаза горят, губы упрямо сжаты... Конечно, он мог бы извиниться, он все же любил мать и не хотел ее огорчать.

Однако не отступился.

«Страна — его! Дублин — его!» Он в ожесточении взмахнул маленьким деревянным мечом: — Я буду защищать свои права и земли до самой смерти! — Меч описал полукруг. — Но этот меч — мой! — продолжал упрямяться мальчик.

«Как страстно и уверенно он говорит, — подумала королева. — Да, горд и вспыльчив ее сын!»

Сердце ее сжалось, ибо внезапно она поняла, что он пойдет по стопам отца. О, конечно, он будет любить и страну, и братьев, и сестер... но ему нужно будет что-то еще, за что он будет сражаться.

Она закусил губу в отчаянии. Перед ней стояла миниатюрная копия отца, великого Норвежского Волка! Другие сыновья тоже на него похожи, но этот — больше всех! Золотистые волосы, вечно изогнутые в удивлении брови... лицо маленького мужчины. Многие уже сейчас не выдерживают взгляда его отливающих голубоватым льдом недетских глаз. Осанист и достаточно высок для своего возраста, — почти что с нее ростом.

И его воля...

Стальная воля бойца.

Он вновь взмахнул деревянным мечом:

— Я младший сын, мама, — нетерпеливо объяснил он, — но я вовсе не хочу, чтобы у меня все отняли!

— Ты младший сын короля, известного всему цивилизованному миру, — напомнила она ему. — И...

— Я тоже сумею прославить свое имя! — запальчиво ответил он.

У королевы внезапно опустились руки.

— Ты ведешь себя сегодня просто неприлично! Ты ведешь себя как... как викинг!

— Но мой отец — викинг!

Королева глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. — Ей уже приходилось сталкиваться с таким темпераментом раньше. Неужели ей придется опять проходить через все это?

— Он — ирландский викинг, сынок. Привязанный к своей стране, привязанный к...

— К тебе? — внезапно оборвал ее он.

Мать даже потеряла на мгновение дар речи, потом рассмеялась. — Нет, думаю, что нет. И не вздумай сказать ему что-либо подобное. Я хотела сказать, что хотя он и викинг, но он — цивилизованный викинг. Человек, который читает, думает, судит, — он из тех, кто думает о своем народе.

— Но все же викинг?

— Ладно, ладно, мой волчонок! Шел бы ты лучше к своему отцу-викингу, вон за те скалы со своими жалобами!

Выпрямившись и расправив плечи, очень разозленный, он двинулся по направлению к скалам.

— Сынок! — позвала она. Од обернулся.

— Я люблю тебя, — мягко сказала она.

Гнев его мгновенно испарился, и, улыбнувшись матери на прощание, он побежал вдоль берега — разыскивать отца.

Там, его отец — бывший знаменитый воин — сидел на прибрежном валуне в одном ботинке и задумчиво глядел на пляску стихий.

— Ты скучаешь по морю, пап? Король обернулся.

— Нет, сынок, никогда. Я нашел, что искал в жизни. — Он вздохнул. — Они обвиняют нас, викингов, во всех смертных грехах. Но ведь я никогда не грабил эту землю. Я пришел завоевать ее — да, но для того чтобы строить. Я принес сюда силу и нашел здесь...

— Ну, пап?

— Нашел здесь красоту и мир. Здесь теперь мой дом. Здесь я встретил твою маму.

Мальчик улыбнулся. Отец напоминал ему одного из великих героев древности, пировавших в чертогах Вальгаллы^[1], в то время как одноглазый Один проносился на восьминогом жеребце по облакам.

— Это прекрасно — странствовать по морям, — неторопливо заметил отец, — быть викингом: сражаться, искать новые земли и свое место в мире.

Мальчик взглянул на отца.

— Я буду плавать по морям! — порывисто воскликнул он, взмахнув деревянным мечом. И в этом жесте был вызов — небесам, буре и ветру, древним богам — всему, что только могло бы помешать на пути к мечте. Глубоко вдохнув соленого морского воздуха, он проговорил: — Я буду плавать по морям. И я найду свое место под солнцем и буду править там. Править, храня мир. Я не могу стать королем Дублина как ты, но я все равно остаюсь твоим сыном. Они будут звать меня Повелителем Волков, как тебя звали Норвежским Волком!

Я буду сражаться за правду...

— И за то, что тебе принадлежит? — насмешливо заметил король, сознавая, однако, что так скорее всего и будет.

— И за то, что принадлежит мне, конечно! Пап, ведь чтобы завоевать страну — надо сражаться?

Король улыбнулся.

— Ну, да, конечно. Еще можно заключить брак.

— Значит, либо брак, либо бой?

— Иногда, сынок, это абсолютно одно и то же, — рассмеялся король.

Златовласый паренек зачарованно смотрел на море. — «Я стану викингом, я найду себе землю, сколько бы мне ни пришлось за нее сражаться, — или жену!»

По небу метнулась кривая молния, вдалеке громыхнул гром. Взор короля устремился в небеса.

«Мергвин счел бы это предзнаменованием», — подумал старый викинг. Внезапно он почувствовал какое-то волнение. Это не было тяжелым предчувствием, скорее предупреждением. Не оборачиваясь, он понял, что Мергвин собственной персоной стоит позади него, внимательно изучая мальчика.

Король вздохнул.

— Все в порядке, колдун. Ты что-то хотел мне сказать. Длинные седые волосы Мергвина развевались по ветру. Сам он выглядел оскорбленным.

— Я не колдун, Олаф Норвежский.

— Да, да, — друид^[2], и гадающий по рунам, — небрежно согласился Олаф.

Мальчик бросил быстрый взгляд на старика, и улыбка озарила его лицо.

— Ты все еще не доверяешь, король? — устало спросил Мергвин, — после стольких-то лет? Олаф улыбнулся.

— Ты предсказывал Лейву долгую счастливую жизнь и мудрое правление. Ты обещал Эрику неприятности, когда он только родился. А теперь... что ты скажешь о Конаре?

— Ну, я не знаю, а чего бы тебе хотелось, Олаф Норвежский? Чтобы я заколол ягненка и обратился к древним богам? Однако мне нравится этот мальчик, наполовину ирландец, наполовину норвежец. Но сейчас я вижу в нем норвежца. Закрой глаза, великий король. И

представь себе его мужчиной!

Олаф не смог бы точно сказать — закрывал ли он в действительности глаза. Но на секунду он был уверен, что видит своего сына мужчиной, — прямого, стройного, златовласого, мускулистого и чрезвычайно уверенного в себе воина.

— Да, великий король, этот сын будет морским путешественником, — степенно пророчествовал Мергвин. — Он будет весьма могучим и могущественным. И поплывет он...

— Куда? — спросил король.

Мергвин сосредоточенно нахмурил брови. — Его путь будет лежать на юг, через пролив. И именно там он найдет то, чего жаждал...

— А потом? — требовательно спросил Олаф.

— Потом он будет сражаться, чтобы сохранить это. И... вот, вот и она! Это будет непросто... великое варварское нашествие... все закончится грандиозной битвой...

— Она? Мергвин, кто это она?

Мергвин пожал плечами, продолжая разглядывать высокого мальчишку, не отрывавшего взгляда от моря.

Мергвин снял с плеча суму и весело взглянул на короля. — Вспомни, мой повелитель, что я, так же как и твой сын — гибрид норвежца и ирландца. Поэтому никаких жертвенных ягнят не будет, нет! Это было бы неверно. Для отпрыска викинга надо бросить камни викинга!

Викинг! Именно в этот момент, прикрыв глаза, Олаф неожиданно понял, что его сын действительно будет викингом, пересечет пролив, будет странствовать по дальним землям.

И там встретит свою спутницу — и для битвы и для брака, и им не раз будет грозить смертельная опасность...

Он хотел бы мирной жизни для своих сыновей. Но в этом мире нет мира.

Он взглянул на мальчика и как бы увидел в нем себя самого — молодого вспыльчивого Олафа.

Мергвин внезапно остановился, встряхнул сумой и из нее на землю высыпались маленькие деревянные руны^[3].

В небе опять сверкнула молния. Ветер с диким хохотом проносился над дерзкими гребешками волн.

— Да, действительно, подобно отцу, его будут звать Повелитель Волков! — выговорил, наконец, Мергвин.

Олаф пристально посмотрел сначала на старика, потом на руны, аккуратно разложенные на земле.

Мергвин усмехнулся. — И молния подтверждает это!

Олаф задумчиво молчал, скрестив руки на груди. — Ладно, скажи тогда, старец, что там еще? Где он будет плавать? Где он будет править? Что это за женщина, в конце концов?!

— Терпение, милорд, терпение! — посоветовал Мергвин, ухмыляясь. Нахмурившись, он оглядел сначала короля, потом его сына.

— Дай мне рассмотреть камни, Норвежский Волк, дай мне их разглядеть!.. Путь викинга, принца-викинга...

— А женщина? — требовательно спросил Волк.

— Ага, и женщина! — согласился Мергвин. — Очень, между прочим, красивая...

— И как я понимаю, она, вероятно, из тех существ, что доставляют кучу хлопот?

— О, просто сущий дьявол! — подтвердил Мергвин. Но тут он замер в неподвижности,

и усмешка сползла с его лица. — Да, великий король, ты прав, как никогда — хлопот с ней действительно не оберешься. Тысячи врагов, буря, и, чтобы выжить, им необходимо преодолеть...

— Преодолеть — что?

Мергвин поскреб бороду.

— Себя, я думаю.

— Читай дальше, — приказал король. И в тот день на берегу моря среди обветренных скал им было предсказано...

ЧАСТЬ 1

ЛЕДИ И СТРАНА. ИТАК — БИТВА

Весна, 885 от Р. Х.

Берег Франции

— Мелисанда! Мелисанда! Его корабли уже здесь!

Эти слова заставили Мелисанду, находившуюся до того в суетливом волнении, застыть посреди комнаты со смешанными чувствами страха и отвращения.

Нет, она и мысли такой не допускала, что он все же приплывет!

Однако предостерегающий крик Мари де Тресси с дозорной площадки уже не оставлял никакой надежды на лучшее.

Мельком взглянув на обеспокоенную Мари, она натянула тонкую изящную тунику, почти бегом выскочила из башни сквозь высокую арку и быстрым шагом направилась к галерее на крепостной стене, с которой можно было увидеть море.

Да, он пришел.

Господи, в первый раз все было точно так же. Однако ж он обладает удивительной особенностью каждый раз заставить ее врасплох. Неужто так будет вечно? И сможет ли она когда-нибудь понять, для чего он приходит, — на помощь ей или же на погибель?

За чем он пришел сегодня, это, конечно, понятно. Он пришел за тем, что считает своим по праву.

Ее вдруг бросило в жар, потом начало знобить. Мелисанда коснулась рукой горящих щек. Рука была ледяная.

Боже, он пришел, пришел. Ее начало мелко трясти. Кажется, что она его сто лет не видела... Как будто ей мало хлопот с этой чертовой сотней данов под предводительством этого чертового Жоффрея! А теперь еще и он! Его не было так долго, наверное, он уже много забыл.

А может, он помнит...

О Боже, как все это смешно! Она боится встречи с ним больше, чем нового нашествия датчан!

Боится...

Да, разумеется, она боится этой встречи, смертельно боится. После всего, что она натворила.

Несомненно, что именно этим и объясняется его неожиданный визит.

Господи, его корабли уже у самого берега. Вон он, этот проклятый викинг. Она его видит. Он управляет впереди идущим кораблем, украшенным драконьей рожей. Все как и тогда, давным-давно...

Плащ, скрепленный кельтской пряжкой, полощется на свежем морском ветру. Руки скрещены на груди. Развевающиеся волосы отливают золотом.

Пока что она еще не видит его глаз, но это ей и незачем. Ей вполне хватило времени в прошлый раз, чтобы запомнить их навсегда.

— Итак, он все-таки прибыл!

Рагвальд стоял рядом с ней, седой как лунь и высохший как вобла. Он погрозил ей пальцем.

— Миледи, вы не можете отказаться от договора с этим человеком.

— Это не я договаривалась с ним, а вы.

— Я выторговал наши жизни, — с чувством собственного достоинства произнес Рагвальд. — И слава Богу! Мне кажется, именно сейчас нам может опять понадобится такой человек.

— Вы... — начала Мелисанда, собираясь серьезно растолковать ему, что, в конце концов, все же она здесь графиня, а он — только советник. Но не закончила: внизу у городских ворот готовились к битве.

Странно, как иногда все повторяется! Странно, что день облачный, что солнце скрылось и надвигается буря.

Странно, что он в такую непогоду все же собирается пристать к берегу.

— Интересно, чем это обернется? — размышлял вслух Рагвальд. — Нападет ли он на нас, решит еще раз рискнуть? Тогда будут викинги против викингов. Норвежцы против датчан.

«Ну, почему вокруг столько беззакония?» — горестно подумала Мелисанда. Как она любила слушать в детстве рассказы отца о дворе Карла Великого, где процветали мир, искусства и науки.

Но Карл Великий правил лет сто назад, — с тех пор уже все успело десять раз перемениться.

Теперь королем Парижа был Карл Жирный, но жил он где-то в Италии, и датчане спокойно грабили побережье.

Враги Мелисанды объединились с этими проклятыми датчанами, пытаясь завоевать ее владения, которые принадлежали ей по праву.

Но она уже научилась держать себя в руках. С того далекого дня, когда погиб ее отец, она научилась сдерживать слезы, видя, как люди умирают в битве. Она уже не дрожала перед ужасами войны, и самое главное, — она выучилась не отступать. Ведь она осталась единственной наследницей своего отца, и положение обязывало ее стать образцовой правительницей.

Вряд ли он догадывался о произошедших в ней переменах. Многое произошло с тех пор. Быть может, он теперь решит, что она заслуживает смерти. Она почти чувствовала его мощные сильные руки на своей шее... От этой мысли ее опять обдало жаром. Ох, ну почему, почему! Она ведь обещала себе не показывать этому человеку свои слабости, никогда не признаваться ему ни в чем, не давать заглянуть в душу, в мысли. Он не должен узнать, что мысли о нем заполняют всю ее жизнь.

Ей ничем нельзя себя выдавать, особенно сейчас! Она не может позволить себе быть собой.

Бояться его и его прикосновений. Думать об этом, желать этого, стремиться к этому, противиться этому. Ненавидеть его, любить его, презирать его и желать его...

Внезапно она увидела, что ее людей заманивают в ловушку. С галереи было очень легко наблюдать за перипетиями сражения, видеть то, чего не видели они.

— Господи, помоги нам! — воскликнула Мелисанда. — Господи, пусть кто-нибудь придет к нам на помощь! Я должна бежать туда, Рагвальд. Ты видишь, что они делают!

Рагвальд схватил ее за руку.

— Не ходи! Дай этим викингам самим разобраться!

Мелисанда вырвалась из его рук. Сначала она рассердилась, но потом почувствовала благодарность.

Рагвальд предан ей. В эти смутные времена чья-либо преданность — большая редкость.

— И все-таки я напоминаю вам, мой дорогой советник, что графиня — я. Я — наследница этих земель. Вы правы только в одном — пусть эти викинги передерутся друг с другом. Но я должна вывести наш отряд из ловушки, в которую его сейчас заманивают.

— Подожди, — окликнул ее Рагвальд, — видишь, корабли причаливают.

— Я не могу ждать, — она потащила его к углу галереи, указывая пальцем вниз. Ее отец выстроил настоящий укрепленный замок. В нынешнем веке в связи с участвовавшими набегами викингов его преимущества оказались очевидными. Есть много прекрасных примеров того, как должна быть выстроена крепость. Они располагаются на холме или на скале прямо на берегу, защищенные каменными стенами. Многие замки и крепости строились из дерева, но ее отец предпочел каменные укрепления. Камень нельзя поджечь. И за высокими стенами можно чувствовать себя в безопасности. Внутри замка есть большой двор, загоны для скота, кухни, кладовые, комнаты для жилья, залы. Справа и слева крепость окружали скалы, нависающие над морем и поросшие лесом. С галереи можно было наблюдать за морем. Такое удачное расположение позволяло устоять даже при небольшом гарнизоне. И сейчас Мелисанда видела все происходящее внизу, как на ладони.

— Взгляни, Рагвальд, вот Филипп, а вот Гастон, они так увлечены боем, что не замечают, как датчане клином разделяют их посередке! Нет, я должна идти!

— Нет, Мелисанда! — повторил Рагвальд, хватая ее за руки, когда она пыталась проскочить мимо него. На мгновение заглянув ей в глаза, он впервые увидел в них страх.

Мелисанда боится? Мелисанда не боится ничего.

Кроме этого викинга. Его она боялась. Он мог запросто взбесить ее и потом же успокоить и привести в чувство. Возможно, страх ее был оправдан, ведь она во всем пошла против него.

А сейчас она явно хочет взяться за меч и вступить в битву.

— Не делай этого! — предостерег он.

— Я должна! — закричала она в ответ, голос ее дрожал, в расширившихся от страха глазах виделось отчаяние.

— Нет... — сказал он, снова пытаясь помешать, но она вырвалась. — Мелисанда! — Она уже бежала от него вдоль по галерее в сторону башни.

— Мелисанда!

Крик его отозвался безответным эхом в тишине.

Рагвальд с трудом добрался до самой высокой части наружной галереи, откуда можно было наблюдать и за внутренними стенами, и за воротами.

Через десять минут он вновь ее увидел, она ехала на Герое, сверкая древним золотом кольчуги. Она была в своем обычном боевом облачении.

Рагвальд наблюдал, как причаливали корабли викингов. Сначала выгрузились кони и среди них — величественный Тор, столь же мощный и столь же умелый, как и его предводитель.

Викинги мгновенно оказались в гуще сражения.

Рагвальд судорожно вцепился руками в парапет.

Мелисанда находилась чуть в сторонке от вступивших в бой викингов, пытаясь соединить разрозненные группы своих воинов и провести их к воротам. Датчане и франки намного превосходили своей численностью.

Их было около тысячи против двух сотен защитников замка.

Рагвальд слышал, что к ним еще должно подойти подкрепление. Чуть ли не тысяча

людей. Ходили слухи, что они собирались пойти даже на Париж.

Но Париж его сегодня не волновал. Мелисанда соединила Филиппа с Гастоном. Они подали условный знак сидящим наверху.

Ворота открылись. Отряд с Мелисандой во главе вернулся в замок.

Рагвальд прикрыл глаза. До него доносились стоны умирающих.

Открыв глаза, он увидел Мелисанду.

Она ненавидит это, — подумал он. — Она ненавидит войну с тех пор, как погиб ее отец. Она постоянно держит в памяти тот жуткий день и с тех пор мечтает только о мире.

Но что будет, если она проиграет?

Что последует за победой датчан — очевидно. Они будут мародерствовать, разбойничать и насиловать. Их земли достанутся Жоффрею — если он совладеет со своими союзниками, которым тоже нужен свой кусок добычи. Судьба Мелисанды будет ужасна.

А если победят пришедшие викинги?

Тогда, возможно, она будет считать свою участь еще более ужасной. Однако и люди останутся живы, и крепость сохранится.

Господи, независимо от того, какова будет ее судьба, победа викингов будет спасением для ее народа. Не будет краж и грабежей. Не будет насилия и убийств. Мелисанда должна оценить это, в случае их победы.

— Девчонку! — донесся крик из-за стен. — Выдайте мне графиню Мелисанду, и тогда мы обещаем вам мир.

Рагвальд ясно видел со стены все происходящее. Это кричал сам Жоффрей. Это он преследовал Мелисанду и сейчас находился у ворот, сдерживаемый пока угрозой получить порцию кипящего масла. И все же у него достаточно людей и он может попытаться прорваться... Ведь ворота еще не заперты. Они могут попытаться.

— Это Жоффрей, — доложил Филипп, подъезжая к графине, — проклятый бастард!

И словно в ответ из-за стены раздался гул голосов:

— Мелисанда, нас больше!

Вас было больше! — выкрикнула она. Подумаешь, викинг, он не успеет тебе помочь.

У меня в руках твои люди. Мы перережем им глотку, если они попытаются вырваться. Наша смерть — их смерть. Я прямо сейчас держу нож у горла одного из твоих.

Мелисанда взглянула вверх на Рагвальда. Тот видел, что Жоффрей сказал правду и кивнул.

— Я должна идти туда, — сказала она Филиппу.

— Воины всегда умирают в битве, леди. Так или иначе...

— Филипп! Через секунду они пойдут на приступ. Вынуждая их отступить, мы убьем также и своих. Много народу ляжет в битве... Если же я выйду туда сама...

— Нет! — выпалил Филипп.

Но она уже направляла Героя к воротам.

Нет, она не может выйти к Жоффрею. Ни за что. Ведь там викинг. Если он узнает, что она добровольно отдалась Жоффрею, неважно по каким причинам...

Нужно тянуть время!

Она обратилась к лучнику:

— Ты попадешь в того, кто угрожает пленнику? — Да, конечно. — Тогда, как только пленник избавится от непосредственной угрозы, вы выступим. И смотрите, чтобы внутрь зашли все наши. А сколько врагов уже неважно.

Лучник повернулся, легко поднял лук и натянул тетиву.

— Закрывать ворота! — приказала она.

— Мелисанда! — закричал со стены Рагвальд. — Подожди! Они с нами!

Тут до нее донесся крик — громкий и отчаянный вопль Жоффрея.

Викинг настиг ее врагов...

Она слышала удары мечей, боевые крики, топот и ржанье коней.

— Остановись, Мелисанда! — закричал Рагвальд.

Жоффрей был оттеснен с поля боя, но там оставалось еще много датчан. Даже слишком много, поэтому викинг бросился к воротам, большинство же его людей остались позади. Но ворота оказались запертыми. Мелисанда закрыла их прямо перед его носом.

— Боже Праведный, — взмолился Рагвальд, — а ведь он наверняка рассчитывал на помощь из замка.

Битва кипела. Возможно, все же есть шанс... Он видел, как сражается отважный воин, вставший на их защиту.

Рагвальду было известно, что его называли Повелителем Волков в честь отца. Теперь было понятно — почему. Окруженный превосходящими силами неприятеля он показывал просто чудеса отваги и мастерства.

Меч его разил врагов направо и налево, многие даже не успевали понять, что с ними происходит. Среди данов были и берсерки, и они нападали на него, издавая дикие воинственные крики. Но потом один за другим все равно отступали перед натиском его меча. Он что-то крикнул своей дружине. Рагвальд сначала не понял в чем дело, но потом увидел воинов, которые тащили огромный ствол. Они явно намеревались использовать его как таран.

Рагвальд спохватился.

— Мелисанда! — закричал он, но шум битвы заглушил его крик. Она внизу отдавала какие-то распоряжения. Он бросился туда, чтобы предупредить ее. Там было столпотворение: сновали люди, метались животные в загонах. Рагвальд, наконец, пробился к Мелисанде, стоявшей в окружении рыцарей.

— Он здесь! Они ломают ворота! Сражаются с датчанами! Ты закрыла им вход! — на одном дыхании выпалил Рагвальд.

По мере того, как он говорил, глаза у нее расширились от ужаса.

Она не собиралась запираить ворота перед ним! Он не поверит ей!

— Ворота! — закричала она, но было уже поздно. Под Ударами мощного тарана часть стены обвалилась. Викинги.

Она увидела, что Филипп поскакал туда.

— Прикажи Филиппу вернуться, — коротко приказал Рагвальд.

— Он не подчинится.

Скажи ему, что тебе нужна его помощь. Нельзя допустить, чтобы викинга встретили вооруженные люди. Про меня он точно знает, что я не буду сражаться. Отзови его!

— Филипп! — позвала Мелисанда. Тот обернулся! и поспешил к ней. Рагвальд бросился к пролому в стене, через который уже пробирались воины. Мелисанда увидела, как Рагвальд остановился, кого-то приветствуя.

Да, это был он собственной персоной, в грозном сверкающем шлеме.

— Они побили их. Жоффрей сбежал! — вскричал Филипп и с облегчением рассмеялся. — Но мы должны помочь. Надо закончить это дело. Графиня, давайте я вас

уведу отсюда.

— Спокойно, Филипп, Рагвальд уже беседует с Волком.

— Тогда мы спасены от датчан.

Мелисанда промолчала. Еще больше, чем датчан, она боялась этого викинга, пришедшего ей на помощь.

На минуту она почувствовала угрызения совести. Ведь она в долгу перед ним за битву, происшедшую много лет назад. Хотя ему тогда хорошо заплатили. Это была одна из глупых сделок Рагвальда.

Какая ей, в самом деле, разница!

Что же касается его...

Его!

Он просто хотел перерезать ей горло!

О, она никогда не выносила его самоуверенности.

Потом еще эта блондинка, следующая за ним, словно привязанная. И тысячи других мелких, но унижительных для нее вещей.

Да хотя бы просто тот факт, что он командует, требует, отдает приказания!

Интересно, что он чувствует сейчас, оказавшись вновь здесь.

Она закрыла глаза, пытаясь заставить себя отрешиться от этих воспоминаний, забыть о нем.

Но нет, невозможно. Он здесь. Перед глазами медленно, но неуклонно разворачивалась лента воспоминаний.

«Господи, миледи, сколько с ним людей!» — прозвучало в ее памяти.

Конники с устрашающими масками на лицах; мускулистые, безжалостные и опасные, как сам дьявол.

Они спасли ее однажды. Она знает, как они умеют сражаться. И во главе — он!

— Я должен отвести вас в башню, — пробормотал Филипп, жаждущий вновь вступить в схватку. Он понимал, что остатки врагов, окруженные на поле, будут сражаться до последнего. Для нее лучше было бы удалиться в безопасное место.

— Не волнуйся, Филипп, — иди! Я сама дойду.

Филипп был не слишком доволен таким ответом, но она не дала ему размышлять и почти бегом направилась к башне. Ей хотелось побыть в одиночестве.

Как же встретить его? Как бы хотелось убежать и никогда больше не видеть его.

Несколько ступенек, ведущие в башню, были разрушены. Мелисанда обогнула провал и поднялась к себе.

Она переделалась. Вряд ли это поможет, но все же есть шанс, что он не заметил ее среди сражавшихся и не понял, что это она отдала приказ закрыть ворота.

«Глупо!» — одернула она себя. Трусливо. Она здесь графиня, он всего лишь младший сын короля, скитающийся по морям в поисках удачи. Она не должна его бояться.

Она бросила свой меч и сняла доспехи. Потом подняла оружие и оглянулась.

Кровать с чистейшими льняными простынями и медвежьим покрывалом.

Он не должен застать ее здесь! Она быстро выскочила из башни в галерею и снова огляделась. Посмотрела вниз во двор.

Сердце ее бешено колотилось, вдруг замерло: не в силах двинуться она глядела вниз прямо в его пронизывающие — холодные голубые глаза.

Мелисанда...

Не сходя с коня, он пристально смотрел на нее.

«Ага, — подумал он, — наконец-то!»

Теперь-то уж он до нее доберется, во что бы то ни стало. Она возникла на галерее среди дыма от метательных снарядов и теперь смотрела прямо вниз, на него, с глубочайшим презрением. Интересно, о чем она думает, если она чуть не проиграла, а он спас ее? Спас и подтвердил права на собственность.

Мелисанда явно не боялась. Возможно, она считает, что находится на достаточно безопасном расстоянии от него, хотя было ясно, что он может добраться до нее в несколько прыжков. Все, что ему нужно — просто спешиться и забраться по ступенькам.

Но, похоже, его возможное приближение ее не волнует. Ее вид выражал гордое презрение.

Он поймал себя на том, что внимательно разглядывает ее. Они давно не виделись. Но все также она бесподобна. Для женщины, может, чуть-чуть высока, но, чтобы взглянуть ему в глаза, ей приходится запрокидывать голову. Каскад густых темных волос, затмивших бы своей чернотой безлунную ночь, ниспадал ей на плечи. Лицо, напротив, отливало почти снежной белизной, оттенявшейся нежными бутонами роз на щеках. Прекрасный, правильной формы рот дополнял картину. Вряд ли какая богиня или ангел могли выглядеть более привлекательно.

Да, возможно, богиня, поскольку богини всегда отличались капризами и причудами характера. Но уж точно не ангел, нет. Помимо ее красоты в ней нет никакого намека на что-либо ангельское. Да, пожалуй, и красоту ее тоже ангельской не назовешь, особенно когда она смотрит вот так, как сейчас.

Безумная гордячка. Скромность — это явно не из разряда ее добродетели.

Ничуть не изменилась. Все такая же, как тогда, когда он встретил ее еще девчонкой. Боже, как она тогда торжествовала!

Но это было другое дело. Тогда они объединили силы, это была и ее победа.

А сегодня — она принимает его помощь — и закрывает ворота перед его носом!

Однако нам удалось пробить стену, и она побеждена!

Ей больше не удастся от меня сбежать, — подумалось вдруг ему. — Ни уловками, ни силой, ни по каким на свете причинам!

Он поднял забрало шлема, желая удостовериться, не исчезло ли, наконец, с ее лица это вызывающее выражение. Но, увы!

Он быстро спешился и сделал шаг по направлению к галерее. Конар уже приближался к ней, когда вспомнил, что все еще держит в руках боевой меч. Ладно, не имеет значения. К чему церемонии. Она тоже с клинком, хотя и переделалась. Мелисанда, не двигаясь, молча смотрела, как он приближается. На ней было розовато-лиловое платье, нежное облако, на котором сверкала и переливалась ниспадавшая до пояса черная волна волос.

То, что она переделалась, сменив доспехи на платье, очень его забавляло. Неужели плутовка думает, что он ее не заметил?

Этого больше не случится.

И она должна, наконец, все понять. О, ей придется много чего понять теперь. Конар был

уже на галерее. Как ей идет это платье. Мелисанда стояла вполоборота к нему, чтобы держать его в поле зрения. Он обошел зияющую дыру в ступенях и подошел к ней вплотную.

Она задрала подбородок.

О, она похорошела даже больше, чем он предполагал. Округлилась, оформилась. И какой овал лица, даже несмотря на суровое выражение. Губы, хотя и плотно сжаты, все равно напоминают лепестки роз. И больше всего, привлекают глаза. Огромные, широко распахнутые, как они близко! Таких нет больше ни у кого на свете! Сине-лиловые. Не тот нежный розовато-лиловый цвет ее платья, а другой — глубже и таинственнее, цвет, напоминающий грозное небо, сверкающие молнии, сражение древних богов, грохочущий гром. Да, эти глаза, наверное, не устроятся ни смерти, ни гнева богов. Неустрашимый взгляд человека, жаждущего победы.

Но сегодня она проиграла.

Победитель сегодня он.

А она... она не более чем его выигрыш, приз. Что бы она там ни воображала.

Он так стиснул зубы, что у него чуть не свело челюсть.

Находиться с ней рядом — это тяжелое испытание. Она ведь умела управлять мужчинами; старый Рагвальд вовсе не был таким дураком, когда послал ее на поле боя возглавить их армию. Конар был уверен, что во всем христианском мире не сыскать женщину, подобную ей. (Да и не в христианском тоже, если уж на то пошло.) Она бесподобна! И дело не только в красоте. Было в ней нечто такое, что когда-то заставило Конара сослать ее в женский монастырь, это нечто заставляло его грезить о ней по ночам, думать о ней, вспоминать...

И это бурлило в нем сейчас, подобно пробуждающемуся вулкану. Возможно, виной тому ее вызывающий вид. Возможно, не замечаемая ею самую чувственность, которая угадывалась в ее взгляде, в каждом ее движении, горела в ней и тогда, когда она испытывала ненависть.

Возможно, дело просто было в том, что он знал ее всю, знал и помнил каждый изгиб ее тела. Это преследовало его, как горячка, во время их последней разлуки.

Она никогда не простит ему, что он такой, как есть!

Неважно. Сегодня это не имеет значения. Сегодня ночью. И всегда.

— О Мелисанда! — вкрадчиво сказал он. — Какой холодный прием после долгой разлуки!

— Увы, лорд викинг! Здесь так много стрел с горячей паклей, как жаль, что ни одна не попала в вас и не согрела вас!

— Ах, я ранен, Мелисанда, я глубоко ранен!

— Я очень надеюсь, что это так, — ядовито сказала она.

— Мелисанда, что-то ты не слишком любезна сегодня. Подумай-ка, дорогая! После всего, что ты сделала, почему, в самом деле, почему я до сих пор не схватил тебя и не овладел тобой? По всем нашим законам и по всем вашим законам я имею на это право. Или, может быть, ты собиралась все же как-нибудь по-другому приветствовать твоего господина?

Она любезно улыбнулась, хотя глаза ее сверкали от гнева.

— Да, я собиралась вам сказать: ваши желания для вас — закон!

Конар расхохотался.

— Ох, Мелисанда, не может быть, чтобы ты такое когда-либо произнесла, — пробормотал он, задыхаясь от смеха. Немного успокоившись, серьезно добавил: — Но я

обещаю тебе — это так и будет!

— Не давай обещаний, которых не сможешь выполнить, викинг!

— Мелисанда, когда я даю обещание, я его выполняю. И позволь тебе напомнить, что я родом из Дублина.

— Но ты странствуешь на кораблях как викинг.

— Ладно, — согласился он. Затем вдруг нахмурился и сурово спросил: — Я так понял, что ты решила предложить себя добровольно нашему старому недругу Жоффрею?

Она замерла от неожиданности. Когда он умудрился расспросить ее людей?

— Я... — она умолкла, видя, что он рассержен не на шутку. — Я на самом деле не собиралась этого делать. Черт возьми, ты что, не понимаешь, речь шла о спасении людей?

— Если ты вздумает еще раз...

— То что?

— Если еще раз такая дурацкая мысль придет тебе в голову, я раздену тебя донага и выдеру до полусмерти.

— Ты не посмеешь!

— Ты что, хочешь проверить?

— Ну, и что если бы Жоффрей взял меня? — спросила она ледяным тоном.

— Ну, тогда бы я, наверное, глубоко задумался, стоит ли ломать ради тебя копья. Но сейчас ясно: ты — моя награда, а не его. Может быть, я именно за тобой и явился сюда. И я никому не позволю притронуться к тому, что считаю моим.

Глаза Мелисанды горели фиолетовым огнем.

— Я не нуждаюсь в твоих благодеяниях. И если бы я действительно нравилась тебе, ты бы никогда не уезжал отсюда далеко!

— А если бы ты слушала мои советы, ты никогда бы не попала в столь опасную ситуацию!

— Но замок...

— Это — камни да деревяшки.

— Камни и деревяшки, но внутри них — люди!

— Ладно, — он вздохнул и отвел взгляд в сторону. — Хорошо, что я успел вовремя. «Еще немного и я бы опять опоздал, — подумал он. — Как в тот раз».

— Хорошо, — продолжала она, стараясь не выдать своего волнения. — А ты надолго сюда приехал?

Он усмехнулся.

— Ах, Мелисанда! Вместо: «Спасибо, милорд, вы прибыли так вовремя, милорд». Ты говоришь «Надолго ли вы сюда? Пожалуйста, не задерживайтесь здесь слишком». Я понимаю, конечно, для тебя было бы гораздо приятнее, если бы мое сердце пронзила стрела какого-нибудь датчанина, но увы, мое желание угождать тебе все же имеет некоторые пределы.

Она презрительно сощурилась.

— Ах, какая жалость! — Затем скороговоркой пробормотала: — Спасибо, милорд, вы прибыли вовремя. — На мгновение она опустила взгляд долу, а потом вдруг с ненавистью проговорила: — Но я хотела бы знать, милорд, какая здесь разница — что вы — викинг, что — они?!

Проклятая чертовка!

Сама не знает, чего хочет, но уколоть и ранить, задеть за живое — это она может.

Он взял себя в руки, стараясь не выдать раздражения. С некоторым усилием изобразив на лице улыбку, он любезно ответил:

— Ну, что ж, миледи. Если в будущем мне придется торговаться с Жоффреем или каким-нибудь датским ярлом, то я буду знать, что вы не воспримете как оскорбление, если я предложу вашу драгоценную персону в обмен на какие-то уступки с их стороны.

Ага! Значит, он тоже умеет попадать в цель. Похоже, он ее разъярил. Действительно она пришла в такую ярость, что, не в силах контролировать себя, взмахнула маленьким мечом, который все еще держала в руках, и, не будь у Конара мгновенной реакции, благодаря которой он успел защититься, ему грозило бы ранение. Преимущество его боевого меча было очевидным, но она продолжала с дикой яростью на него нападать. Внезапно она вскрикнула, почувствовав, что теряет опору под ногами: Мелисанда подошла слишком близко к обрушенным ступенькам, теперь, в последнем отчаянном рывке успела зацепиться за край, но руки ее скользили, и, если бы подоспевший Конар не схватил и не вытащил ее, она бы упала вниз и разбилась. Взгляд, которым она его наградила, был неопишуем.

Спасай ее не спасай, — она упорно продолжала его ненавидеть!

— Дурочка! Ты же могла разбиться! Вот что значит нападать на меня. Ладно, миледи, на сегодня шутки кончены. Да поможет мне Бог...

— Но ведь ты не веришь в Бога?

Он все еще держал ее за руки и, похоже, не собирался отпускать. «Он никогда меня не отпустит», — подумала она безнадежно, пытаясь освободиться. Он легонько встряхнул ее, чтобы она уgomонилась.

— Мы выступим с тобой совместно, Мелисанда! Ты слышишь меня? Люди должны увидеть, что мы с тобой объединились. У тебя полчаса времени на подготовку. Потом ты спустишься и поприветствуешь меня, как положено. Я понимаю, что тебе легче было бы умереть, чем на сей раз принести такую жертву.

— Это действительно жертва с моей стороны.

— Бедная моя маленькая мученица. Да ладно, Мелисанда, посмотри, какой чудесный нынче день.

— Убирайся!

— Если я тебя отпущу, ты свалишься вниз в эту дыру и разобьешься. Я не могу позволить пропасть попусту такой красоте. И запомни раз и навсегда: я никогда не отпущу тебя больше.

— А ты не боишься, что как-нибудь ночью я всажу тебе нож в спину? — спросила она ледяным тоном, все еще упираясь и пытаясь освободиться.

«Эге, — подумал Конар, — а ведь она вовсе не так холодна, как хочет показать. Достаточно посмотреть на ее вздымающуюся и опускающуюся грудь. А с каким трудом ей удастся справиться со своим голосом. Нет, она просто вызывающе соблазнительна!»

Он наклонился к ней и с улыбкой прошептал:

— Когда, миледи, сегодня ночью я закончу с вами, уверяю вас, вы будете не в состоянии пошевелиться.

Она побледнела как полотно, почувствовав внезапную слабость. Но потом неожиданно сумела собраться с силами и резко ударила его головой в подбородок. Удар был столь сильный, что Конар чуть не вскрикнул от изумления, но вовремя спохватившись, он сгреб ее в охапку, быстро взбежал по ступенькам лестницы в башню, ввалился в ее покои, где и бросил на кровать.

К вящему удивлению, он заметил, что губы Мелисанды дрожат, а в глазах прячется страх. Мелисанда, боящаяся викинга!

— Неужели это возможно? Мелисанда, ведь ты испугалась. И чего? Прикосновения викинга? Может быть, ты просто слишком хорошо помнишь все остальное? Так ты боишься, или просто очень хочешь? Мне кажется, ты дрожишь, Но от чего? От ненависти или... Но, моя милая; леди, ты можешь не бояться меня — у меня просто нет сейчас времени прийти в твои гостеприимные объятия. Но не спеши. Впереди у нас еще долгая ночь.

— Не спеши?!.. Ты... ты... исчадь ада...

Он не дал ей договорить, схватив ее опять на руки и поставив перед собой.

— Ад или Небеса, Мелисанда, но я повторяю тебе, что я здесь хозяин и я следую по пути викингов.

— О! — в бешенстве закричала она. — Ты — пират! Ты — бастард! Ты...

— У меня нет времени, меня ждут. И сегодня, Мелисанда, — никаких побегов! — он отпустил ее.

— Я не собираюсь от тебя убежать! — прошипела она. — Мне нужна была помощь, а ты не мог приехать. Ты уверял, что ты нужен где-то еще...

— В доме отца! — сердито ответил он. — Потому что, хотя ты предпочитаешь звать меня только викингом, но я также принц Дублина, и у меня, увы, есть определенные обязанности.

— Ладно, а у меня они здесь, — запальчиво возразила она.

— Прекрасно, — сказал он и резко повернул разговор на другое. — Когда мы закончим все эти церемонии, я хотел бы принять ванну. И ты тоже. Пусть слуги все приготовят.

— Но я...

— Конар! — В дверях появился Свен Виндзорский, один из ближайших помощников Конара. Высокий, рыжеволосый, с приятным открытым лицом, которое горело от возбуждения.

Заметив Мелисанду он отвесил ей короткий поклон.

— Конар, ты срочно нужен. Мы не знаем, что делать с пленниками.

— Сейчас иду.

— Подожди! — вдруг окликнула Мелисанда. Она замаялась, что было на нее так не похоже. — Что... что вы собираетесь делать с пленниками.

— С пленниками?

Она взволнованно произнесла:

— Но вы же не будете... просто... убивать их. Он задумчиво склонил голову. Ему бы не хотелось их убивать, но они опасны, это все же враги.

— Конар...

— Полчаса, — напомнил он. — Полчаса, и, если тебе дорог твой народ, не вздумай что-нибудь выкинуть на публике. — Он резко повернулся, взмахнув полой плаща, хлопнул дружески по плечу Свена, и они вместе вышли из комнаты.

Дверь за ними с шумом захлопнулась.

— Клянусь всеми богами! — свирепо проворчал Конар. — Это не женщина, а сущая ведьма!

— О, милорд, — беспечно заметил Свен, не отрывая взгляда от пола, — ну вряд ли уж вы настроены столь враждебно...

Конар бросил на него убийственный взгляд.

Свен глубоко вздохнул.

— Возможно, вам не надо было тогда жениться на девчонке. Но теперь, однако...

— Что — однако? — пробурчал Конар.

— Однако мне кажется, что это одна из самых красивых ведьм на белом свете. И она бывает иногда очень мила.

— Очень мила? Для кого угодно, но не для меня.

— Милорд?

— Самоуверенная девчонка, — сердито отозвался Конар — Я женился на ней из-за этого глупца Рагвальда... — он помедлил, задумавшись. — И еще из-за того, что мы опоздали. Мы обещали помощь ее отцу и опоздали. Она была тогда совсем еще девчонкой, и я никогда не воображал себе, что...

— Что она решится дергать волка за хвост? — с шутливой улыбкой предположил Свен, но увидев, что Конар явно не в настроении, поспешил спрятать улыбку.

— Она просто ребенок! — внезапно взорвался Конар.

«Да, но чертовски красивый ребенок», — подумал про себя Свен. Видя отвратительное настроение Конара, он решил воздержаться от высказываний. Да, она всегда производила впечатление на Конара, и даже тогда, когда он обнаружил, что его новоиспеченная невеста обладает независимым и своевольным характером и собирается сама управлять своим наследным замком. У них всегда были бурные отношения. И сейчас будет то же самое. Мелисанда, кажется, еще не поняла, что Конар приехал навсегда. И что он привел свои корабли, чтобы защищать свою Мелисанду.

— Ну, милорд, — пробормотал Свен, — все же вы ее сильно ограничивали. Сначала послали в монастырь...

— Она считал это самым страшным наказанием! — фыркнул Конар.

Свен на мгновение замолчал. Вряд ли он ошибался. Причина, по которой Конар сослал ее в монастырь, была достаточно понятна. Она была девчонкой, да, но очень привлекательной. Она была соблазном. И Конар поспешил убрать этот соблазн подальше от себя.

Свен проговорил:

— Милорд, но вы все же... э-э... показывали суровость в отношении...

— Все! — Конар махнул рукой, — ни слова больше!

«Интересно, — подумал Свен, — какая победа дается Конару с большим трудом — над датчанами или над собственной женой».

Что бы там ни было, но все это тянется уже достаточно долго. И одна вещь, которой наверняка не замечает Мелисанда, но которая совершенно очевидна тем немногим друзьям, которые окружают Конара, заключается в том, что он просто с ума сходит по ней. Причем, все время. Мелисанда прочно заняла место в его сердце.

— Найди Рагвальда. Прикажи ему собрать людей из крепости на берегу. Я встречу Мелисанду здесь во дворе, и мы вместе выедем приветствовать народ.

— Как прикажете, — ответил Свен, с некоторым сомнением.

Конар вдруг улыбнулся.

— Не беспокойся, она придет. Она не может рисковать своими людьми.

Свен поспешил прочь выполнять приказ. Конар посмотрел ему вслед, расправил плечи и свистнул Тора. Вороной жеребец примчался немедленно.

— Эх, дружок, если бы женщина могла себя так вести? — прошептал он коню.

Верхом на Торе он выехал из крепости. Здесь под охраной стояла толпа пленников. Часть из них составляли датчане, часть — приверженцы Жоффрея.

«Их надо обезглавить», — подумал Конар. Никто из них не заслуживает прощения. Но едва пленники увидели его, один из франков упал на колени и стал просить о пощаде.

— Убей мерзавца, Конар из Дублина! — крикнул один из датчан на родном языке Конара. — Или мы сделаем это сами.

Конар взглянул на Эйбла, Бриона и Зигфрида, которые охраняли пленных.

Он вспомнил, как Мелисанда просила его пощадить пленников. Если бы она знала, как ему самому все это неприятно, но война есть война. Она должна понять, что даже в плену воины Жоффрея — это воины Жоффрея, и они опасны. Он тяжело вздохнул.

— Разделите пленных. Датчан — в восточную башню, а этих разместите в том здании, среди полей. Проследите, чтобы все были надежно заперты. Нам еще не хватало хлопот с ними. Приставьте охрану, пока мы не решим, как с ними поступить.

— Некоторые ранены, — напомнил Брион.

— Пошлите женщин, чтобы осмотрели раны, и не сводите с них глаз.

Зигфрид пожал плечами. Отрубили бы им головы, и дело с концом.

— Пока мы оставим их в живых. Когда пленных уберут, мы все соберемся здесь на морском берегу. Сегодня праздничный день. Мы вновь вместе с моей дорогой супругой, и эти земли с сегодняшнего дня в наших надежных руках. Нам еще придется много за них сражаться, но сегодня — день праздника. Я желаю всем хорошо повеселиться.

Он поскакал обратно в замок через пролом в стене, отметив про себя на ходу, что эту дыру надо срочно заделать. Сегодня он успел вовремя. Конар чувствовал, что нуждается в морской прогулке, чтобы остудить свой гнев. Хотя каждое мгновение отлучки оказалось для него пыткой. Гнев вытиснился страстью, он не мог больше ни о чем думать. Злость на себя, что он так легко подпадает под ее обаяние, вскоре уступила место страху за нее.

И все же сегодняшняя ночь наступит. Ничто на свете его больше не остановит!

Она ждала его во дворе замка верхом на своем замечательном Герое. Конар подумал про себя, что старый Рагвальд был когда-то прав, когда сказал — мужчины последуют за ней.

— Пошли! — сказал он ей.

Мелисанда молча посмотрела на него. Он пришпорил Тора и послал его вперед. Она последовала за ним.

Они выехали на широкий пологий склон у берега! моря. Как он и приказал, народ уже был собран там. Его соратники по морским походам. Ее гвардия, поселяне, слуги, их жены, дети. Местный приор с женой и детьми. Все они были там. Разнородная толпа, говорящая на ирландском, норвежском и франкском языках.

Он взял Мелисанду за руку. Она попыталась незаметно выдернуть ее, но он держал крепко.

— Сегодня торжественный день. Мы с Мелисандой, наконец, вместе, как нам и было предназначено! — выкрикнул он. — Мы отбили сегодня натиск нашего общего врага. Впереди нас ждут еще большие битвы, так давайте объединимся. Сегодня победа за нами! Отпразднуем же ее!

Толпа разразилась радостными выкриками, хотя и не все понимали речь по-франкски, но тут вступила Мелисанда. Она повторяла речь Конара нежным мелодичным и в то же время звучным голосом.

«Да, она может управлять. Но не мной, милая! Только не мной! — пообещал он себе. — Сегодня ночью все будет по-другому».

Она уже смотрела на него.

— Улыбнись, мой дорогой. Подними ручку, галантно помаши ею в воздухе и улыбайся при этом.

У нее на лице действительно уже сияла лучезарная улыбка. «Ангельская!» — с усмешкой подумал он. Толпа приветствовала ее восторженными выкриками. Они обожали ее, они были без ума от нее. Ее густые черные волосы развевались по ветру. Трудно было вообразить себе более прекрасное лицо, чем у нее.

Мелисанда взглянула на него, не переставая улыбаться. Приветственно помахала в воздухе рукой. Не меняя любезного выражения лица и улыбки, она пробормотала, обращаясь только к нему: — Ты несносный бастард!

Он столь же любезно улыбнулся в ответ: — Ты мне льстишь, Мелисанда. Как жаль, что вы метки в словах, а не в бою. Вы уступаете во владении оружием всем — ирландцам, датчанам, норвежцам, но во владении языком вам действительно нет равных.

— О, это правда, — ответила она, не переставая улыбаться, — так что поберегись! Он рассмеялся.

— Я обожаю опасность.

— Ты обожаешь только командовать!

— Все правильно. Я победитель и буду управлять этой страной... вместе с тобой. Так что поцелуй меня, моя ненаглядная ведьмочка!

— Я скорее поцелую змею!

— А вот в это мне трудно поверить! — Они все еще оба продолжали улыбаться перед ликующей толпой. — Мелисанда, дорогая моя, мы должны поцеловаться на глазах у всех этих славных подданных!

— Поцеловаться? Я скорее выцарапаю тебе глаза.

— Но ты обещала мне, что я почувствую остроту твоего язычка!

Мелисанда в бешенстве подвинула своего коня вплотную и с улыбкой подставила губы для поцелуя.

— Чтоб ты заживо сгорел в аду! — пожелала она ему.

Конар наклонился и легко коснулся ее губами. Толпа разразилась новым взрывом восторга.

— Видишь, как ты всем угодила?

— Да, очень мило, — ответила она, глядя на него с обожанием. — Я тебя просто ненавижу.

— Будь аккуратней в выражениях, моя дорогая. Я уверен, что моя ночь с тобой будет более приятной, если у тебя будет кляп во рту.

— Но ты же в восторге от моего острого язычка.

— О, ты права, — мягко заверил он.

— Ты гнусный дьявол!

— Зато ты — самая милая ведьма на свете! По лицу ее пробежала тень, потом она вновь взглянула на него.

— Ну, так как же, милорд? Не будет ли в таком; случае более мудрым с вашей стороны, выполнив здесь то, что вам необходимо, оставить меня в покое?

— То, чего я хотел? Но, моя дорогая, жена, я ведь еще и не приступил ни к чему! Или ты

забыла, что мы с тобой! женаты? Ты ведь знаешь, викинги — это страшные пираты и разбойники, они грабят и насилуют, и неужели ты считаешь, что они могут упустить свой законный шанс. Ах, взгляни! Вон приор! Помаши ему. Пусть все будут уверены в том, что мы с тобой счастливы быть вместе!

Она любезно помахала приору и язвительно пробормотала: — Лорд — Повелитель Волков! Да ты просто повелитель этих противных плавающих драконов, и ничего больше!

— Мой брат в Англии женился на родственнице Альфреда Великого. Мой дед со стороны матери был одним из самых знаменитых ирландских королей, — и хотя Конар произнес эти слова тихо, чувствовался закипающий в нем гнев.

— А, вот как! Так ты отказываешься признать, что ты морской пират и плаваешь на этих кораблях?

— Нет! — ответил он. — Пираты, миледи, кажется, так ты называешь моих норвежских родственников? Увы, но будь спокойна. Я не собираюсь отрицать, что я один из них. Они были великими открывателями...

— Великими захватчиками, великими разбойниками...

— Да, захватчиками, миледи! И я не отрицаю, что во мне их кровь!

— Ты не захватил ничего!

Улыбка его стала шире, когда он наклонился к ней и сказал:

— Нет, моя дорогая! Ты заблуждаешься. И скоро ты это поймешь. Клянусь тебе. — С этими словами он внезапно со страстью притянул ее к себе и впился губами в ее губы. Нет, это не был уже формальный поцелуй «на публику». Это был натиск, захват. Он насильно заставил ее разомкнуть губы, он требовал и настаивал, его охватил жар. Он стащил Мелисанду с коня и посадил ее перед собой на Тора. Она пыталась сопротивляться, но он лишь сильнее стиснул ее в объятиях.

Нет, он не позволит ей уйти.

Он наслаждался вкусом ее губ и вспоминал прошлое.

Ощущал, как дрожат от ярости ее колени, вздымается грудь, как учащается ее дыхание. Она пыталась сопротивляться, но он держал железной хваткой, прижав к себе и ни на секунду не отпуская ее губ. У него шумело в голове, кровь стучала в висках, и все это сливалось с безудержным ликующим воем толпы.

Ее руки разжались, губы разомкнулись сами по себе. Она уже не сопротивлялась ему. Он оторвался от нее на мгновение и сказал:

— Ты будешь со мной, моя дорогая, неважно, викинг я или нет!

Он победно взмахнул мечом, прощаясь с народом, и пришпорил Тора. Мелисанда вскрикнула от неожиданности, так как Тор внезапно привстал на дыбы и, развернувшись, галопом поскакал обратно в крепость.

— Что вы делаете?! — вскричала Мелисанда.

Ее волосы на скаку разметались, и со стороны могло показаться, что всадник и его спутница укрыты черным шелковистым плащом, трепещущим на ветру.

— Я слишком давно не занимался грабежом и насилием, — спокойно сообщил ей Конар.

Она побледнела, потом ее щеки стали пунцовыми.

— Еще очень рано! Нужно еще провести церемонию...

— Никаких церемоний, любовь моя. Зачем? Разве тебе когда-нибудь хотелось со мной расставаться? И я так соскучился по тебе!

Он соскочил с Тора и подхватил Мелисанду на руки.

— Нет! — сопротивлялась она.

Не обращая внимания на ее крики, он быстро поднялся по лестнице в спальню.

К его изумлению, там стояла бадья с водой и горячая жаровня, на которой подогревались кувшины с кипятком.

— Ого, Мелисанда, — с довольной ухмылкой воскликнул он. Она попятилась от него. — Как же нам теперь быть? Если я залезу в воду первый, то ты улизнешь. Но все равно спасибо, что позаботилась.

— Я не заботилась, — холодно ответила Мелисанда.

— Ну, значит, ваши слуги, миледи, гораздо умнее хозяйки. Так как же, любовь моя, ты будешь первой или после меня?

— Никак. Здесь еще тысяча дел...

— Допустим, ты будешь первой, — размышлял он вслух не торопясь. — У меня странное чувство, что ты хочешь сбежать от меня. Но голой бежать по лестнице неловко...

— Чтоб ты сдох, викинг!

— Итак, что мы решим? — Он внезапно оказался рядом с ней. — Мы купаемся вместе!

Мелисанда вскрикнула, но было уже поздно. Он поднял ее, положил на кровать и, несмотря на дикое сопротивление, начал раздевать.

Когда ему удалось снять с нее блузку, и он почувствовал под руками ее нежное обнаженное тело, она вдруг перестала биться.

Глаза ее внезапно расширились.

— Пожалуйста, — тихо прошептала она.

Он, усмехаясь, провел ладонью по ее щеке и губам.

— О, я могу припомнить только один раз, Мелисанда, когда ты в прошлом произносила это слово!

Краска сбежала с ее лица. Она помнила это слишком хорошо. Внезапно ее поведение резко изменилось.

— Убирайся вон, проклятый викинг!

— Ну, раз так, держитесь, миледи, — с этими словами он резко сорвал с нее всю оставшуюся одежду, ничем, впрочем, не повредив ее.

Обнаженная, она была прекрасна. Его взгляд заскользил по ее телу, коснулся женственных изгибов тонкой талии, остановился на мягких очертаниях груди, обнял крутую выпуклость бедер. У Конара бешено заколотилось сердце. Ее тело обжигало. Он готов был

взять ее прямо сейчас.

Она кулачками яростно уперлась ему в грудь. Он со вздохом опять поднял ее на руки. Что ж, у него нет другого выхода. Она должна научиться подчиняться.

— Я не желаю быть вашей женой! — закричала Мелисанда. — Я не хочу, чтобы мной командовали в моем собственном доме! Презираю викингов! Отпусти меня!

Он отпустил ее. Прямо в бадью с водой. Пока она выныривала и протирала глаза, он успел быстро скинуть с себя одежду.

Она подняла на него взгляд, и у нее пересохло во рту.

Он стоял перед ней во всем великолепии своей мужественности. Необыкновенно высокий, как и его отец, золотоволосый, широкоплечий, с бронзовой от загара кожей, глянцево-блестящие блики на которой подчеркивали выпуклую, хорошо развитую мускулатуру. Золотые завитки волос на груди опускались вниз к животу, пушистым пояском сбегали по талии и превращались в густые волнующие заросли внизу живота.

Когда взгляд Мелисанды дошел до этого, она чуть не вскрикнула, потому что он был столь же строен и крепок, как и его хозяин, и стоял столь же гордо и самоуверенно.

Мелисанда попыталась сопротивляться, напоминая себе, что ненавидит его, но, вопреки ее усилиям, жаркая волна захлестнула ее, охватив пламенем все тело. Она убеждала себя, что никогда не отдастся ему.

Но это было выше ее сил.

Потому, что страсть, охватившая ее, пересилила гнев, и еще потому, что он нравился ей с самого начала, и потому, что она желала его гораздо сильнее, чем ненавидела.

Сегодня он потребует отдачи. Сейчас.

Она отвела глаза, гордо подняла головку.

— Вы, конечно, можете взять меня силой, но... — Она старалась казаться невозмутимой. — Но вы же соблазните меня.

Уголок ее рта дрогнул в усмешке.

— Отлично. Викинги не берут женщин силой, они берут их страстью.

Она почувствовала его горячее дыхание у себя на затылке, и в следующее мгновение он уже оказался с нею в воде.

— Свадебное омовение! — довольно пробормотал он.

Мелисанда, злобно сжав зубы, плеснула ему водой в глаза и вскочила. В ту же секунду он схватил ее мокрую, оттащил на постель. Он навалился на нее, прижимая ее руки к кровати.

Губы его приникли к ее губам, как и тогда, обследуя, пробуя их на вкус. Рука его коснулась кончика ее груди. Она не могла вскрикнуть, потому что он, не отпуская, продолжал целовать ее. Мелисанда даже не заметила, что руки ее уже свободны.

Наконец, он оторвался от ее сладких губ. Опустив голову, он нащупал пульсирующую жилку у нее на шее, прошелся по ней кончиком языка, потом опустился ниже к груди, облизывая и покусывая ее соски. Она чуть не задохнулась от рвавшегося из горла крика, руки ее взметнулись за голову.

Он продолжал свои ласки, двигаясь языком вдоль ее тела, по волшебным изгибам рук, талии, бедер. Он погладил рукой черный кудрявый холмик внизу живота, нежно раздвинул завитки и приник туда губами. Она закричала, заметалась, как бы пытаясь убежать от его ласк, но он не собирался давать ей пощады. Она почувствовала, как язык его продвигается внутрь — настойчиво, требовательно. Возбуждает, скользит глубже, проникает, вызывает

ответную жажду.

— Конар! — сорвалось с ее губ. Она почти никогда не называла его по имени. И сейчас это звучало как просьба. Он приподнялся и лукаво взглянул на нее.

— Так это насилие или соблазнение?

— Насилие! — солгала она.

Конар рассмеялся. Смех его звучал торжествующе, но прикосновения рук оставались ласковыми и нежными. Он притянул ее к себе.

Пронзительный трепет прошел по всему ее телу, когда он вдруг вошел в нее целиком. Она страстно обвила его руками. Ее охватило странное чувство, как будто она уже умерла и находится где-то не здесь. Каждое его движение окутывало ее горячей волной наслаждения.

Он двигался сначала медленно и плавно, как волна, увлекающая ее за собой. И это было так легко! Следовать за ним, встречать его, уступать ему, поддаваться ему. Внезапно ритм изменился, убыстрился, это была уже не одна волна, а целый каскад волн, стремительно наплывающих одна за другой в бешеном темпе. И она следовала за ним стремительно и страстно. И в эти волшебные мгновения в ней возникло еще одно невероятное, немислимое возбуждение, которое поднялось и разразилось в ней звездным водопадом в ночной темноте. Она закричала и, обессиленная, откинулась на спину. И он через несколько секунд тоже опустился на кровать рядом с ней.

Внезапно, очнувшись от наваждения, Мелисанда спрыгнула с постели. Стыд, страх, ярость бушевали в ней одновременно. Она ненавидела его, она ненавидела себя.

Конар схватил ее за руку.

— Куда это вы собрались, графиня?

— Я должна теперь вымыться, — сообщила она, избегая смотреть ему в глаза.

К ее удивлению, он тут же отпустил ее и откинулся на подушку. Заложив руки за голову, он с интересом наблюдал за ней. Мелисанда была уверена, что ее слова задела его. Однако он не подавал виду.

— Пожалуйста, любовь моя, — любезно сказал Конар.

Она быстренько забралась в воду, которая, как оказалось, уже успела остыть за то время, что они провели в постели. Мелисанду начала бить дрожь, она села, притянув колени к груди.

Она услышала, как он почти бесшумной походкой подошел к ней сзади.

— Когда ты наконец уберешься отсюда? — злобно сказала Мелисанда.

— И все же ты жестокая! Холодная и жестокая. Я молился всем богам, какие только есть на этом свете, чтобы перестать любить тебя. Я думаю, что даже твой Бог, должен был бы меня пожалеть, потому что не любить тебя невозможно. Ты очаровываешь всех мужчин, которые хоть раз тебя увидели. Ты посмотри на своих солдат, да они все готовы умереть за тебя! А моя семья? Да что там! Ты просто покоряешь сердца.

— Вы очень любезны...

— Для викинга? — горько усмехнулся он.

— И я не жестокая! — воскликнула она. — Вовсе нет! Разве это я командую всеми направо-налево? Разве я отдаю приказы и требую подчинения?

— И захватываю? — подсказал он.

— Ты ничего не захватил!

— Ну, значит завоевал.

— Что угодно, но только не меня!

Он приподнял ее за подбородок и, глядя ей в глаза, проговорил: — Послушай, Мелисанда, ты должна, наконец, понять. Время для игр прошло. Что бы там ни было, ты должна прекратить свою непрестанную войну со мной. Сейчас наступает тяжелое время, и мне понадобятся все мои силы. Я не могу их тратить на борьбу с собственной женой.

Она сердито фыркнула.

— Это ты ничего не понял! Эти земли — мои! Эта крепость — моя!..

— Прошу прощения, миледи, но и земли и крепость принадлежат мне по брачному контракту и достались мне по праву в результате победы в битве.

— Ты — мерзкий тиран! Ты, ты — викинг!

Конар внезапно наклонился и, вытащив из-под груди своей одежды, валявшейся на полу, меч, приставил его к груди Мелисанды.

— Все! Хватит, Мелисанда! Я предупреждаю тебя последний раз. Больше никаких шпучек, никаких побегов, исчезновений или неповиновения! Достаточно я натерпелся с тобой. И никаких золоченых кольчуг. Ведь Жоффрей мог захватить тебя сегодня!

— Ну, и что! Все вы...

— Викинги? Должен напомнить тебе, что Жоффрей — это ваш дворянин.

— Все равно!

— Понятно, значит по-твоему, все плохое — это викинги.

Кончик его меча все еще упирался ей в грудь. Она судорожно вздохнула.

— Мне кажется, вы хотели уйти.

— Да, я должен уйти, но я вернусь, Мелисанда.

Острая ревность вдруг вновь кольнула ее. Куда он уходит? К русой гадалке? Чего он хочет от нее, если сам таскает за собой повсюду другую женщину? О, как она ненавидит все это! И все же сегодня он был с ней, и она позволила это ему, и теперь ее терзала жгучая, невыносимая боль при одной мысли, что он может быть еще с кем-то.

— Вы уверены, что хотите провести ночь со мной?

— Что? — удивленно спросил Конар.

— А не с... — она замолчала, не в силах выговорить имя.

— С кем?

— Неважно. Идите.

— Да с кем же? — он, похоже, начинал сердиться. Она еще сильнее сжалась в комок, притянув колени к подбородку. — С Бренной! С твоей чтицей рун...

— Так ты ревнуешь, любовь моя!

— Ничуть. Я напротив буду рада, если вы пойдете куда-нибудь еще.

— Ну ладно, не бойся, я вернусь сюда, Мелисанда, — сказал он насмешливо. Вдруг его тон сделался серьезным: — Война уже развязана, неизвестно, какие испытания предстоят нам в будущем.

Мелисанда, казалось, не обратила внимания на его последние слова.

— Так ты вернешься! — сказала она. — И у меня нет сил вышвырнуть тебя?

— Нет, — подтвердил он.

— Ну так убирайся!

— Только помни, что я сплю чутко и, если проснусь, когда ты занесешь надо мною кинжал, буду действовать, как викинг!

— Ты и так действуешь, как викинг!

— И с огромным удовольствием. Мелисанда, я предупреждаю тебя на будущее. Ты —

моя жена. Так помогай мне, Мелисанда. И ради всех святых — не рискуй своей жизнью! Жоффрей жаждет и домогается тебя не меньше, чем он жаждет власти над здешними землями. И за тебя я боюсь больше, чем за крепость и остальные владения. Послушайся меня, Мелисанда! Не подвергай себя опасности, делай то, что я скажу, прислушайся к моим словам, подчиняйся мои приказам!

Она широко открыла глаза, с изумлением глядя на него.

— Но тогда я не могу быть вашей женой! Вы требуете слишком! Я...

— Для начала вылезь из воды, — усмехнулся он. Он отбросил меч и поднял ее на руки.

Она отчаянно отбивалась, но вновь оказалась на кровати.

— Ты невероятно соблазнительна! — сказал Конар и добавил более нежно: — И ты дрожишь, как тростинка на ветру. — Он погладил ее по щеке. — Нравится тебе это или нет, но будет так, Мелисанда. Можешь ненавидеть меня, но я останусь здесь. — Он наклонился к ней и нежно прошептал: — И я скоро вернусь и буду спать с тобой всю ночь.

Он стал одеваться, собираясь уйти. Мелисанда закусил губу, наблюдая за ним.

Значит, он придет. Она боялась об этом думать. Придет, чтобы спать с ней, чтобы опять подтвердить свои права на нее, взять то, что ему принадлежит, держать ее в своих руках. Она почувствовала, что ее пробирает дрожь. Он сказал, что молил Бога о том, чтобы не любить ее! Господи милый, Господи Боже! Сделай так, чтобы я не любила его! Не позволяй мне любить его! Пожалуйста, Господи!

«Я не позволю себе этого, — пообещала она себе. — Я ненавижу тебя! Ненавижу!» — восклицала она про себя.

Это правда, или это неправда? Она ненавидит его, она желает его и боится его...

Жалеет его.

И любит.

Но их разделяет столь многое.

Он сказал, война уже началась. Но он придет к ней, он будет с ней опять, лежать рядом, спать с ней. Он вернется сюда.

Нет!

Она ненавидит его...

Любит.

Нет, нет и нет! Она обещала себе, что не позволит этого.

Она вздрогнула, услышав чьи-то шаги. Неужели Конар уже вернулся? Она обернулась к двери, и из груди ее вырвался крик. Нет, это был не Конар. В комнату вошел совсем не он. Это был Жоффрей Сюр де Монт, их злейший враг. Крупный, черноволосый, с красивым, но грубоватым лицом, он неслышно скользнул к кровати. Она открыла рот, чтобы закричать во весь голос, позвать на помощь, но, прежде чем она издала звук, ее схватили сзади чьи-то руки, заткнули рот кляпом. Жоффрей появился не один, с ним было двое его преданных слуг, Жиль и Жан де Лек.

На секунду ей удалось выплюнуть кляп.

— Выродки! — просипела она, но они быстро заткнули ей снова рот, крепко завязали руки. Она извивалась и брыкалась, как дикая кошка, но силы были неравны.

В какой-то момент ей удалось на дюйм сдвинуть кляп, — Конар убьет вас!

Жоффрей сердито посмотрел на слуг.

— Она должна молчать.

— Не волнуйтесь, больше она не скажет ни слова, — заверил его Жиль. Он выломал

прут из кровати и резко ударил ее сзади по голове. Мелисанда потеряла сознание.

Очнулась она по дороге. Она была закутана в меховую накидку, руки были по-прежнему связаны, во рту кляп. Ее немилосердно трясло. Чей-то голос произнес:

— Ага, дорогая, наконец-то ты очнулась! Проклятый Жоффрей! Она с ненавистью посмотрела на него.

— Ах, ну да, ты не можешь говорить, — усмехнулся он.

Он внезапно остановил лошадь, спрыгнул с седла и стащил ее на землю, развязал веревку, обмотанную вокруг, и вытащил кляп. Меховая накидка скользнула вниз.

— Плащ! — крикнул он слугам.

Немедленно на ее плечах оказался плащ. Конечно Жоффрей вовсе не хотел, чтобы его слуги любовались на обнаженную Мелисанду.

— Конар отомстит тебе! — пообещала она. — Он раздерет тебя на мелкие кусочки!

— Ха! Ты думаешь, что он будет тебя искать? Думаешь, он любит тебя настолько, чтобы рисковать ради тебя?

Она холодно взглянула на Жоффрея.

— Он рисковал своей жизнью ради меня много раз.

— Ну-ну, возможно. А, возможно, что не ради тебя, а ради твоих владений.

Он посадил ее на лошадь и привязал руки к луке седла.

— Жиль будет справа, Жан слева, не вздумай свернуть! — предупредил он.

Она глядела невозмутимо прямо перед собой.

— Куда мы направляемся?

— О, совсем уже недалеко.

Действительно они были уже совсем близко, они приближались к руинам старой римской крепости, из которой ее отец брал камень для постройки замка.

Да, там он найдет, где спрятать ее. В детстве они любили играть в развалинах. Там было огромное количество подземных переходов, где прежде находились римские усыпальницы, а потом каменоломни.

По полуразрушенным каменным ступенькам ее повели вниз. Жиль и Жан втокнули ее в вонючий каменный подвал. Жоффрей сказал ей на прощанье:

— Мне надо посмотреть посты, Мелисанда. Но я вернусь, как только освобожусь, — в голосе его звучало торжество и насмешка.

Сколько она сопротивлялась Конару? Боялась его. Потом желала, потом страдала от разлуки и от ревности. И опять боялась. Но все равно желала, страстно желала.

Любила.

А теперь — вот! Ей хотелось умереть на месте.

— Он придет за мной! — выкрикнула она в ответ.

Жоффрей захохотал.

— Посмотрим, посмотрим! — Он развернулся и вышел. Тяжелая дверь захлопнулась за ним, и она осталась одна в крошечной тьме.

Мелисанда поплотнее закуталась в плащ, чтобы унять дрожь.

— Он придет! — крикнула она в темноту.

Он должен прийти, он, Повелитель Волков, он самый сильный и он никому не позволит отнять ее! Пожалуйста, Господи, я люблю его, не дай ему погибнуть, пусть он придет, пусть он придет. Хотя, почему он должен прийти? Она всегда отвергала его, боролась с ним, ненавидела его. Сможет ли он простить все это и прийти за ней, хочет ли он ее по-

прежнему?

Она сидела, положив голову на колени, озябшая, напуганная. На нее нахлынули воспоминания.

Да уж, они ненавидели друг друга.

Но с другой стороны, по-своему все же любили!

Кажется, прошла вечность с того дня, когда они впервые встретились много лет назад...

ЧАСТЬ 2

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД...

Лето, 879 от Р. Х.

Берег Франции

— Едет! — вскрикнула Мелисанда. — Папа едет!

Она уже в течение нескольких последних недель постоянно следила за старой римской дорогой, потому что он обещал вернуться ко дню ее рождения, а она хорошо знала, что если он что-либо обещает, то выполняет свои обещания.

Рагвальд, который до того сидел в своем учительском кресле, уронив голову на руки, вскочил, разом позабыв, до какой степени его утомила юная ученица. Он был безмерно счастлив услышать, что его господин, наконец, возвращается, поскольку знал, как опасны нынче дороги. Если раньше только датчане или другие викинги совершали разбойничьи налеты на путешественников, то сейчас многие бароны, лорды, графы и богатые владельцы, которые раньше оборонялись от набегов, сами начали исподтишка, а часто и в открытую, нападать на мирных путников. Рагвальд был стар и помнил еще иные времена. Но в этом веке, то ли из-за прихода викингов, то ли еще почему, получила распространение и всемерно разрослась система феодалов. Большие лорды владели крепостями и замками и брали себе в вассалы разных людей, и мужчин, и женщин, которые были обязаны поставлять им продовольствие и одежду, и получали в обмен защиту и протекцию. С постройкой укрепленных крепостей власть перешла к тем, кто мог удержать ее, сражаясь. Путешествовать теперь стало очень опасно. Путника могли ограбить, да что там, он мог и вообще исчезнуть бесследно.

Рагвальд быстро подошел к Мелисанде, стоявшей на открытой галерее у парапета и наблюдавшей за приближением небольшого отряда с ее отцом во главе. Граф Мэнон де Бовиль был одним из крупнейших баронов и, по глубокому убеждению Рагвальда, один из умнейших.

Кроме того, граф Мэнон был порядочным и честным человеком, умеющим извлекать уроки из прошлых ошибок. Он изучал историю и извлек много полезных сведений о постройке крепостей. Его замок был один из красивейших в стране. Крепостная стена и основные постройки были расположены на насыпном холме, который был окружен рвом. Вокруг рва выстроена еще стена. В замке было четыре башни: одна со стороны моря и три соответственно с восточной, южной и западной сторон. Внутри вдоль стен были сооружены галереи с бойницами, что позволяло защитникам с успехом отражать атаки врага, не подвергая себя опасности. Как только неприятель приближался к стенам, в него летели метательные снаряды с кипящим маслом, горящие стрелы. Сила защитников замка вызывала уважение, а те, кто находился внутри него, пользовался всеми преимуществами безопасности. Никто из соседей никогда не решался нападать на них, а неизбежные в те времена набеги датчан они успешно отражали. Обычно датчане нападали с целью грабежа и быстро уходили. Иногда, однако, они высаживались на берег и с целью захватить владения. Но когда они встречались с графом Мэнонем, то спешили убраться на поиски каких-либо других, более доступных для завоевания берегов.

Вокруг было столько свободных земель! Рагвальд приложил руку козырьком к глазам, закрываясь от солнца. Граф Мэнон ехал верхом на своем статном жеребце Герое, следом за ним — вооруженные верховые, все с двухцветными красно-голубыми щитами с

изображением на них двух столкнувшихся лбами баранов — геральдическим знаком, выбранным в свое время прадедом Мэнона, служившим Карлу Великому.

Сам граф был моложав, строен, темноволос. Лишь несколько седых прядей оттеняли его виски. На бронзовом загорелом лице по контрасту выдавались ярко-синие глаза. Он очень прямо сидел на лошади. Увидев издалека Рагвальда и свою дочь, следящих за его приближением, он радостно улыбнулся, махнул им рукой и прищорил коня.

— Папа! — радостно закричала Мелисанда и поспешила вниз встречать отца.

— Мелисанда! — позвал ее Рагвальд. — Ради всех святых! — обеспокоено проговорил он. — Когда ты поймешь, что являешься наследницей и тебе не пристало бегать сломя голову. — Однако слова его были обращены в пустоту, ибо Мелисанды уж не было на галерее.

Рагвальд вздохнул и тоже поспешил вниз.

Большие ворота были открыты для встречи графа. Мэнон въехал во двор, и Мелисанда со всех ног бросилась ему навстречу, чуть не столкнувшись носом с Героем так ей хотелось скорее обнять отца.

— Мелисанда!

Граф Мэнон легко соскочил с седла и радостно обнял дочь.

— Моя любимая! Я ужасно скучал по тебе! — признался он.

— Ты вернулся! — вне себя от счастья проговорила она.

Мэнон кивнул. Рагвальд заметил, что во взгляде графа сквозит некоторая озабоченность.

Да, за те несколько месяцев, что графа не было дома, Мелисанда сильно выросла. На днях ей должно исполниться тринадцать. Вытянулась, построинела. Пожалуй, она уже ростом с мужчину. Длинные черные волосы красивыми волнами падают с плеч чуть ниже пояса. Лицо округлилось, стало гораздо более женственным. «Да, — решил Рагвальд, — надо непременно напомнить графу, что он так и не составил брачный контракт для своей дочери».

Но сейчас, конечно, отец и дочь были полностью поглощены радостной встречей и расспросами. Как обстоят здесь дела? И как он себя чувствовал в поездке? Ну и конечно, где же он был и что повидал?

Граф, не прерывая рассказа о поездке, обнял одной рукой дочь, другой Рагвальда, и они вместе проследовали в главную башню. На первом этаже башни размещались кухня и оружейная, на верхнем были спальни, а на втором находился главный зал с большим камином и огромным обеденным столом. Здесь проходили и торжественные встречи со множеством гостей и простые семейные вечера.

Все в замке радовались прибытию графа, начиная с самых незначительных слуг и до влиятельных вассалов. Слуги прибежали взглянуть на хозяина и изо всех сил старались угодить с праздничным угощением. Когда все поели, граф начал рассказывать о Париже, об интересном паломничестве, которое он начал оттуда, о своем посещении короля Бургундии...

Было уже совсем поздно, когда все разошлись, и граф остался с Рагвальдом и Мелисандой. Он сидел, задумчиво глядя на пламя, Мелисанда переворачивала поленья в камине.

— Джеральд не раз наведывался в ваше отсутствие, — сказал Рагвальд.

— В самом деле? Он что, хотел проверить, хорошо ли справляются тут без меня Гастон

и Филипп? — со смешком заметил граф.

Но Рагвальд не улыбнулся.

— Не нравится мне это.

— Ну и что, ты думаешь, за этим кроется, — спросил Мэнон.

Рагвальд пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он и посмотрел на Мелисанду. — Может быть, у него есть виды на вашу дочь.

Мелисанда, до того перемешивающая поленья в камине, обернулась, покраснев, и гордо вздернула носик.

Граф нахмурился, — Постой, Джеральд. Да он же старше меня самого!

— Ну, это никогда никого не останавливало при заключении брака. Кроме того, возможно, он присматривает ее не для себя, а для своего сына Жоффрея.

— Жоффрей мне нравится и того меньше, — недовольно пробурчал граф.

На лице Мелисанды явственно отразилось облегчение. Она победно посмотрела на Рагвальда. Рагвальд обращал на нее внимания, адресуясь только к графу. — Она ваша единственная наследница...

— И нет закона, запрещающего наследовать все дочери в случае отсутствия сыновей, — ответил граф.

Рагвальд тяжело вздохнул. Знатные господа могут быть иногда столь непонятливы. Особенно, когда они не хотят понимать.

— Вот что я думаю, милорд, — сказал он, наконец. — Это очень сильная крепость. Никто не решится на нас нападать. Те морские пираты, что пытались это сделать; быстро убрались подобру-поздорову. Но именно поэтому кто-нибудь может очень и очень желать взять в жены вашу дочь и ее владения в придачу. Вот о чем я говорю, граф Мэнон!

Граф бросил оценивающий взгляд на дочь.

— Ей ведь всего двенадцать.

— Почти тринадцать. И вы знаете, что многие дети вступают в брак еще в младенчестве.

— Ты имеешь в виду помолвку, — поправил граф.

— Какая разница, — нетерпеливо отмахнулся Рагвальд. — В любом случае большинство девочек уже сосватаны в ее возрасте.

— Ну, а она нет, — упрямо возразил граф.

Мелисанда подскочила сзади к креслу и, положив отцу руки на плечи, любезно сказала, обращаясь к Рагвальду: — Знаете, дорогой наставник, дочки Карла Великого все жили при нем, потому что он не хотел с ними расставаться.

Рагвальд негодуяще пожал плечами.

— И ничего хорошего! Что у них была за жизнь? Одни любовники, и ни одного законного наследника.

Она сердито возразила: — Но ведь я получила такое же воспитание, как мужчина.

— И ты думаешь, что ты можешь быть такой же сильной, как мужчина?

— Нет, сударь? Я могу быть такой же сильной, как женщина. — Она улыбнулась. — Вы же учили меня, какими сильными бывают женщины. Например, Фредегунда, жена короля Хильперика. Она добилась того, чтобы Он расстался с первой женой, и заправляла потом всей политикой!

— Ох, вот уж действительно! Нашла пример! — фыркнул Рагвальд. — А потом она

кончила жизнь под пытками.

— Я не о том говорю. Я говорю, что она добилась своими средствами того же, что может добиться мужчина. Рагвальд устало покачал головой. Граф Мэнон с удовольствием присматривался к дочери. Да, у нее удивительно светлая головка, у этой юной женщины — несмотря на свои молодые годы, она очень хорошо понимает, что все его советники стремятся ее выдать замуж, и когда это произойдет, власть перейдет к ее мужу.

А она весьма решительно настроена удержать при себе то, что она считает своим и только своим.

— А что нам сулят звезды! Рагвальд, ты же у нас астролог, — обратился к Рагвальду граф.

Астрология наука древняя. Иногда казалось, что граф относится к ней с уважением, иногда же он явно подсмеивается над ней, так же как и над древними легендами про римских богов, которые обращались в животных, чтобы соблазнять земных женщин.

Обычно Рагвальд тут же вставал на защиту уважаемой им науки. Но не сегодня. Сегодня у него было странное чувство, будто он что-то пропустил, чего-то не видит. Он всегда мог предсказать по луне время приливов и отливов, знал время, когда надо сеять и убирать, когда кто должен родиться, когда люди будут находиться в добром здравии и спокойствии и, напротив, когда кому-нибудь грозят напасти. Но сегодня он не чувствовал ничего, совсем ничего, ближайшее будущее было зияющей черной пустотой, и это пугало его.

Однако вслух он упрямо повторил: — Звезды говорят, что ваша дочь должна выйти замуж ради ее собственной безопасности.

— Возможно, — спокойно ответил граф и улыбнулся Мелисанде. — Но для меня она все еще ребенок. И мне бы хотелось знать также и ее мнение о тех мужчинах, за которых мы ее собираемся сватать.

— Мнение ребенка? — взвился Рагвальд.

— Мнение образованного ребенка! — радостно встряла Мелисанда. Глаза ее горели победным огнем.

Граф задумчиво уставился на огонь, наблюдая за причудливыми переливами цвета, слушая, как потрескивают поленья.

— Я бы очень хотел, чтобы она вышла замуж по любви.

— По любви! — вскричал Рагвальд, резко поворачиваясь. — По любви! Помогите нам, всемогущий Господь! Да кто думает о таких глупостях, когда речь идет о выгодном браке!

Граф Мэнон улыбнулся, взглянул на Мелисанду и ее старого наставника и опять уставился на огонь.

— Я любил ее мать, — задумчиво проговорил он. — Так сильно, что после ее смерти я даже не мог думать о том, чтобы жениться еще. Любовь — замечательная вещь, Рагвальд. Я бы хотел, чтобы ты когда-нибудь ее испытал.

Рагвальд фыркнул.

— Не насмехайтесь.

— Отец говорит совершенно правильно, — подтвердила Мелисанда.

Рагвальд озадаченно потряс головой.

— Граф Мэнон, вы женились на леди Мери по приказу вашего батюшки, насколько я могу припомнить. Любовь пришла позже. — Он смущенно кашлянул. — Я думаю, милорд, что это, э-э... жизнь вместе приводит к тому, что вы называете любовью.

— Все равно, я хочу этого для моей дочери.

— Милорд...

— Все! На сегодня все. Я страшно устал от этой поездки, и, кроме того, у меня есть подарки для вас обоих, — он встал и подошел к груде вещей, которые он привез из путешествия. Достал нож и разрезал веревки на одном из пакетов. В нем оказалась большая кожаная сумка, которую он протянул Рагвальду. — Вот, астролог, это на некоторое время поправит твои дела.

— Как, мой добрый граф? Что это?

— Открой ее, открой, и ты все поймешь! Она целиком набита травами, которые я раздобыл у лекаря принцессы при дворе Бургундского короля. Очень знающий лекарь. Травы собраны со всего света.

Рагвальд расплылся в улыбке, радуясь подарку. Химия была другой наукой, от которой он сходил с ума. Он собирал травы, делал смеси, пробовал разные комбинации лечебных растений. На минуту от счастья он даже позабыл о Мелисанде и проблемах ее будущего.

— А это, — торжественно сказал граф, — это тебе, Мелисанда! — И он достал длинную тонкую кольчугу.

Рагвальд отложил свои травы и вместе с Мелисандой принялся разглядывать подарок. Это была изумительная работа. Тончайшая сетка, прочная, легкая и надежная. И одновременно нарядная. Было ясно, что это женская кольчуга.

— Папа! — вскричала Мелисанда. — Это... это потрясающе!

— Конечно, это только для церемоний, — сказал он.

— Для церемоний, — разочарованно протянула она.

— Тебе она понадобится весьма скоро, поскольку я собираюсь вводить тебя все больше в курс дел по управлению владениями, и нам придется много ездить верхом.

— О папа! — Она бросилась в восторге ему на шею.

Ее глаза сияли.

Он нежно поцеловал ее в лоб.

— Тебе пора идти спать, Мелисанда. Я очень устал сегодня.

— Конечно, папа, сейчас, — быстро согласилась она, огорченная тем, что могла, хоть и невольно, быть причиной усталости отца.

— Теперь ты дома. Я теперь могу тебя видеть утром и днем, долго-долго — много часов! И дней! И недель...

— Мне показалось, Мелисанда, что отец попросил тебя отправиться спать, — напомнил Рагвальд, строго глядя на нее.

Она улыбнулась и чмокнула его в щеку.

— Я тебя тоже люблю, Рагвальд. Спокойной ночи! — Она еще раз обняла напоследок отца и помчалась в свою комнату, крепко зажав в руках драгоценную кольчугу.

Рагвальд обернулся к графу, тяжело вздохнул и сказал серьезно: — Милорд, очень многие считают, что падение Римской империи вызвано тем, что женщины получили там некоторые права.

Граф Мэнон громко захохотал.

— Так могут думать только очень слабые мужчины.

Рагвальд наклонился к нему.

— Мы живем в феодальном обществе, граф Мэнон! Эта крепость держится вашей силой и оружием. Дело женщины — возиться с детьми и заниматься хозяйством...

— Она хорошо владеет мечом. Я видел, как упражнялась с военным наставником.

Рагвальд опять вздохнул. До графа не доходит; что он тоже любит Мелисанду. И поэтому так беспокоится за нее.

— Она очень умная и способная девочка и очень хорошая. Но какая бы она ни была способная, сильный мужчина все же лучше. Скажите, вы подарили ей эту кольчугу, чтобы она могла участвовать в сражениях наравне с мужчинами? Вы хотите, чтобы она была ранена в схватке? Или задета стрелой? От стрелы не предохранит даже кольчуга.

— Я не собираюсь посылать ее на войну! Эта церемониальная одежда. И кое в чем моя дочь права. Женщины управляют. Жены — мужьями, матери — сыновьями. И большинство...

— Большинство из них очень плохо кончают!

— Не всегда. Мы оба с тобой неплохо знаем историю.

— Ну и что будет с Мелисандой? — продолжал Рагвальд. — Вы хотите, чтобы она провела всю свою жизнь в одиночестве, защищая свои владения?

— Нет, я хочу, чтобы она была сильной и смогла сделать свой собственный выбор. Она действительно блестяще владеет мечом...

— Прекрасно, но если она встретится с мужчиной вдвое больше ее по весу, ей это не поможет. К тому же, она ненавидит войну.

— Ну, как и все мы.

Рагвальд сел в свое кресло, тяжело вздыхая.

— У вас не осталось этого замечательного бургундского, милорд? Мне было бы сейчас очень кстати.

Граф Мэнон рассмеялся.

— Верно, Рагвальд, вот это верно! — Он сам встал и налил вина своему старому другу и советнику. — Я не столь беспечен, как ты думаешь, Рагвальд. Я на самом деле уже присмотрел нескольких мужчин, достойных моей дочери.

— И кто они?

— Один — племянник моего старого друга, другой — ирландский принц...

Рагвальд издал сдавленный смешок.

— Сын Норвежского Волка?

— Сын человека, который построил Дублин, — спокойно продолжал Мэнон. — Потом наклонился над креслом и пытливо посмотрел на Рагвальда. — У нас много врагов. Берег постоянно подвергается нападениям. Я подумал, что тот, кто сам участвовал в такого рода захватах, мог бы стать нам надежной защитой.

Рагвальд отчаянно затряс головой, с изумлением глядя на графа.

— Мне кажется, вы су... — он оборвал себя на полуслове. Конечно, они с графом друзья, но мудрее будет не подвергать сомнению умственные способности графа. Он опять отрицательно покачал головой. — И вы говорили о любви! Неужели вы думаете, что после всех этих бесконечных рассказов о злодеяниях викингов Мелисанда сможет полюбить викинга!

Граф Мэнон пожал плечами.

— Он ирландец. Принц. Здесь вопрос в том, Рагвальд, что ты видишь в стакане вина, наполненном до середины — он наполовину пуст или наполовину полон? Гораздо мудрее будет оценить восхитительный вкус уже налитого в него вина, чем горевать о том, что его могло бы быть больше.

— Логика мне не понятна.

Граф Мэнон широко улыбнулся.

— Ладно, поживем — увидим. У нас будет такая возможность. Я продумал все это. Посетил там знатные семьи, присмотрелся к их сыновьям. Я совсем не дурак и догадываюсь, что Джеральд крутится вокруг нас неспроста, хотя я еще не понял, хочет ли он сам вступить в брак или сосватать сына. Ты мне все время говорил, что нужен сильный мужчина. Вот почему я остановил свой выбор на этом полупринце. Вот почему я пригласил его сюда. Пусть они встретятся. Если окажется, что они не понравятся друг другу, ну что ж, тогда и не будем больше об этом думать.

— Что ребенок может думать о мужчине! — пробурчал Рагвальд.

— Конар из Дублина еще совсем молод, ему не больше двадцати одного года. Однако он поучаствовал во многих походах со своим отцом и братьями. Он славится своим владением мечом.

— О, ну тогда Мелисанда будет побеждена!

— На самом деле он уже был здесь однажды, довольно давно. Его дядя часто плавает в наших краях, с торговыми рейдами, а не с целью грабежа. Мы заключили с ним мир, и Конар счел своей честью взять на себя обязательство прийти на помощь нам, если в этом будет нужда.

Рагвальд опять презрительно фыркнул.

— Честь викинга!

— Это не совсем обычный викинг, как я тебе уже говорил. Его брат в результате удачной женитьбы теперь находится в родственных отношениях с Альфредом Вессекским. Я видел, что многие молодые девушки из знатных семей были бы не прочь породниться с викингом, если речь идет о Конаре. Ты просто не видел еще никого на него похожего, мой друг.

Рагвальд вдруг вздрогнул, странный холодок пробежал у него по спине.

— Когда прибывает этот ваш викинг? — спросил он со вздохом.

— Скоро. Но, безусловно, пройдет еще немало лет, прежде чем я позволю Мелисанде выйти замуж за кого бы то ни было!

Рагвальда опять охватила непонятная дрожь, как будто его схватили чьи-то ледяные руки. Он постарался скинуть с себя это неприятное ощущение.

— Годы, ну да, годы. Вы правы, она еще ребенок, — согласился он. — Очень красивый ребенок, с очень соблазнительными формами, но все еще дитя.

Граф рассмеялся.

— Рагвальд, ты меня не собьешь! Я все равно прав.

— Мне хотелось бы надеяться на это.

Они оба сидели перед зажженным камином. Но, несмотря на тепло живого огня, ощущение ледяного холода не оставляло Рагвальда.

Что это значит?

Звезды ничего не сказали ему. Должно быть, это ничего не означает. Он взглянул на графа. Как хорошо все же, что он вернулся. Мэнон улыбнулся ему.

— Как хорошо в такую мирную ночь сидеть вдвоем у камина.

— Да, верно.

Конечно, ни одному из них и в голову не могла прийти мысль, что это едва ли не последняя их встреча.

Потому что граф был не во всем прав.

И их сегодняшние планы не сбудутся.

И Мелисанда будет обручена еще до своего тринадцатилетия.

На самом деле, ей предстояло выйти замуж через двадцать четыре часа.

«Папа!»

Мелисанда тревожно спала в эту ночь и проснулась ни свет ни заря. Поеживаясь от утренней прохлады, она выбралась во двор на галерею. Она любила смотреть, как просыпается крепость. Стражники ночного дозора на своих постах... мирно похрапывали. Внизу, на кухне, шумели повара, судя по доносящимся оттуда запахам, там уже готовилась какая-то еда. В утреннем воздухе звучала песня — это служанка начала уборку. Самый обычный день.

И тут неожиданно Мелисанда увидела всадника, въезжающего в восточные ворота. Со стороны Джеральда. Она удивленно нахмурилась. Сам Джеральд довольно часто заезжал к ним в отсутствие отца. Может быть, это он и есть?

Она испытывала к нему отвращение, к нему и к его старшему сыну, Жоффрею. Хотя Жоффрею было уже двадцать, Мелисанда в свои двенадцать чувствовала себя гораздо взрослее его. Всякий раз, при их встрече она могла видеть, что Жоффрей все свое время посвящает либо науськиванию собак, либо различным издевательствам над своими младшими братьями и сестрами.

Для юноши он был неплохо сложен и высокого роста, но какой-то алчный блеск в глазах и трясущиеся губы делали его совершенно непереносимым для Мелисанды.

Мать его умерла много лет назад. Все вокруг гадали, когда же Джеральд заведет себе новую жену. И Мелисанда с горечью сознавала, что он может надумать посвататься и к ней. Во всяком случае, она не раз слышала, как об этом судачили служанки.

Эта мысль вызывала у нее дрожь отвращения. Мари де Тресси, ее молоденькая горничная, объяснила ей все, что надо знать о таких вещах, хотя, правду сказать, она и сама уже догадалась про все это и раньше, наблюдая за брачными играми животных.

Ее тошнило при одной мысли о том, что придется заниматься с Джеральдом чем-либо подобным. Правда, она была уверена в том, что ее отец ни за что не согласится отдать ее за Джеральда. Возможно, Джеральд и воображает себе, что это так естественно — закрепить брачным союзом их соседство. Ну и пусть! Она-то так вовсе не считает!

И она не могла допустить также мысли о том, чтобы стать женой его сына.

«Нет, папа этого не допустит!» — уверяла она себя. Однако, видя приближающегося всадника, она забеспокоилась. Вдруг это какое-нибудь предложение Джеральда относительно нее? А если решительный отказ отца вызовет вражду или даже военные действия?

Мелисанда быстро спустилась с галереи и поспешила в отцовские покои. Это была просторная комната, со стоявшими посреди нее кроватью под балдахин, небольшим камином у изголовья, разбросанными там и сям стульями, креслами, табуретами и несколькими небольшими столиками. Граф часто принимал посетителей в своих личных покоях. Сейчас он стоял уже готовый к выходу, пристегивая меч.

— Папа! — вскричала Мелисанда, бросаясь к нему за объяснениями.

— Я видел всадника. Пойду встречу его. Мелисанда помедлила в нерешительности.

— Пап, скажи, ты по правде не согласишься... Он рассмеялся и поцеловал ее в макушку.

— Правда, Мелисанда! Никогда! Видишь ли, здесь дело вот в чем. Он в претензии, что я слишком заношусь, по его мнению, и ставлю свою дочь выше его. Ну да, девочка моя,

ставлю! — сказал он улыбаясь.

Через мгновение лицо его приняло серьезное выражение, он ласково потрепал ее по щеке и проговорил, внимательно глядя ей в глаза.

— Ты действительно превосходишь его! Я наблюдал за твоим развитием. Ты у нас уже сейчас умная не по летам. Кроме того, у тебя доброе сердце, ты любишь людей и животных. Это очень важно — ведь судьбы стольких людей зависят от нас. Все наши люди зависят от нас, и я знаю, что ты не задираешь нос перед ними, а действительно сочувствуешь им. Я горжусь тобой, Мелисанда! И кто бы к тебе ни посватался, он должен будет еще доказать, что достоин тебя.

Мелисанда привстала на цыпочки, обвила руками отцовскую шею и поцеловала его в щеку.

— Папочка, если я на что-нибудь гожусь, то только потому, что ты у меня самый лучший!

Внезапно ей показалось, что они не одни. Оглянувшись, она увидела Филиппа, капитана замковой стражи. Он озабоченно смотрел на графа.

— Это Джеральд собственной персоной. Он, по его словам, пришел предупредить вас об опасности и настаивает, чтобы вы с ним встретились за воротами, это якобы не для посторонних ушей.

Рагвальд вбежал в покои.

— Мне это совершенно не нравится. Я не доверяю ему.

Мэннон глубоко вздохнул.

— Ну ладно, ведь он говорит об опасности. Поеду выясню, что это.

Он направился к выходу, но вернулся, еще раз нежно поцеловал головку дочурки: — Помни, что я тебе сказал. Всегда помни.

Он сбежал по каменным ступеням, ведущим с галереи, во двор. Кто-то уже подвел туда Героя. Граф легко вскочил в седло.

Он приказал открыть ворота и выехал наружу.

Мелисанда осталась на галерее, с тяжелым сердцем наблюдая за тем, что происходит внизу. Взгляды всех, находившихся в замке, были прикованы к встрече, происходящей за воротами.

Да, должно быть, это именно так, сообразила Мелисанда, когда, наконец, заметила опасность. Группа всадников быстро приближалась.

Мелисанда все видела, но было уже поздно. Джеральд отвел ее отца чуть подальше от ворот, и тот, не подозревая об опасности, последовал за ним. Всадники скакали во весь опор. Как их много. Мелисанда с удивлением всмотрелась в разномастные доспехи. Боже, часть из нападавших — это викинги, а не воины Джеральда. Это та банда, которая грабит все побережье, та самая, что нападала уже и на их замок. Викинги, сражающиеся вместе с Джеральдом.

«Потому что в отдельности, — подумала Мелисанда, — ни они, ни Джеральд не смогли бы взять крепость. У них сила, у Джеральда — хитрость. Он выманил отца за ворота. А одни они бы не смогли этого сделать!»

Мелисанда разрыдалась.

Внизу слышались крики, ругань, топот. Воины спешно седлали коней. Но было слишком поздно. Мелисанда видела, как Джеральд обнажил меч против ее отца. Отец отразил его первые удары, но тут на него обрушились подскакавшие всадники. В воздухе засверкало не

менее дюжины мечей.

Она начала опять рыдать, встав на колени. Теперь уже все воины из крепости были готовы к бою, но они не успели прийти на помощь, и она ясно видела, как отец ее упал с коня...

Их предводитель пал. Она видела, как Герой без седока скачет обратно, пробивается сквозь толпу, хлынувшую из ворот наружу, и она поняла: ее отец мертв.

Она привалилась к стене галереи, пытаясь справиться с накатившей на нее волной слабости и безумного отчаяния. Ничто на свете не могло быть хуже, ничто другое не могло ее ранить так глубоко. Папа умер, она не сможет жить без него. Слезы градом катились из глаз, она захлебнулась в рыданиях.

Рядом не было никого, кто мог бы ее поддержать. Рагвальд был внизу. Горе ее было настолько сильным, что сначала ей показалось, что она не сможет это пережить. Но вскоре мысль об отце придала ей силы.

Джеральд задумал убить отца и затем взять замок. Он знал, что, лишив защитников предводителя, он получает шанс. Граф был душой крепости, без него люди будут сражаться без вдохновения. У них не осталось настоящего предводителя, человека, за которым люди пойдут с воодушевлением на любой бой. Филипп, конечно, не сможет зажечь их сердца.

Рагвальд обучал Мелисанду не только истории, но и военной теории. Она знала — неприятель всегда стремится обезглавить армию противника, лишить ее настоящего лидера.

Джеральд именно это и сделал. Со смертью Мэнона, Джеральд, поддержанный викингами, получал большой перевес. Ее люди будут сражаться без воодушевления.

Джеральд может победить. Убив отца, он теперь не остановится и постарается получить все, чего он добивался. И управы здесь на него не найдешь...

Она решительно поднялась. Джеральд думает, что, убив ее отца, обречет ее на вынужденный брак с ним, разрушит здесь все, что ее отец создавал с такой любовью.

Нет, она не позволит ему сделать это. Да она скорее умрет, чем допустит такое.

Мелисанда перегнулась через парапет, разглядывая, что происходит во дворе. Герой уныло бродил, не находя себе места.

Она стремглав бросилась к себе, на ходу вспоминая замечательную позолоченную кольчугу, подарок отца.

Для церемоний.

Да, они проведут церемонию. Сегодня вечером должна быть служба в их маленькой часовне внизу. Там будет лежать отец, и все они будут бодрствовать всю ночь, стоя на часах и отдавая ему последнюю честь.

И для этого они должны выжить. Справиться с Джеральдом, во что бы то ни стало.

Она взмолилась Небесам: — Господи, дорогой! Дай нам победить его сегодня! Пожалуйста, Господи, любым способом, как-нибудь. Дай мне увидеть его побежденным или дай мне умереть самой!

Она добежала до своих покоев, переделась в кольчугу и уже направилась было к выходу, но остановилась и упала на колени.

— Господи, как бы ты ни помог мне, я буду тебе бесконечно благодарна! Любым образом, силой или хитростью, но дай мне победить Джеральда! Я согласна на любое наказание после, согласна даже сойти в Ад, если ты этого потребуешь, но я прошу тебя, дай нам побить его!

Она встала с колен, взяла меч, украшенный искусной резьбой, и вдруг почувствовала

страх. Да, она не хотела умирать.

Но отец ее мертв, и она не уверена также и в том, стоит ли ей жить без него. Она просто боится.

Внезапно Мелисанда ясно услышала те слова, что он говорил ей на прощанье: «...у тебя доброе сердце, ты любишь людей... судьбы стольких людей зависят от нас... все наши люди зависят от нас...»

Какую плату обещал Джеральд своре викингов после захвата замка? Женщин и девушек? Утварь и драгоценности? Золотые кресты с церкви? Слуг, работников, арендаторов?..

Мужчин убьют или обратят в рабство. О судьбе, которую Джеральд предназначил ей, она старалась не думать.

Смерть предпочтительней. Она посвятит свою жизнь борьбе с Джеральдом и его наемниками. Даже если ей осталось жить совсем немного.

Рагвальд, наблюдавший через бойницу за сражением, разворачивающимся за стенами, вдруг заметил на морском горизонте целую флотилию приближавшихся кораблей.

Это была армада морских дьяволов. Море штормило, крутые волны ударялись о берег, и в промежутке между набегавшими валами можно было разглядеть, как они приближались. Они выстроились параллельно берегу, эти проклятые корабли с драконьими головами и жуткими мордами с оскаленными зубами. Корабли викингов.

Они уверенно продвигались вперед, несмотря на шторм. День, выдавшийся с утра ясным, потом нахмурился; небо заволокло тяжелыми тучами, и оно периодически озарялось вспышками молний, как будто бы древние боги норвежцев, Один и сын его Тор соревновались в метании сверкающих и грохочущих огненных стрел.

Драконьи корабли...

Рагвальд пристально смотрел на море и на плывущие корабли. Не думая о том, что из этого выйдет, он спустился во двор, попросил вывести ему лошадь, сел на нее верхом и подъехал к воротам. Ворота открыли, он выехал за стены и поскакал сквозь гущу сражавшихся уже в рукопашную воинов, даже не думая об опасности, которой он подвергается. Он направлялся напрямик к берегу моря и, достигнув его, спешил, хотя и здесь кипело сражение.

Он стоял на берегу моря, порывы ветра вздымали вокруг его головы ореол седых кудрей.

Как он мог не предвидеть такую катастрофу, он, занимающийся, кроме прочих наук, еще и астрологией! Сначала Джеральд, а теперь еще и это — корабли, величественные и наводящие страх, корабли с оскаленными драконьими мордами на носу и красно-белыми парусами.

Он оглянулся назад.

Как он может надеяться хоть на какое-то доверие, если он вообще ничего этого не предвидел! О да, он помнил ледяную дрожь прошедшего вчера, но он ничего не увидел! Он бы смог тогда предостеречь Мэнона!

А теперь?! Этот кошмар, надвигающийся с моря!

Это при том, что граф уже убит. Убит, предательски заманенный в ловушку. Да, Рагвальд теперь понимал, откуда Джеральд добыл себе подкрепление. Это конечно, датчане, которые почти постоянно совершают свои вылазки на побережье Франции.

Всем известно, что этих грабителей можно купить за деньги.

Но вот кто на кораблях? Такие же викинги? Корабли, нырявшие носом в волны и вновь

появившиеся на гребнях следующих, напоминали отсюда несущихся галопом нагруженных лошадей.

Рагвальд окинул взглядом сражавшихся. Да, они почти на грани поражения. Они хорошие солдаты, верные вассалы, но и в них говорит обычное человеческое чувство.

За что мы сражаемся, если Мэнон убит? Лучше укрыться в чаще, вызволить своих детей и жен и бежать вместе с ними.

Людам нужен вождь, человек, который их вдохновит, тот, за кого они готовы пойти на все, даже на смерть.

Но со смертью Мэнона они лишились вождя, осталась только его дочь.

Рагвальд тяжело вздохнул. Он смотрел на море, пытаясь сосредоточиться. Какой смысл думать сейчас о том, что могут означать эти корабли, если прежде надо устоять перед силами Джеральда.

Он взобрался на лошадь и быстро поскакал назад, огибая группы сражавшихся людей. Он направлялся прямо к воротам крепости, которые в этот момент были плотно закрыты.

Небольшая кучка солдат из гарнизона сражалась перед воротами, но они были окружены явно превосходившими их численностью воинами Джеральда. У них вряд ли был другой выход, как сдаться. Не все ли равно — воинам Джеральда или появившимся столь неожиданно морским дьяволам.

— Мне нужна Мелисанда! — крикнул Рагвальд людям за крепостными воротами. — Позовите Мелисанду!

Он ждал. Мелисанда могла быть в своих покоях, возможно, с ней вместе Мари де Тресси или кто-нибудь еще из женщин. Она нуждается сейчас в поддержке.

Рагвальд поморщился. Нет, вряд ли. Он хорошо знал Мелисанду. Возможно, она и не одна, но на его призыв откликнется немедленно.

Какая-то сердобольная кухарка крикнула из-за стены Рагвальду:

— Вы не смеете усылать ребенка туда, Рагвальд, не ее это дело!

«Да, мужчина умер, остался ребенок», — подумал про себя Рагвальд.

И все же он, пожалуй, уже не воспринимал Мелисанду, как ребенка.

Он услышал за воротами ее голос — певучий, нежный и в то же время звучный и, несмотря на ее юность, с очень повелительными нотками: — Откройте ворота. Я пройду.

Кто-то отворил замок, ворота приоткрылись, и она появилась. Мелисанда.

По ней было заметно, как она потрясена случившимся. Конечно, ведь она так нежно была привязана к отцу. Однако она не плакала, и Рагвальд сразу обратил внимание на то, что она выбрала не свою привычную лошадку Мару, нет, она сидела верхом на Герое. «Да, она действительно выросла за последнее время, — неожиданно для себя подумал Рагвальд.

— Для своих лет она прямо-таки невероятно высокая».

Она была одета в ту самую драгоценную кольчугу, украшенную золотом и серебром, ту самую, которую подарил ей отец прошлым вечером.

Гордо поднятая голова, развевающиеся черные волосы. А ведь люди пойдут за ней, да, пойдут, она сможет их вдохновить и повести за собой в сражение.

— Ты уже знаешь? — мягко спросил Рагвальд. — Ты уже знаешь, наверное, что твой отец погиб. Теперь ты — графиня.

Ее нижняя губа задрожала, она с трудом сдерживала слезы, она кивнула. Нет, она не будет плакать. Не сейчас.

— В наших рядах паника, — продолжал он тихо. — Ты — наш единственный шанс.

Сможешь ли ты возглавить войско?

В глазах ее на мгновение мелькнул страх, но только на мгновение. Она еще выше задрала подбородок.

— Теперь, когда я графиня, я... — она помедлила в нерешительности, ибо в этот самый момент они оба явственно услышали рядом с собой жуткий звук — звук меча пронзающего живую плоть, и крик умирающего. Она побледнела, ее охватил ужас, однако сумела взять себя в руки и быстро проговорила: — Я теперь графиня и я возглавлю наших людей.

У Рагвальда отчаянно защипало в носу, легкий озноб прошел по коже. Господи, какая же она чудная девочка его непослушная ученица. Что же будет, если они не сумеют отбиться, что за ужасная судьба ожидает ее! Ведь она еще в том нежном возрасте, когда душа человеческая столь невинна и столь ранима.

Это была его главная мысль. О том же, похоже, думала и она. У них не было никакого иного выхода. Она должна встать во главе своих воинов.

На мгновение все их прошлые мелкие размолвки показались совершенно ничего не значащими. Сердце Рагвальда дрогнуло, когда он, низко поклонившись, сказал: — Вперед, графиня! Вперед, мы должны ободрить наше войско!

Они поскакали вместе, Рагвальд и Мелисанда. Воины, сбежавшие с поля боя, укрылись в ближайшей чаще.

— Ты должна позвать их, поговорить с ними... — начал объяснять ей Рагвальд, но в этом не было необходимости.

Голос Мелисанды звонко разносился по окрестностям:

— Мои друзья! Мы будем сражаться! Мы не отдадим эту землю убийцам моего отца! Мы не позволим себя поработить!

Укрывшиеся в кустах люди молчали. Один из тех, кто продолжал сражаться, великан Филипп, расправившись с очередным противником, подбежал к Мелисанде.

— Графиня! Как мы можем победить? Даже если мы справимся с этим подонком Джеральдом, посмотрите, что на нас надвигается с моря!

Мелисанда оглянулась и увидела драконьи корабли. Глаза ее расширились от ужаса. Рагвальд не хотел раньше времени ее пугать сообщением о кораблях и теперь наблюдал за ней с беспокойством.

— Возможно, что это не военные корабли, — сказал он вдруг. — Надо бы послать кого-то встретить их. Нужна хоть какая-то оттяжка. Их слишком много, возможно, это норвежцы, а не датчане, тогда есть вероятность, что мы договоримся с ними. Они могут выступить не против, а за нас.

Это верная мысль. Да, он должен сам их встретить. У него есть опыт в переговорах, он так часто помогал Мэнону составлять договоры, улаживать конфликты.

Именно он должен встретить корабли.

А Мелисанда должна остаться здесь и вдохновить их войско на отпор Джеральду. До тех пор, пока не подойдет помощь. Да, да, он договорится с ними, викинги будут сражаться за них, а не против.

— Странные викинги! — внезапно воскликнул Филипп. — Смотрите! Посмотрите на этого вот рулевого у штурвала!

Так впервые Мелисанда увидела Конара Мак-Олафа и непонятным образом уже тогда впервые почувствовала к нему враждебность.

Но несмотря на ободряющие слова Рагвальда о том, что он уговорит сражаться викингов

за них, она не могла без содрогания смотреть на человека, стоявшего у штурвала корабля прямо над драконьей мордой. Она никогда не видела подобных ему. Он был не похож ни на кого из тех, кого она знала, Он стоял на своем месте у руля так, как будто вокруг не бушевала стихия, не вздымались устрашающие волны, не свистел ветер в снастях. Одной ногой, обутой в красивый кожаный сапог, он придерживал штурвал, руки его были скрещены на груди, и он невозмутимо наблюдал за сражением на берегу, Светло-золотистые волосы обрамляли его лицо, поверх кольчужной рубахи был накинут на плечи плащ, какой обычно носят ирландцы. Плащ скреплялся на плече узорной застежкой с кельтским рисунком. Он был странно одет для викинга, хотя и похож на них. В том, как он неподвижно стоял на носу своего корабля, стремительно и неуклонно приближавшегося к берегу, чудилось что-то угрожающее.

Его поза в этот момент выдавала человека самоуверенного и привыкшего повелевать. При этом в нем чувствовалось достоинство.

Внезапно Мелисанде показалось, что он смотрит именно на нее. Прямо на нее. Конечно, он не мог видеть/ ее глаз, да и она не видела в подробностях его лица, была уверена, тем не менее, что смотрел он именно на нее.

— Странный викинг... — сказал Рагвальд. И вдруг чуть не задохнулся от волнения: — Боже! Да ведь это же он! Какой я болван! Ведь это он!

Мелисанда взглянула на Рагвальда как на помешанного. У него и правда был в этот момент странный вид.

— Это Конар Мак-Олаф, — проговорил старик, — сын Норвежского Волка, внук Ард-Рига из Эйра. Он в родстве с Альфредом Великим!

Мысль Мелисанды побежала быстро. Альфред — самый известный и самый великий из королей по ту сторону пролива. Он боролся за свои земли и заставил датчан отступить.

И этот вот рулевой — его родственник?

Тут до них донесся предупреждающий окрик Филиппа. Он указывал рукой на гребень холма.

— Это сам Джеральд! Подонок! Он ведет еще людей. Предатель! Он заманил в ловушку графа, удостоверился, что тот убит, и удалился, пока исход битвы не стал ясен. Теперь он решил вступить в бой! А у нас силы на исходе!

— Мелисанда! — резко и твердо сказал Рагвальд. — Ты должна собрать наших людей вокруг себя. Я пошел за подмогой!

— Этих морских дьяволов?

— Детка, ты все еще не поняла. Я потом тебе объясню. Да, мы получим помощь от этих морских дьяволов.

— Рагвальд!

У него не было времени отвечать сейчас на вопросы.

— Созови всех, госпожа! Мы должны сейчас продержаться до подмоги!

Она вдруг оказалась одна, хотя вокруг были сотни воинов, мертвых и живых, прятавшихся или сражавшихся. Но она была одна. Ее отец умер. Самый лучший на свете. Самый добрый и самый любимый, тот, кто научил ее всему, кто всегда был с ней и любил ее. Он ушел.

Этого не может быть!

Он не мог умереть. Он был такой смелый, такой сильный! Он ее защитник, он не должен был умирать.

Теперь все зависит от нее.

Теперь она решает судьбу замка и его людей. И неважно, что она вся дрожит. Она должна сделать все от нее зависящее.

Джеральд прикидывался другом отца. И предал его. Он хочет захватить крепость. И одному Богу известно, что станет со всеми ими, если они допустят это!

Она огляделась вокруг, и у нее пересохло во рту. Повсюду лежали павшие воины. Сильные, здоровые мужчины, такие же, как ее отец, все они были убиты, они, кто еще недавно веселились и смеялись, жили и дышали, все они лежали здесь неподвижно в лужах крови, в неестественных позах, все они были мертвы.

Она не сможет! Она не сможет убивать!

Но она не может позволить себе оставить смерть отца неотомщенной!

Она вытащила свой небольшой клинок из ножен.

И подняла его как можно выше.

— Друзья! За Бога и за наше Право! За моего убитого отца! За наши жизни! Вперед!

Вряд ли она сама пришпоривала Героя, скорее всего, нет, конь, привыкший к сражениям, сам бросился в кучу битвы.

Вот так, накануне своего тринадцатилетия, она оказалась во главе войска, скачущая на Герое прямо в гущу сражения. Она низко пригнулась к шее коня. Ветер свистел в ушах. Она не хотела сражаться, не хотела слышать этот ужасный звук, когда сталь вонзается в живую плоть. Она не хотела ощутить у себя на руках липкую горячую кровь. Тем более она не желала почувствовать, как холодный клинок вонзится в ее собственное тело.

Слишком поздно! Она уже была в гуще схватки, вокруг раздавались воинственные крики, звон мечей, стоны раненых.

Герой остановился, ожидая ее команды. Она сидела верхом на нем, сжавшись и вцепившись отчаянно в рукоятку своего меча. Вдруг она увидела, что один из неприятельских воинов отступает от нападающего на него солдата в ее сторону. Она вскрикнула и, защищаясь, вытянула клинок. Нападавший сделал резкий выпад, воин отступил и напоролся на ее меч.

Прямо на ее меч.

Она в ужасе смотрела на его расширившиеся изумленные глаза. Глаза, которые не закрылись. Он умер, с расширившимися от изумления глазами.

Крик застрял у нее в горле. Она не должна кричать, не может показать людям охвативший ее ужас.

Филипп за ее спиной быстро проговорил: — Отступить! Графиня, прикажите начать отступление. Они превосходят нас в численности! Мы должны увести вас в безопасное место, пусть Джеральд захватит крепость...

— Нет! — вскричала она, едва сдерживая вновь подступившие слезы. Джеральд предал их всех, и он убил ее отца, отца, давшего ей все, что у нее есть в жизни!

Теперь Джеральд хочет отнять это. И даже жизнь.

Гастон Орлеанский подкакал вплотную к Филиппу.

— Мы должны увести отсюда госпожу! Она — все, что у нас осталось. Мы должны спасти ее!

Филипп начал объяснять:

— Я думал, мы сможем выстоять. Мы пытались. Но у них перевес в силах.

— Святые небеса! — Гастон попытался наклониться поближе к Филиппу, чтобы его слова не дошли до ушей Мелисанды.

— Пресвятая Богородица, разве не понятно? Джеральд хочет убить наследницу, и тогда здесь все его. У нас нет выхода. Надо бежать!

— Убить ее? — Филипп потряс головой. — Нет, он хочет взять живой, он же давно ее домогался, так же как и власти в округе. Возможно, что мы можем сдать ее, и он оставит ее в живых.

— Но если она будет с ним сражаться... — Гастон быстро украдкой взглянул на Мелисанду.

Она еще не оправилась от страха. Однако смысл того, о чем переговаривались Гастон и Филипп, дошел до нее сразу.

Да, ее люди собрались вокруг нее и сражались. Но перевес сил у врага, — у воинов

Джеральда и датчан. И тут же она увидела, как из рядов неприятеля отделились трое человек и направились к ним.

Это был сам Джеральд с оруженосцами. Она с горечью подумала, что они с ним — родственники. Ее отец приходился Джеральду двоюродным братом. И, несмотря на это, Джеральд сделал то, что он сделал. После стольких лет, когда он пользовался дружбой и гостеприимством со стороны отца. Он был ей ненавистен.

Джеральд был внешне даже чем-то похож на отца: такой же комплекции, высокий, хорошо сложенный мужчина. Только он был старше, лицо более удлиненное, с кривой усмешкой, которую она терпеть не могла. Она вызывала в ней недоверие, было что-то змеиное в изгибе его губ, когда он усмехался, и она старалась избегать родственных поцелуев в щеку — ей это было невыносимо тяжело.

Теперь она понимала — почему!

Сейчас лицо его выражало крайнюю степень самодовольства и торжества, и от этого ей хотелось броситься на землю и зарыдать.

Она насторожилась, что-то вдруг изменилось вокруг, но что? И тут она поняла — смолк звон мечей. Воцарилась странная тишина.

Все ожидали. В этой внезапной тишине все ждали, что же произойдет между ней и Джеральдом.

Джеральд нагло улыбнулся.

— Филипп, я хочу забрать мою маленькую кузину. Отдайте мне девочку, и тогда ты с Гастоном и все ваши воины можете сложить оружие. Я оставлю вам жизнь.

— Вы отняли жизнь у ее отца, а теперь хотите, чтобы мы доверили ее жизнь вам? — храбро ответил Гастон.

Джеральд ткнул пальцем в сторону Мелисанды.

— Это нежное дите подняло оружие против взрослых мужчин. И должен вам заметить, мои дорогие друзья, что кое-что вы упускаете из виду. У вас нет выбора!

— Ты не посмеешь! — раздался внезапно яростный крик Мелисанды. Она боролась с собой, она старалась не смотреть на поле, туда, где заметила среди мертвых непогребенного отца. В этот момент ей было уже все равно — жить или умереть. Все, чего она хотела, — это немедленно вцепиться в Джеральда и выцарапать ему глаза.

Она пришпорила Героя.

Это была глупая детская отчаянная выходка, и, будь Мелисанда чуть-чуть постарше, она бы это поняла. Герой быстро преодолел расстояние, разделявшее ее и Джеральда, и она оказалась совсем рядом с ним.

Люди вокруг замерли, наблюдая за происходящим. Все еще охваченная переполнявшими ее чувствами обиды и негодования, она на всем скаку прыгнула на Джеральда, увлекая за собой. От неожиданности он свалился на землю, изрыгая проклятия в адрес своих оруженосцев. Общий вздох изумления пронесся по полю. Бандиты Джеральда, как и ее собственные воины, были поражены тем, что такая хрупкая на вид девочка могла свалить с седла тяжело вооруженного опытного в битвах бойца.

Мелисанда вцепилась ногтями в его плотку, обуреваемая бешеным желанием изодрать его заживо в клочья.

— Дьявол вас разбери! Кто-нибудь снимет, наконец, эту чертовку с меня! — прорычал Джеральд, пытаясь освободиться.

Он с яростью и изумлением глядел на Мелисанду. Она вновь попыталась оцарапать его,

но тут ее с двух сторон подхватили оруженосцы и оттащили от Джеральда.

Когда Джеральд поднялся, на лице не было привычной хитрой лисьей улыбки, а красовались царапины, под подбородком виднелась кровь.

— Ты за это поплатишься, дорогая кузиночка! — пригрозил он. — Проклятая чертовка!

— Вперед, сметите их всех! — приказал он, обращаясь к своей своре. — Убивайте всех!

— Ты поклялся, что они останутся живы! — вскричала Мелисанда.

— Ах, — язвительно сказал он. — Однако мне не пришлось договариваться с Филиппом. Ты сама любезно отдалась в мои руки. — Он повысил голос. — Уничтожить их всех! — И указав на Мелисанду: — А ты, ты научишься подчиняться моим приказам! Или умрешь мучительной медленной смертью!

— Ты не посмеешь! Король тебя разжалует!

— А уж это мы посмотрим! — ответил он и неожиданно схватил ее за волосы, подтаскивая к себе. — Милое дитя! Может быть, я удовлетворю свою ненависть, продав тебя в рабство кому-нибудь из датчан. А может быть, я и сам с тобой позабавлюсь. Он вдруг повысил голос. — Девочка — моя! — воскликнул он с торжеством. — Вы все свидетели. Девочка — моя, и крепость тоже — моя! На мгновение все стихло. Над полем нависла мертвая тишина.

Внезапно эту тишину нарушил странный гул. Казалось, задрожала земля. Несмотря на то, что Джеральд схватил ее за горло так, что она едва могла дышать и чувствовать, Мелисанда также ощутила, что земля под ней дрожит.

Всадники. Этот низкий гул означал приближение всадников.

И они стремительно приближались. Вот уже первые появились из-за холма.

Это был он!

На статном вороном коне. Мгновения, пока он приближался, показались Мелисанде долгими, как целая жизнь. Всадник превосходно держался в седле, высокий, стройный, широкоплечий, с развевающимся за спиной плащом, он составлял как бы единое целое с конем. Золотые лучи проглянувшего на миг солнца сверкнули на стальной кольчуге.

Голову его украшал обычный для викингов остроконечный шлем с забралом, так что видны были лишь его глаза и подбородок. Подбородок волевого и решительного воина.

Из-под шлема сверкали ярко-голубые глаза. Невероятные, сияющие, напоминающие безбрежно-голубую даль океана, привлекающие, захватывающие. Они, казалось, проникают в самую глубину души, видят то, что не видит никто другой.

Она вздрогнула от испуга, когда он остановился прямо напротив нее. С удивлением для себя она обнаружила, что, пожалуй, больше боится этого незнакомца, чем Джеральда, потому что Джеральд самое худшее, что может ей сделать — это перерезать глотку, а этот будет смотреть ей в глаза.

Однако сам Джеральд, вовсе не испытывал перед этим викингом страха. Чувствовалось, что он его не боялся. Проклятый викинг!

Дурак! О чем он думает! Что, они разве раньше не сражались здесь с викингами? Или он считает, что франкский рыцарь не имеет достаточно сил, чтобы противостоять ему?

Да, возможно, что и так. Она закусилла нижнюю губу. Она ненавидит викингов. Всех! Датчане грабят их побережье с незапамятных времен. Они убивают, грабят, насилуют, разрушают все, что попадает им под руку. Теперь Джеральд заручился их помощью, чтобы убить ее отца. Они все, все — выродки!

Но этот викинг выделялся даже на их фоне.

Он страшнее всех их вместе взятых!

Она впервые видела человека, который соединял в себе одновременно мужественность, невероятную легкость и естественность; одетый в тяжелые рыцарские доспехи он держался в седле так независимо и свободно, с таким достоинством, что, если бы теперь ее попросили описать, как выглядит норвежский бог Тор, она бы, не задумываясь, дала его портрет.

— Кто вы такой, черт побери! — презрительно фыркнул Джеральд.

— Конар Мак-Олаф из Дублина. Друг Мэнона де Бовиля, павшего здесь, и следовательно, ваш враг, если я не ошибаюсь.

Джеральд крепче прижал к себе Мелисанду и выхватил меч из ножен.

— Еще один противник? Ну, что ж, Мелисанда, у тебя есть шанс умереть вместе со мной в схватке.

— Отпустите девочку, — приказал Конар, и на секунду Мелисанду обжег ледяной блеск его глаз. Она почувствовала, как Джеральд напрягся.

— Только через мой труп.

Напряженная тишина повисла в воздухе. Викинг улыбнулся одними губами и медленно, но внушительно проговорил:

— Вы собираетесь использовать ее как щит? — в тоне его звучала насмешка.

— Если умру я, умрет и она, — упрямо проговорил Джеральд.

— Ты, надутая свинья! Я так не думаю.

С этими словами викинг внезапно оказался перед ними. У Джеральда не было времени, чтобы перерезать ей горло. Вместо этого он еще крепче прижал ее к груди, как бы защищаясь. Мелисанда видела, как покраснели от напряжения его руки. Он был застигнут врасплох.

И она решила воспользоваться этим моментом. Внезапно резко дернувшись, вонзилась изо всех сил зубами в его руку. Он был занят викингом и от неожиданности ослабил хватку. Мелисанда мгновенно вырвалась, соскочила с коня и побежала.

Кто-то громко вскрикнул. Один из воинов Джеральда поднял кинжал, чтобы метнуть его ей вдогонку.

Но не успел. Шпага викинга проткнула ему руку. Клинок викинга оказался быстрее. Человек со стоном упал.

А потом воин на статном вороном коне атаковал Джеральда, как будто бы и не заметив, что спас ей жизнь!

Джеральд издал яростный крик и пустил своего коня навстречу.

Всадники сближались на бешеной скорости. В какой-то момент казалось, разыгрывается сцена из Валгаллы. Двое фантастических всадников один на один на огромном поле. Все стихло, небо померкло, на землю спустился туман, а они несутся друг навстречу другу среди серого тумана, копыта их коней как будто не касаются земли.

И вот — они встретились. Раздался звон мечей.

Мелисанда быстро отвернулась, чтобы не видеть схватки. Она слышала только топот копыт, яростные вскрики и звон оружия. Потом все стихло. Она хотела обернуться, но тут Филипп тронул ее за плечо.

— Госпожа, идемте!

— Что там произошло? — спросила на бегу Мелисанда.

— Вам было бы неприятно это видеть, — ответил Филипп.

— Нет, кто победил?

— Победа за викингом, — Филипп на мгновение замялся. — А лживая башка Джеральда теперь потеряла своего хозяина.

— Ох! — Мелисанда сдавленно вскрикнула. Она зажала рот рукой. После всего, что она сегодня вынесла, ей! не пристало показывать слабость. Она должна держаться твердо и с достоинством.

— Садитесь, госпожа! — сказал Филипп, помогая ей сесть верхом на Героя.

Ее знобило. Сидя верхом на громадном коне, она смогла оглядеться вокруг. Войско Джеральда отступило. Сейчас они сгрудились у подножия холма в нерешительности.

Викинг был не один. Его войско выстроилось позади него.

К ним присоединились оставшиеся в живых воины из крепости. Все выжидали. Не было слышно ни звука. Все замерло, как будто люди боялись даже пошелохнуться.

Еще полчаса назад им казалось, что битва проиграна! А теперь предатель Джеральд лежит мертвый, его свора отступает.

Серый морской туман все еще окутывал поле сражения. Мертвые тела валялись повсюду. И среди них она видела тело своего отца!

Что ей теперь делать без него?

Посреди тумана была видна величавая фигура вождя викингов. Он поднял свой меч прямо над собой, будто пронзая небеса, и издал древний боевой клич — яростный и торжествующий.

Большого не понадобилось. Все их противники — и датчане, и местные — разом, как один, развернулись и начали спешно отступать.

Викинг поднял коня на дыбы, взмахнул победно мечом, развернулся, и уже через несколько мгновений оказался рядом с Мелисандой.

Озноб охватил ее с новой силой. Даже в шлеме викинга, который скрывал большую часть лица, даже несмотря на это, было сразу видно, что он совершенно не похож на других мужчин.

Интересно, что потребуют от них в уплату за эту победу? Деньги? Договор с морскими дьяволами? Какую цену им придется заплатить?

Он подъехал к ней ближе, посмотрел на нее пронизывающим взглядом.

Она расправила плечи и гордо выпрямилась. Ее отец умер, но он всегда говорил, что она является его наследницей. И, в конце концов, напомнила она себе: в твоих жилах течет благородная кровь.

Она дочь своего отца.

— Мы благодарим вас, друг, за вашу помощь. Мы предлагаем вам наше гостеприимство, — любезно сказала она.

Он молчал, и она подумала, понимает ли он их язык. Затем в глазах его промелькнуло что-то весьма похожее на насмешку, как с неудовольствием заметила она.

— В самом деле? Вы приветствуете меня? А кто вы?

— Графиня Мелисанда, — ответила она. — И как я уже сказала, мы благодарны вам и приветствуем вас здесь.

— О, ну вам придется сделать что-то гораздо большее, чем просто приветствовать меня.

— И что же?

— Подчиниться мне, детка, — его глаза озорно сверкнули.

Мелисанда гневно ответила:

— Подчиниться — вам? Что за нелепость! Я даже не знаю, кто вы такой, и я никогда не

подчиняюсь язычнику!

— Мелисанда! — предупреждаяще прошептал Филипп. — Ради Бога, вспомни, что он для нас сделал...

— Но он же викинг! — прошипела она в ответ.

— Милорд! Милорд! — донесся крик Рагвальда. Он пробирався пеший среди конных всадников, потому что терпеть не мог ездить верхом.

— Рагвальд, — узнал его викинг.

Мелисанда поняла, что они уже знакомы. Ведь Рагвальд поехал его встречать, чтобы спасти их всех от Джеральда.

Но тут было что-то еще. Возможно, Рагвальд не был знаком с викингом раньше, но определенно он что-то о нем слышал!

— Мелисанда! — Рагвальд предостерегающе нахмурил брови. — Этот человек — принц Конар Мак-Олаф, из Дублина. Мы в огромном долгу перед ним!

— Ну что ж, значит наш долг должен быть выплачен, — ответила она.

Однако викинг не смотрел в ее сторону, он смотрел на Рагвальда с недоверием.

— Так это действительно графиня Мелисанда? — Он выглядел уязвленным.

— Совершенно верно, милорд, все как обещано, вы посмотрите, какая она красавица...

— Да ведь она еще ребенок! — воскликнул викинг.

Вот уж в самом деле! Ребенок! А кому пришлось выдержать сегодня такой непоправимый удар! — смерть отца? А кто решился потом возглавить войско?

И она неплохо с этим справилась!

— Как я уже сказала, милорд викинг, — выговорила она вслух предельно холодным тоном, — мы сделаем все, что в нашей власти, чтобы выплатить вам долг.

Он все еще не глядел на нее. Его насмешливый взгляд был обращен к Рагвальду.

— Сущее дитя!

Рагвальд торопливо заговорил: — Это было желание ее отца — заключить с вами союз. В соответствующее время, конечно. Он надеялся, что, возможно, вы понравитесь друг другу. Понятно, сейчас мы просто стеснены во времени. Здесь срочно необходим новый хозяин, иначе она постоянно будет подвергаться...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что?! — вырвалось у Мелисанды.

Однако они даже не обратили на это внимание, продолжая разговаривать. Только мгновение назад она была такой важной персоной, а теперь... Нет, это просто невыносимо!

— Милорд! — уговаривал Рагвальд. — Да, я понимаю, придется подождать с подтверждением брака, но мы обещаем! Я уверяю вас! Конечно, вам придется подождать, но зато посмотрите, что вы выигрываете — какие земли! Это богатейшая земля. И вы еще не посмотрели крепость, это истинное сокровище, клянусь...

— Крепость — моя! — взорвалась Мелисанда. Она почувствовала себя так, как будто ее предали. Что с Рагвальдом? Он что, сошел с ума? Ведь это же безумие! Ведь они победили. Зачем теперь Рагвальд уговаривает викинга остаться здесь?

Они оба замолчали и посмотрели, наконец, в ее сторону.

— Моя! — повторила она настойчиво. — Рагвальд, теперь я здесь хозяйка!

Викинг отвернулся к Рагвальду.

— Совершенно невоспитанный ребенок! — воскликнул он.

— Что?! — вскричала Мелисанда.

— Однако очень красивая! — настаивал Рагвальд. Опять эти ужасные глаза! Смотрит, как раздевает.

— Да-а... — устало согласился он. — И с этим скоро будет много хлопот.

— Милорд, я уверяю вас...

— Давайте посмотрим лучше крепость, — холодно оборвал его викинг.

Мелисанда, все еще сидевшая верхом на боевом коне, не могла прийти в себя от гнева. Рагвальд пытается сосватать ей этого проклятого язычника! Надо же, предложил — ее и — крепость. Она не подошла, так теперь викинг пошел осматривать крепость.

— Эй! — крикнула она. — Это невысказано! Это совершенно беспардонно! Все это ваше высокомерие...

— Действительно, — совершенно спокойно отозвался викинг. — Детка, ты ведешь себя действительно беспардонно.

Он повернулся к Рагвальду.

— Надо будет заняться ее воспитанием. Я знаю одно место, где ею займутся всерьез.

— Рагвальд! — понизив голос, крикнула Мелисанда. Она только сейчас сообразила, что находится посреди толпы людей. Их окружали и ее воины, и викинги Конара. Не может же она вести перепалку у них на глазах!

— Я не желаю этого, ты слышишь меня? Этого будет! Будьте вы все прокляты! — прошипела она и прищорила Героя, чтобы ускользнуть от них всех подальше.

Но, несмотря на всю мощь и прыть Героя, она не успела далеко отъехать, как услышала позади себя стук копыт. Обернувшись, увидела, что викинг нагоняет ее. Из всех сил она послала Героя вперед, но было уже поздно. Конар сгреб ее с седла и пересадил на коня впереди себя. Она чувствовала позади себя его мощный торс, краска стыда и ярости выступила у нее на щеках.

Так, вдвоем, они прискакали к главным воротам замка, которые послушно отворились перед ними.

Конь викинга не замедлил шага, пока они не оказались посреди двора.

— Грубиян! — орала Мелисанда, пытаюсь вырваться из его рук. — Вы не имеете права! — Она извивалась у него в руках. — Я укушу! — пригрозила она. — Джеральд уже получил от меня свое, и то же будет с вами...

В этот момент викинг уже спешил и держал ее навесу над землей, ноги ее беспомощно болтались в воздухе. — Попробуй укуси, и я выдеру тебя так, что не останется живого места, будь уверена!

— Как вы смеете...

Он весело прищурился, потом не выдержал и расхохотался.

— И я спешил сюда! Зачем? Чтобы жениться на ребенке! — воскликнул он.

— Я никогда не выйду за тебя! — пообещала она. — И если ты посмеешь еще тронуть меня... или хотя бы подумать об этом...

— Ах, юная графинюшка, я действительно об этом буду думать, — притворно нежно прошептал он. — Что же касается брака, ну, это мы еще посмотрим.

Он поставил ее на землю. Она увидела всадников, въезжающих во двор.

А где-то там, на поле, все еще лежит ее отец. Мертвый.

— Пропустите меня! — тихо потребовала она. — Вы будете осматривать замок, а я должна...

— Что ты должна?

— Увидеть отца, — ответила она, пытаясь сдержать подступившие опять слезы.

Конар отпустил ее.

— Ну, иди, — сказал он. Она бросилась бежать.

— Мелисанда! — позвал он ее. Она обернулась.

— Я предупреждаю тебя. Какие бы ты чувства ни испытывала, не вздумай еще раз устраивать сцены на глазах у всей моей дружины. Ты поняла?

— Здесь я хозяйка, — сказала она.

Он шагнул к ней.

— Позвольте мне еще раз вам объяснить, дорогая графиня! Если вы не научитесь вести себя соответственно вашему положению, то мне придется отправить вас на воспитание. Там сумеют улучшить ваши манеры.

— Я не желаю слышать о манерах от какого-то викинга!

— О леди! Не обманывайте себя. Я смогу научить вас манерам. Клянусь вам!

— Вы не имеете права!

В глазах его заиграли смешинки. Он задумчиво обвел взглядом стены крепости.

— Похоже, мне все-таки придется жениться на ребенке, по крайней мере, для того, чтобы заняться воспитанием! — невозмутимо сообщил он.

Мелисанда развернулась, чтобы уйти. Он поймал ее за руку, на мгновение притянул к себе.

— Ладно, беги! — живо проговорил он. — Раз уж я решил, мы поженимся. А там смотри...

— Ну и что тогда? — спросила она, ехидно сощурив глаза и гордо задрав голову. Голос ее дрожал от злости.

— Тогда ты будешь в моей власти. Полностью. И я придумаю, как обучить тебя манерам.

Она вырвалась и побежала прочь, махнув на него рукой. Она не допустит этого.

Хотя она и убежала от него, в ушах ее все еще стоял его смех.

На поле битвы за стенами замка тела отца уже не было. К счастью для Мелисанды, кто-то уже позаботился о мертвом.

— Его отнесли в часовню, — сказал Рагвальд, положив ей руки на плечи. — Я провожу тебя туда.

Она вывернулась из его объятий и зло посмотрела на него.

— Я знаю, где находится часовня. Оставь меня. Рагвальд глубоко вздохнул и попытался подойти к ней. Она попятилась от него как от гремучей змеи.

— Мелисанда, прекрати! Выслушай меня...

— Мы победили! Мы победили, и ты после этого начинаешь сговариваться с каким-то гнусным викингом. Мы не нуждаемся в его услугах. Я ненавижу его и замуж за него не пойду. Отец умер, я здесь главная, и ты не! можешь заставить меня.

— Мелисанда, ну хотя бы ради памяти отца, будь благоразумна!

— Я благоразумна! Джеральд убит, викинг победил его...

— А ты пока еще маленькая и слабая девочка! Ты не сможешь удержать за собой эти земли, не сможешь обеспечить поддержку, в которой нуждается твое войско, чтобы отстоять замок. А гнусный викинг, как ты изволишь его называть, был, между прочим, выбран не кем-нибудь, а твоим отцом.

— Отцом? — воскликнула она в крайнем изумлении.

— Конара можно будет призвать на помощь в любой момент, он сможет приплыть и отразить натиск датчан, тем более что ему-то хорошо знакомы все их уловки. Мелисанда, ты еще не в том возрасте, когда дети получают власть в свои руки. Ты находишься под моей опекой.

— Тогда прекрати это! — потребовала она.

Рагвальд печально взглянул на нее.

— Я был против этого плана, когда услышал о нем от твоего отца. Но теперь мы в таком положении, что это просто единственный выход для нас, если мы не хотим потерять все.

— Но я не желаю этого! — настойчиво повторила она, приблизившись вплотную к Рагвальду. — Ты слышишь? Я не хочу этого! И меня здесь не будет, когда вы с викингом закончите свою торговлю!

Она была испугана. Одна только мысль о том, что она окажется в руках этого викинга, наполняла ее паникой. И ведь он вовсе не хотел ее. Ему нужна была только крепость.

— Я убегу... — начала было она, но замолкла, услышав, что кто-то подходит к ним сзади.

Резко обернувшись, Мелисанда увидела, что они с Рагвальдом окружены странной толпой — это были викинги Конара. Многие из них были белокуры до того, что казались почти седыми. Были ярко-рыжие, как огонь, но встречались и шатены. Кое-кто носил норвежскую одежду, другие — кельтские плащи и украшения, характерные для жителей Ирландии. Она присмотрелась. Десяток людей окружил их вместе с Рагвальдом.

Они поклонились, и один из воинов выступил вперед.

— Графиня, мы позаботились о теле. Если вы последуете за нами, то сможете помолиться за его душу, — сказал он. — Астролог, Конар, наш господин, нуждается в вашем совете.

Горячие слезы брызнули из глаз Мелисанды. Она не даст им себя провести. Она задрала подбородок.

— И вы все собираетесь меня сопровождать в христианскую церковь? — с издевкой спросила она.

Но человек, к которому она обращалась, казалось, не заметил этого.

— Миледи, на нашем острове издревле процветает христианская вера. Вы должны к нам приехать как-нибудь. Я уверен, вы будете потрясены.

— А-а, ваш остров, — презрительно протянула она. — А скажите, корабли с драконьими мордами вы строите там же, где и христианские церкви?

— Мелисанда! — предупреждающе прошептал Рагвальд.

— Ну, так как же?

— Да, леди, именно так. Мы взяли от короля Олафа то лучшее, что он нам принес, и соединили это с нашими обычаями. В подобном сочетании таится невероятная красота и сила.

Он улыбался и, по-видимому, вовсе не был смущен вопросами. Рагвальд ухватил-таки Мелисанду под руку и повел ее назад в замок. Пальцы его были крепко стиснуты у нее на запястье.

— Послушай, я обучал тебя все эти годы. И я предупреждал тебя, что мир вокруг достаточно жесток и что тебе придется еще с этим столкнуться. У тебя светла голова, и ты смелая. Ты не побоялась броситься в схватку не далее как сегодня утром. Но сейчас ты почему-то никак не хочешь понять, насколько важно все это и для тебя, и для всех твоих подданных. В противном случае замок будет без конца подвергаться нападениям, твои люди будут все время под угрозой, на твою гвардию ляжет непосильное бремя непрерывных сражений, битв стычек! Не понимаю, почему ты так боишься одного человека, когда не побоялась сразиться с тысячью?

— Я не боюсь его, — яростно прошептала Мелисанда.

— Так что тогда?

— Мне от отвратителен.

— Но это же не причина отказываться от брака, — сердито проворчал Рагвальд.

— И я еще слишком мала для замужества.

— Девочек сватают еще с колыбели! Ты прикинь. Ведь вот сейчас мы сыграем свадьбу, и после ты его не увидишь еще много лет! Но ты зато будешь в полной безопасности. Неужели не понятно! — он понизил голос. — Неужели у тебя нет уважения к воле твоего отца? И в любом случае, Мелисанда, ты не должна вести себя столь ребячливо!

— Но я ребенок. Как он сказал, я еще дитя!

— Да, но не веди себя как испорченный ребенок! Ты огорчаешь своего отца даже и после его смерти!

Если Рагвальд стремился ее этим задеть, то он достиг своей цели. Сердце ее и душа были переполнены горем. И горе это было непереносимо.

Она вошла вместе с ним в крепость и остановилась в центре внутреннего дворика.

— Ну что ж, астролог, делай, что ты хочешь! Пусть это произойдет. Но никогда, слышишь, никогда больше не лезь ко мне со своими советами!

Она резко отвернулась от него и пошла по направлению к замковой часовне. Вокруг сновали люди, но она никого не замечала. Часовня была расположена в дальней северной башне. У входа толпился народ, многие были бледны и заплаканы. Перед ней все молча

расступились.

Мелисанда быстро прошла внутрь. На минуту задержалась, чтобы глаза привыкли к неровному рассеянному свету зажженных свечей. Внутреннее убранство здесь было скромным. В два ряда стояли простые деревянные скамьи, между которыми был проход, устланный темно-бордовой дорожкой.

Тело отца поместили на невысоком деревянном помосте перед алтарем. Кровь с лица уже была смыта. Горло, где самая страшная рана, было аккуратно прикрыто платком. Глаза его были закрыты, рука сжимала рукоятку меча. Ее отец был красивый человек. Молодой человек, вдруг поняла Мелисанда.

Теперь слезы, которые она сдерживала на протяжении всего этого бурного дня, хлынули потоком. Она зарыдала в голос, не заботясь о том, что ее могут услышать. Упав на колени перед помостом, она дала волю своим слезам.

Он выглядел совершенно так же, как при жизни! Но, когда она дотронулась до его тела, то почувствовала, какое оно неподвижное и холодное. «Нет, нет, нет, нет!» — бесконечно повторяла она. Слезы ее омывали его руки, и когда она попыталась отереть их, то снова ощутила холод смерти. Он не мог умереть, она еще услышит его голос, его смех. До этого момента она не понимала, до чего хрупкая вещь жизнь, любая жизнь. В отчаянии от охватившего ее чувства одиночества она прижалась к отцу, как бы пытаясь своим телом, своим теплом вдохнуть жизнь в его холодное тело. Рыдая, молилась она о том, чтобы он ожил, чтобы кто-нибудь мог оживить его.

Внезапно Мелисанда почувствовала, что кто-то поддерживает ее, кто-то очень сильный. Она пыталась отмахнуться от чужих рук, ей хотелось остаться с отцом, остаться с ним навсегда.

Не видя ничего перед собой от слез, застилавших ее взор, она слепо отбивалась. Но чьи-то сильные руки настойчиво уводили ее прочь. Она перестала сопротивляться и взглянула человеку в лицо. Голубые бездонные глаза викинга смотрели на нее.

— Оставьте меня с ним! — попросила она.

— Ты не можешь остаться с ним! Ты не можешь умереть за него. Ни одна душа на белом свете не в силах; этого сделать.

Мелисанда зарыдала еще сильнее.

— Ну-ну, — сказал он и мягко прижал ее к своей! груди. — Ш-ш, горе велико, но все пройдет.

— Никогда, — прошептала она. Он вел ее куда-то. Она не разбирала куда. Только понимала, что из церкви; они уже ушли, и что люди расступаются, давая дорогу е и викингу.

Повсюду было темно. Прошло уже столько часов с тех пор, как он умер.

Он уже такой холодный.

Ушел...

Плечи ее задрожали, и слезы потекли неудержимо. Он аккуратно вытер ей слезы и убрал слипшиеся пряди волос с ее щеки. Через несколько минут он уже усаживал ее в большое кожаное кресло у камина в главном зале.

Здесь было тепло и спокойно. Сев в кресло, она смогла рассмотреть немногих собравшихся в зале людей. Здесь был Рагвальд, глядевший на нее со странным горестным сожалением. Был также рыжеволосый великан — друг Конара, Гастон, Филипп и кто-то еще.

Рыжеволосый поднес бокал. Викинг, стоящий на одном колене у кресла Мелисанды,

подал ей этот бокал.

— Это подогретое вино. Выпей. Оно помогает.

— Ничего не поможет.

— Время лечит все.

Она послушно выпила вино. В комнате было очень уютно. Она чувствовала тепло и силу человека, который стоял перед ней и ждал, пока она пила. Она раньше достаточно часто пробовала вино. Даже самым маленьким детям давали время от времени вино в качестве питья.

Это вино было крепкое. Дорогое, то, что ее отец привез из Бургундии. Эта мысль чуть не заставила ее расплакаться. Она перестала пить глотками и выпила все одним залпом. По ее внутренностям разлилось тепло.

Она опустила бокал и посмотрела в холодные, требовательные голубые глаза незнакомца, который столь внезапно стал ею командовать.

Она понимала — он изучает ее, оценивает ее. Какое-то время она молчала, пытаясь выдержать его взгляд, потом опустила глаза и отдала ему бокал.

Конар поднялся с колен и отошел в центр зала, где стояли собравшиеся мужчины.

— Мы нашли бумаги твоего отца, — начал он вопросительно глядя на нее. Она не отреагировала. — Он уже составил брачный контракт. Хочешь ли ты с ним ознакомиться?

У нее перехватило дыхание. Она не могла в это поверить. Отец собирался отдать ее в жены этому человеку?! Он всегда говорил, что у нее будет право голоса, что она сама будет выбирать.

Ей стало плохо, она даже не нашла, что сказать им в ответ. И здесь ее предали. Значит, отец, как и все они, сомневался в ее способностях управиться самой.

У нее нет выхода. Жаркая волна гнева охватила ее. Но она не позволит им больше смеяться над собой. Она не будет так глупо убегать, чтобы викинг тащил ее потом обратно на глазах у всех.

Она встала, почувствовала, что не очень твердо держится на ногах, но постаралась это скрыть: Ей было лестно, что она такая высокая — выше даже некоторых присутствовавших здесь мужчин.

Однако не выше его. Но он высок и для мужчины.

«Я не боюсь его!» — поклялась она себе.

— Я не собираюсь смотреть бумаги, — сказала она холодно. — Я доверяю своему отцу и последую его воле.

Мелисанда взглянула на Рагвальда. Он подошел к ней вместо Рагвальда и посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты сможешь дойти до церкви?

— До церкви?

— Да, Мелисанда, это лучше сделать сейчас же.

— Когда тело моего отца еще лежит там перед алтарем?

— Именно потому, что он лежит там. Тебе дать время на размышление?

— Мне кажется, не надо, — с беспокойством пробормотал Рагвальд. Викинг вопросительно взглянул на него. — Я не думаю, что Мелисанде нужно давать время на обдумывание, тем более что нельзя ее сейчас оставлять одну...

— Потому что она снова может сбежать? — спросил викинг.

Рагвальд ничего не ответил. Викинг рассмеялся, отрицательно покачав головой.

— Рагвальд, от меня невозможно сбежать. Я бегаю быстрее, как ты уже убедился Мелисанда, я еще раз спрашиваю тебя. Тебе нужно еще подумать?

Ох уж эти глаза! Невозможно сбежать! Если она! сейчас сбежит, то он поймает ее, и будет еще хуже. Хотя ему, собственно, ничего здесь особенно не нужно, но он принял решение, и это для него — закон.

«В один прекрасный день я все-таки сбегу! — подумала она, — далеко-далеко!»

Однако только сейчас она поняла, на что они намекали, когда говорили о ее покойном отце, лежащем в часовне, и о том, что именно поэтому они должны пойти туда и перед всеми объявить о своем решении.

Граф Мэнон будет, несмотря ни на что, пусть незримо, но присутствовать на свадьбе дочери.

Она в отчаянии сжала кулачки, так что ногти вонзились ей в ладони. Народ! Вот что важно. Она должна сделать это ради них всех. Крестьяне, арендаторы, слуги, торговцы — все они подавлены случившимся. Это поднимет их дух.

— Я готова идти сейчас. — Она твердо посмотрела в глаза Рагвальду. — Я никуда не сбегу.

Ее губы скривились в презрительной усмешке, и она спросила ближайшего к ней мужчину.

— Ведь это все равно не имеет никакого значения? Вы все равно сделаете все как задумали, и мое согласие здесь ни при чем.

— Церковь требует вашего согласия, — ответил рыжеволосый.

Она махнула рукой.

— Когда моя кузина выходила замуж, то никакое сопротивление не помогло. Они насильно привели ее в церковь, и когда священник спросил, согласна ли она, то ее будущий муж, держа руку у нее на шее, в нужный момент заставил кивнуть. Поэтому, судари, я и спрашиваю вас заранее, не собираетесь ли и вы учинить что-либо подобное?

— Ну, что вы, миледи... — начал было рыжеволосый.

— Конечно! — рослая фигура Конара Мак-Олафа заслонила все остальное перед ней. — Возможно, я буду вынужден прибегнуть к этому средству.

— Скажите, зачем вам все это нужно? — спросила она. — Ведь вы терпеть не можете детей.

— Ну, дети вырастают, — он пожал плечами. — А я приобретаю эту землю. Здесь имеет смысл подождать.

— Вы можете погибнуть, пока будете ждать, — быстро проговорила она, — и тогда вы умрете, не имея наследника.

— Вы исключительно сообразительное дитя, — ответил он. — Возможно, мне и не придется так уж долго ждать.

Конар отвернулся от нее, быстро подошел к столу, взял одну из заготовленных бумаг и четко огласил написанное.

— Я, Конар Мак-Олаф, клянусь блюсти наш договор с графом Мэнном, как в отношении его дочери, так и в отношении земель и владений. Клянусь положить свою жизнь и защитить их, как договорено, что и удостоверяю своей рукой.

Он схватил перо со стола и быстро подписался. Затем капнул воском и приложил свой перстень с печаткой к документу.

Обернувшись к Мелисанде, спросил:

— Итак, мы идем?

— А моя подпись здесь не нужна? — спросила она. Он отрицательно покачал головой.

— Это просто договор. Ваш отец уже подписал его.

У Мелисанды больно сжалось сердце. «Нет, — думала она, — мой отец подразумевал не это. Он не мог желать своей дочери такого обращения, когда ее взгляды и желания не принимаются во внимание».

Она стиснула зубы. Да, это жестокий мир, где женщина ничего не значит. Она собственность отца до своего замужества. И потом она переходит полностью под опеку своего мужа.

Мелисанда, ослабев, почти упала в кресло. Она мысленно поклялась себе, что этого не допустит. Она воспитана в духе независимости, приучена думать самостоятельно и будет сама управлять своей судьбой. Если этот викинг не сможет признать ее права, ну что ж, пусть пеняет на себя — это будет не брак, а ад крошечный.

— Идемте, — резко сказала она и устремилась к выходу, больно закусив губу, чтобы вновь не расплакаться перед ним. Но, невзирая на усилия, перед глазами все начало расплываться, слезы застилали ей взгляд. Она сбежала вниз по ступенькам из башни и выскочила во внутренний дворик.

Во дворе уже совсем стемнело. Стихли стоны и рыдания. Мертвые были убраны, раненым оказана помощь. Зажгли факелы. На небе сегодня не было видно луны, и только дрожащий свет факелов освещал путь.

Конар взял ее под локоть.

— Мелисанда, будет гораздо приличнее тебе идти под руку со своим нареченным.

— Вы не мой нареченный, а отца.

— Я не хочу опять затевать с тобой перепалку.

— Тогда лучше вам будет помолчать.

Он сжал ее руку, не то чтобы сильно, нет, он собирался причинять ей боль — однако достаточно сильно, чтобы она понимала, что он может принудить ее сделать все, что положено.

— Я тоже очень измотан, поверь.

— Твой отец не лежит там, перед алтарем.

— Я действительно очень огорчен его смертью. Очень. Именно поэтому, миледи, я столь многое вам сегодня прощаю.

— А-а. А завтра, значит, прощения уже не будет?

— Завтра вам следует поостеречься. Чем больше я узнаю вас, тем более убеждаюсь в том, что вы не по годам умны, дерзки и безрассудны.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Именно так меня воспитывали. Мой отец хотел, чтобы я была самостоятельной.

Они подошли к дверям часовни, Рагвальд стал зачитывать перед собравшимися брачный контракт, затем он сообщил, что ввиду сложившихся обстоятельств свадебный обряд будет совершен немедленно.

— Да где же этот священник? — раздраженно пробормотал под нос Рагвальд.

— Я здесь!

Мелисанда была совершенно убеждена в том, что их священник, отец Мэтью, прибежит только в последний момент. Его не было видно целый день. Да, его никак нельзя назвать смелым человеком. Наверное, он прятался в каком-нибудь потайном углу под часовней.

Да уж, если бы викинг отловил отца Мэтью пораньше, уж он бы с ним сговорился в один момент. Мелисанда была бы обвенчана, что бы она там ни говорила.

Отец Мэтью, встрепанный, с торчащими во все стороны седыми космами, бросил быстрый взгляд на Мелисанду и поскорее отвел глаза. По-своему, он неплохой человек, добрый и заботливый. Она не сомневалась, что он сам очень огорчен таким поворотом событий, и все-таки совершит церемонию без колебаний.

Здесь во дворе было зябко, поддувал холодный ночной ветер. Мелисанда дрожала от ледяных прикосновений своей металлической кольчуги. Она закрыла глаза. Народ после объявления Рагвальда все еще продолжал стекаться на оглашение. На ступеньках церкви священник оглашал их имена. Сначала ее — имя, титул, род. Потом — его. Ого, как внушительно. Сын короля Дублина... внук великого короля всей Ирландии... сын норвежского ярла...

— «Викинг!», — подумала Мелисанда.

— Мелисанда!

Она встрепенулась. Ох, она совсем отключилась и не следила за процедурой.

— Вступаете ли вы в союз по доброй воле? — повторил свой вопрос отец Мэтью.

— Нет!

Священник закашлялся. Викинг нетерпеливо повторил за него.

— Вступаете ли вы в союз по вашей доброй воле? — настойчиво и строго спросил он.

И она уже не сомневалась в том, что при необходимости он и силой заставит ее ответить согласием.

Это было желание ее отца. И она подтвердила, что пойдет на это. Ради всех людей, которые теперь с надеждой взирают на нее.

— Да! — резко выдохнула она. — Я делаю это по своей собственной воле.

В ледяном взгляде этого нордического волка промелькнуло нечто похожее на уважение.

— Кольцо! — торопил Рагвальд викинга. Вам надо надеть ей кольцо сейчас, перед входом в часовню. Тогда можно идти совершать обряд.

Викинг стянул кольцо с руки. Это был тот самый перстень, который он приложил к договору. Перстень сваливался у нее со среднего пальца, и пришлось надеть его на большой.

Наконец кольцо было надето. По толпе пронес вздох облегчения. Они могли теперь надеяться, что проклятые датчане получают достойный отпор, что дети их будут в безопасности.

Кольцо, слава Богу, не спадало. Отец Мэтью пригласил всех пройти в часовню.

— Вы на самом деле ходите на мессы? — язвительно спросила она своего спутника.

— О, конечно, когда это необходимо, — заверил он. Мелисанда уже собиралась сказать еще что-нибудь в том же духе, но внезапно замолчала. Они уже вошли внутрь храма. И там лежал ее отец.

— Я не вынесу этого! — прошептала она.

— Вы должны. Обопритесь на меня.

Пожалуй, это было последнее, что она могла потом вспомнить. Дальнейшее происходило как будто во сне. Отец Мэтью долго говорил об ее отце, о том, как он погиб. Говорил о том, сколько у них врагов, и как важно обеспечить замок надежной защитой. И что из-за этого они решили ускорить заключение брака. Потом о том, как Конар Мак-Олаф победил Джеральда, предавшего ее отца. Про то, как замечательно, что человек, отомстивший за ныне покойного лорда, станет теперь их господином. И только после того,

как он закончил свою, казавшуюся Мелисанде бесконечной, речь, он, наконец, приступил к церемонии бракосочетания.

Мелисанда уже плохо осознавала происходящее. Под конец ей опять надо было что-то произносить. К этому моменту ей было настолько уже все равно, что она, не задумываясь, согласилась бы обручиться хоть с десятком леших из дремучего леса.

Стоя на коленях перед алтарем, она все же слышала, как отец Мэтью объявил их мужем и женой перед Богом и людьми.

Подняться сама она уже не могла. Конар помог ей встать и облобызал в обе щеки.

Наконец он повел ее к выходу.

Внизу у входа в главную башню ее с нетерпением ждала Мари де Тресси. Она крепко обняла Мелисанду и повела по ступенькам наверх в спальню.

Когда они шли по коридору мимо покоев отца, Мелисанда остановилась, не в силах сдвинуться с места. Ей хотелось зайти туда, побыть там одной среди его вещей.

— Не сейчас, милая, не сейчас, — ласково сказала Мари. Мелисанда как бы вновь ощутила смертный холод тела, лежащего в часовне. Мари мягко увлекла ее за собой дальше по коридору, туда, где за небольшим холлом находились ее собственные покои.

Горничная стащила с нее тяжелую кольчугу, и Мелисанда в изнеможении рухнула на кровать. Она опять начала рыдать.

Мари поспешила к ней, утешая и утирая ей слезы. Тут вошел Рагвальд. Мелисанда отвернулась от них к стене.

— Мелисанда! — ласково позвала Мари. Рагвальд взял горничную за руку и увлек за собой из комнаты. — Оставь ее. Девочке надо выплакаться.

Дверь за ними закрылась, и Мелисанда осталась одна в комнате. Невеста и сирота.

Никогда в жизни она еще не чувствовала себя столь одинокой.

Всерьез Конар задумался о своей новоиспеченной невесте только на следующее утро. По-новому взглянуть девочку его заставила Бренна.

Бренна была дочкой одного из отцовских воинов викингов и приближенной к свите его матери. Их с Конаром объединяла доставшаяся им обоим в наследство смешанная кровь норвежцев и ирландцев. Они родились, чуть ли ни на одной неделе и с детства не расставались. Они были нежно привязаны друг к другу, как брат и сестра.

Это не означало, что у Конара было мало родных братьев и сестер. Был Лейв, старший брат и отцовский законный наследник. Потом Эрик, с которым они были очень похожи. И следующие братья — Бриан, Брай и Конан. А также сестры — Элизабет, Меган и Дариа. У них была огромная семья со множеством домочадцев и Бренна также была всегда с ними.

Бренна сопровождала его во всех походах. Она не любила сражений и, пока они воевали, отсиживалась где-нибудь, но во многих других делах она являлась его правой рукой и мудрым советчиком.

Мергвин, старый мудрец, сведущий в рунах и в друидических гаданиях, в один прекрасный день вдруг объявил ее своей ученицей.

Лишь недавно Конар понял, что именно углядел Мергвин в Бренне еще в ее юные годы. Она могла читать в душах людей. Например, она всегда знала, говорит тот или иной человек правду или лжет.

Ей было ведомо, что движет людьми, она читала в их сердцах, как в открытой книге. Могла она также толковать руны, но этим умением обладали и многие другие. Конар, вслед за отцом, который принял христианство на католический манер, не очень-то доверял гаданию на рунах. Он относился к этому скорее как к развлечению.

Тем не менее, он, как и все в его семье, питал огромное доверие к Мергвину.

Мергвин мог видеть. И все они это знали. Он не раз предупреждал их об опасности. Мог также предвидеть я будущее, но всегда сопровождал свое предсказание напутствием о том, что судьба — это не только путь тела, но и духа, и что в этом смысле они сами влияют на события.

Конар в глубине души был уверен в том, что должны существовать где-то и Небеса и Ад. Однако он не придавал значения тому, в кого именно верят люди, — в Бога или в Одина, надеются достичь Небес или Валгаллы. Точно так же ему было безразлично, откуда или благодаря чему получает свои знамения Бренна: является источником ее мудрости гадание на рунах или друидические гадания, а может быть, это результаты ее молитв к Богу — он просто доверял ей.

Конар проснулся на следующее утро в крепости совершенно не отдохнувший, вымотанный предыдущим тяжелым днем. Ныли раны, полученные им в схватке, голова раскалывалась.

Он спал в покоях Мэнона, на его постели, и это было горьким напоминанием. Хотя он встречался в графом всего лишь один раз, когда был здесь со своим дядей, но граф произвел на него неотразимое впечатление. Умный, обаятельный, мужественный и обладающий притом изрядным чувством юмора. Конар восхищался им.

Когда он получил приглашение от Мэнона, то заподозрил, что, возможно, графу грозит какая-нибудь опасность, и поспешил сюда. Однако, конечно, он совершенно не предполагал,

что ему придется ввязаться в сражение, отстаивать замок и — увы! — не жизнь, а лишь посмертную волю Мэннона.

Внезапно он заметил Мелисанду, стоявшую в дверях, — бледную, с широко раскрытыми глазами. Возможно, именно ее появление и пробудило его. Он поймал себя на том, что с интересом рассматривает ее глаза. Их густая глубина с каким-то грозovým фиолетовым оттенком поразила его еще в первый момент их встречи.

«Она пришла, чтобы почувствовать себя наследницей, войти во владения отца», — подумал он.

Мелисанда, конечно, не ожидала увидеть его здесь.

Он приподнялся и сел на кровати. Она побледнела еще больше, развернулась и исчезла. — Мелисанда! — позвал он.

Тут он сообразил, что сидит голый на кровати, красуясь всеми полученными ранами, и что это вряд ли привлекательное зрелище для молодой девушки. Впрочем, она ему ни капельки не нравилась, признался он себе. Хотя он и спас ее от рук негодяя, который убил ее отца, а ее мог либо убить, либо изнасиловать, или продать в рабство.

Нет, вряд ли она испугалась ран и шрамов. Скорее ее возмутило, что он спит в постели ее отца. Да и она не желает ни в коем случае ни слушать его, ни подчиняться ему.

Ладно, научится. И очень скоро.

Он встал, натягивая плотно обтягивающие штаны. Обулся, надел льняную рубаху и тунику сверху. Сегодня не нужна кольчуга. Однако он никогда не расставался с ножом, пристегнутым ремнем у колена, и очень редко оставлял дома меч. Он как раз застегивал перевязь с висящими на ней ножами, когда вошедший мальчик-слуга принес ему кувшин для умывания. Конар ополоснул лицо холодной водой, пытаясь стряхнуть с себя остатки сна.

Он вышел из спальни и двинулся по коридору, рассматривая верхний этаж крепости. Ему понравилось расположение спален. Ему пришлось по душе также то, что главный зал был расположен под спальнями, но не на первом, а на втором этаже. Спасибо Мергвину, Конар хорошо изучил устройство римских крепостей и мог по достоинству оценить преимущества этой. Хотя за стенами не было насыпного вала, а только ров, сама крепостная стена и постройки внутри были воздвигнуты на насыпи. Крепость была неприступна с моря и трудна для осады с суши.

Когда он спустился в зал, там уже сидел Свен — ирландец до мозга костей, хотя и носящий норвежское имя. Он сидел за столом, рядом с ним — Бренна. Они были одни, прислуга в замке, несмотря на трагическую смерть своего бывшего господина, хорошо управлялась со своими обязанностями. Стол был накрыт. По краям стояли резные деревянные тарелки для гостей, в середине красовались блюда с ветчиной, рыбой, овощами, стояли бокалы для вина, всевозможные горшки с дымящейся едой, свежий хлеб, холодная рыба, напитки. Он и не подозревал до этого момента, как он проголодался. Вчерашний бесконечный день был так насыщен событиями, что никто из них и не думал о еде.

Он сел, и Бренна тут же поднялась, чтобы налить ему эля.

— Итак, милорд, как вам спалось сегодня? — спросила она.

Конар с любопытством посмотрел на Бренну, потом перевел взгляд на Свена. Тот пожал плечами.

— Согласись, Конар, мы прибыли сюда не для того, чтобы здесь оставаться, Конар покачал головой:

— Мы не будем здесь задерживаться. Я не могу. Ситуация дома слишком опасная.

— Ситуация опасная и здесь! — сказала Бренна. Она положила ему еды на тарелку и поставила перед ним. — И это теперь твой дом. Посмотри, как все устроилось. Отец непременно одобрит тебя. Ты получил замечательные земли.

— Ну, отец по этому поводу сказал бы, что замечательные земли могут обойтись и без моего присмотра. Я еще не разговаривал с советником Мэнона, с этим Рагвальдом. Но я уверен, что он вполне справится с управлением здешними землями и без моей помощи. Кроме того, я ведь уеду ненадолго.

— Никто не справится со здешней ситуацией, пока девочка здесь. Слишком большое искушение для многих, — сказала Бренна.

Нахмурившись, Конар отодвинул от себя тарелку, откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

Он пытливо взглянул на нее.

— Вот как, Бренна, вот что у тебя на уме. Но какая разница, где я оставлю девчонку?

— Ты что, ослеп, Конар? — спросил Свен, вытаращив на него глаза. Но, заметив сердитый блеск в глазах Конара, быстро извинился: — Я прошу прощения, но... — Он осекся.

— Господи, о чем вы? Вы, оба?! — взорвался он.

— Ты рассмотрел девочку? — спокойно спросила Бренна.

— Хорошо ли ты ее рассмотрел? — уточнил Свен. Теперь уже Конар вытаращил глаза на них обоих.

— Мэнон послал за тобой, потому что чувствовал что здесь сгущается опасность. И это было связано с дочерью. Она была бы достойной наградой всякому даже если бы была уродиной, — поскольку впридачу претендент получает замок и отличные земли. Но повсюду идет молва о ее красоте, многие видели ее, и она сейчас уже входит в возраст.

— Да ведь ей нет еще и тринадцати! — воскликнул Конар.

— Твоя невеста — девушка необыкновенной красоты, — сообщила ему Бренна.

Конар в раздражении стукнул бокалом по столу.

— Что до меня, Бренна, то она еще девчонка. Я согласился на свадьбу, потому что Рагвальд уж очень просил, да и понятно, они тут остались совсем без защиты и — ну да, конечно, я прибираю к рукам таким образом неслыханное богатство... Но девчонке надо подрасти, это, по-моему, всем ясно.

— Да, — согласилась Бренна. — Она еще очень юна. Однако иногда женщины становились женами, реальными женами, и в тринадцать лет. Вспомни-ка, когда ты впервые заинтересовался женщинами!

— Но, Бренна, откуда ты можешь знать, в каком возрасте я... — Он остановился на полуслове. «Ну да, он знала. Сколько же ему было лет тогда? С той приходящей горничной? Нет, он был старше, чем Мелисанда».

Он точно был старше...

Правда, ненамного. Однако — это другое дело. Он не собирается терпеть ее при себе.

— Я не имею ни малейшего желания таскать ее за собой в качестве жены, — твердо сказал он. — И, Бренна, ты же меня знаешь. Я не любитель развращать малолетних, когда...

— ...когда вокруг столько других и вполне доступных развлечений, — спокойно закончила за него Бренна. — Однако, милорд, хотя вы не любитель, но вы должны иметь в виду, что такие любители есть. И ее опасно оставлять здесь одну.

— Но ведь я женился на ней, брак был оглашен, была церемония...

— Пока брак не подтвержден, его легко расторгнуть. Даже по закону. А уж убедить священника — и того легче!

— Ну и что вы мне предлагаете, — сердито спросил Конар. — Чтобы я растлил эту беспардонную юную сиротку?

— Конечно, нет! — ответила Бренна. — Я просто предлагаю тебе присмотреться повнимательней к девочке. И увезти ее отсюда с собой. В какое-нибудь безопасное место.

«В какое-нибудь безопасное место...»

Да, именно при этих словах его юная невеста появилась в комнате, и именно тогда он впервые взглянул на нее и рассмотрел по-настоящему.

А ведь они правы! Он не рассмотрел ее вчера. Кольчуга, оказывается, многое скрывает. Высокая, стройная, привлекательная... и м-м-да, кое-где уже начинает округляться. Изящная осанка и черные как смоль волосы, струящиеся водопадом. Лицо еще детское, но исключительно красивое, и к тому же еще глаза...

Ох, уж эти глаза! Огромные, темно-синие со странным фиолетовым оттенком, вызывающие и очень, очень красивые. Бренна права. Девчонка будет неотразима. Она уже и сейчас просто ходячее искушение. И найдется достаточно мужчин, которые будут не прочь жениться — или даже и не жениться — на красивой юной девушке.

Его бросило в жар. Как все странно. Он приехал сюда, как гость, не помышляя приобретать собственность или жену. Разве только обсудить какие-то возможности на будущее. А теперь он неожиданно приобрел в собственность здешние владения.

И эту девочку.

И хотя ему самому она, как жена, сейчас не нужна, но он не может и мысли допустить, чтобы она оказалась связана с кем-то другим. Сколько хлопот с этими взрослеющими красивыми девицами! Да, никогда в жизни у него не было таких проблем. Прямо невыносимая головная боль!

Бренна наклонилась к нему.

— Вы можете оставить в крепости половину наших людей. Но ее здесь оставлять одну вас никак нельзя. Идет война, окрестности подвергаются постоянным набегам. Крепость могут вновь осадить. Если захватят Мелисанду, вы хоть теперь и являетесь по брачному контракту здешним владельцем, ваши права могут оспорить, так как она является наследницей графа.

Приблизившись легкой, бесшумной походкой, Мелисанда остановилась прямо перед Конаром, как бы не замечая присутствующих тут Свена и Бренну. Однако в ее мимолетном взгляде, брошенном на Бренну, ощущалась враждебность.

— Вы не имеете права спать на постели моего отца, — заявила она с твердостью, хотя в голосе ее все-таки слышалось скрытое раздражение.

— В самом деле, миледи? — пробормотал Конар.

На ней были розовато-лиловая блуза и поверх темно-лиловая туника. Сочетание этих цветов подчеркивало выразительность ее глаз.

— Его тело еще не остыло! — осуждающе сказала она.

Он встал, взбешенный тем, что она позволяет себе такой тон в присутствии других.

— То, что я спал в постели вашего отца, ни в случае не означает моего неуважения к нему, это просто результат моей крайней усталости. Позвольте вам напомнить, миледи, что я не только не осаждал и не покушался на ваш замок, но напротив — многие мои люди полегли, защищая его и честь вашего отца. Кроме того, я должен вам сказать, что если в

будущем вам захочется обсуждать вещи такого рода, то вам следует это делать в приватном порядке.

— В таком случае, милорд викинг, я попрошу вас не совершать больше поступков, о которых было бы стыдно говорить при всех.

Это было уже слишком. Конар крепко схватил девчонку за руку.

— Конар! — попыталась вмешаться Бренна.

— Сядь, Бренна, сделай милость!

В наступившей вдруг тишине Бренна опустила в кресло.

Мелисанда молча пыталась освободиться от его рук. Конар сказал, обращаясь к Свену и Бренне:

— Надеюсь, вы извините нас, но мы с моей невестой должны потолковать наедине.

— Я ни о чем не желаю с вами говорить... — начала Мелисанда, но он резко оборвал ее.

— Зато я очень многое хочу вам сказать.

— Я не...

— Нет!

Мелисанда вне себя от гнева бросилась на него, стараясь оцарапать. Он любезно улыбнулся Бренне и Свену и, не обращая внимания на отчаянное сопротивление Мелисанды, спокойно перекинул ее через плечо и вышел из зала.

Лучше покончить с этим сразу.

Он поднялся с нею наверх в спальню, сел на кровать и положил ее себе на колени лицом вниз.

По правде говоря, Конар и сам не знал в точности, как собирается ее проучить. Нет, он не хотел быть с ней жестоким, так как видел вчера ее в церкви у тела отца и понимал, что она глубоко потрясена его смертью. Но каким бы ни было ее потрясение, он все же не был намерен терпеть и дальше такое поведение!

Он собирался объяснить ей это и уже открыл было рот, чтобы начать, но вместо задуманных слов у него вырвался внезапный крик. Это Мелисанда изо всех сил укусила его за колено.

— Чертовка! — вскричал он, и все его благоразумные намерения испарились в тот же миг. Нет, он действительно не собирался этого делать. Это была ее ошибка. Он с чувством шлепнул ее по задку разок-другой и поставил на ноги перед собой. Глаза ее были полны слез, но вовсе не от раскаяния. Она рыдала от ярости.

— Как ты посмел! Как ты смеешь!

— И еще посмею, миледи, если вы немедленно не успокоитесь!

— Милорд!

В дверях стоял подоспевший Рагвальд. Он вбежал в спальню, бросился к Мелисанде и обнял ее за плечи.

— Она не хотела вас обидеть... — начал он.

— Хотела! Хотела! — всхлипывала Мелисанда.

Конар скрестил руки на груди. Господи, что здесь происходит? Казалось бы, такая простая вещь. Он женился на ребенке, девочке с невинным взором. К тому же еще слишком красивой и своенравной. Дурацкая ситуация. Ему бы вообще не следовало с ней возиться, а надо было пойти посмотреть, начали ли там ремонтировать стены и как расставлены часовые. Вместо этого он стоит здесь и, честно говоря, боится повернуться спиной к этому

нежному созданию, чьи фиолетовые глазки смотрят на него с такой ненавистью.

«И это моя жена, — подумалось ему. — Это же просто смешно». Он не должен спорить здесь с ней, его дело — отдавать приказы, и они должны выполняться немедленно.

— Рагвальд, она невменяема! Она невменяема в свое! ярости! Лучше оставь ее со мной наедине, я научу ее уму-разуму!

— Милорд! Умоляю вас, проявите снисходительность, подумайте, что ей пришлось пережить! Пожалейте ее!

— Мне не нужна его жалость! Пусть он убирается из моего замка! Прочь! Это спальня моего отца! И это мое наследство!

Конар был взбешен. Несмотря на слабое сопротивление Рагвальда, он схватил девочку, приподнял ее над землей так, что ее глаза оказались вровень с его яростным взглядом.

— А теперь — замок — мой! вы поняли меня, графинюшка? Мой. А теперь, астролог, уведи это нежное и деликатное создание отсюда, пока я сам не связал ей руки и ноги и не оттащил в ее личные покои, чтобы она там немного пришла в себя.

Мелисанда, не взирая на свое беспомощное положение, не желала отступить.

— Моя комната — здесь! Это покои моего отца, и они теперь — мои!

Нет, она доведет его! Он уже почти готов действительно связать ее и, заткнув рот кляпом, вышвырнуть отсюда. Однако что-то в ней все же тронуло его. Промелькнувшее в ее глазах выражение боли дало ему понять, что она сейчас сражается собственно не с ним, а со своим горем. Ведь она очень любила отца. И вчера потеряла его. А теперь увидела здесь Конара, занявшего его место. Как бы она ни сердила Конара, он все же уважал ее отчаянную смелость. Это ее безрассудство — просто детская дурость. Особенно то, что она вчера вытворила с Джеральдом.

Конар крепко и со вкусом выругался вслух, не щадя ее невинных ушей. Потом поставил ее на ноги и резко подтолкнул к Рагвальду.

— Все, забирай ее. И я предупреждаю тебя, астролог, вбей в ее башку хоть немного здравомыслия, потому что я уже устал с ней возиться!

Он резко повернулся и вышел из комнаты, все еще раздраженный. Внизу в главном зале собрались важные чины из крепости. Там были Филипп, капитан замковой гвардии и Гастон, бывшая правая рука графа, старый и мудрый главный советник. На столе был разложен подробный план крепости. Конар вновь удивился и порадовался тому, с какой тщательностью были продуманы все детали здешней фортификации. «Она может выдержать любую осаду», — подумал он. Башни расположены так, что никто не сможет подобраться к замку незамеченным, ни с какой стороны. Единственным уязвимым моментом может оказаться крепость стен. Или предательство, подобное тому, что сотворил вчера Джеральд.

— Потрясающий замок! — пробормотал рядом с ним Свен.

Конар поднял взгляд. Филипп с гордостью утвердительно кивнул. Конар отметил про себя, что Филипп производит впечатление надежного и знающего человека, смелого командира. На него и надо оставить крепость, придав ему в помощь кого-нибудь из своих для большего авторитета, но оставив бразды правления в его умелых руках. Гастон тоже явно заслуживает доверия, и к тому же они, конечно, знают этот замок, как свои пять пальцев.

— Свен, — сказал Конар, — изучите внимательно этот план. Обсудите необходимые перестройки с Гастоном и Филиппом и затем доложите мне. Все, что надо здесь сделать, мы должны сделать быстро. Я не могу надолго задерживаться, так как обещал прийти на помощь своему отцу.

Свен кивнул. Бренна присоединилась к мужчинам, и вскоре Конар остался в одиночестве за столом с разложенным на нем планом.

Через несколько секунд он почувствовал, как потянуло сквозняком, и оторвал взгляд от карты. Это была Мелисанда. Она стояла в прихожей главного зала, явно не собираясь приближаться к нему. Он стиснул зубы. Как он не услышал ее шагов по лестнице?

— Я бы ни в коем случае не стала вас отрывать, когда вы любуетесь вашими новыми угодьями, но... — Она помедлила. — Пришел отец Мэтью и спросил, когда можно начать заупокойную мессу по отцу. Я ответила, что сейчас — самое лучшее время. Я иду в часовню.

Он несколько раз сжал и разжал кулаки. Почему так хочется ее придушить?

— Миледи, вы пойдете тогда, когда я разрешу.

— Это похороны моего отца.

— Ваш долг теперь — слушаться меня.

— Вы не имеете права запретить нам совершить христианский обряд.

— Я и не собирался запрещать... — Он оборвал себя на полуслове. Она опять втягивает его в спор. Что за детские игры!

Конар поднялся. Ну что ж, этого она не добьется.

Внезапно он отвесил Мелисанде низкий поклон и вежливо проговорил:

— Вы желаете, графиня, идти на похороны отца? Хорошо, сейчас мы идем.

Он пересек комнату, направляясь к ней. При его приближении она резко отпрянула, но он успел схватить ее за кончик взметнувшейся пряди волос и притянуть к себе.

— Вы так торопитесь? Предупредили ли вы ближайших друзей вашего отца о начале мессы?

— Рагвальд пошел предупредить всех в замке.

— Отлично. В таком случае мы идем.

Он взял ее под руку. Ей явно было неприятно его прикосновение, но на сей раз она не пыталась вырваться и воздержалась от каких-либо разговоров.

В полном молчании они проследовали из южной башни в северную и поднялись на второй этаж, где находилась часовня. В часовне было полно народу. Конар увидел Филиппа и Гастона, стоявших у изголовья тела, прикрытого тонким белым покрывалом. В ногах усопшего стоял на коленях Рагвальд. Мелисанда, освободившись от Конара, присоединилась к старику.

Конар отпустил ее.

Вошел отец Мэтью и начал службу. По-видимому, он был привязан к графу, как и другие находившиеся здесь подданные. По мере того, как он рассказывал о невероятной доброте Мэнона, о его мужестве и воинской доблести, о его мудром управлении, вся церковь наполнилась всхлипываниями и рыданиями прихожан. Даже стойкие и мужественные, много повидавшие на своем веку солдаты гвардии, — и те не могли сдерживать слез. И Конар тоже вновь испытал чувство огромного сожаления по поводу кончины графа, человека, выстроившего эту замечательную крепость, друга дяди.

Совсем немного времени прошло с тех пор, как Конар присутствовал на похоронах деда, знаменитого Ард-Рига Ирландии. Он вспомнил горе и печаль, пережитые тогда его родными, и, вопреки себе, вновь почувствовал, как сердце его открывается навстречу его ребячливой невесте.

Если бы только она прекратила с ним сражаться, возможно, они бы и поладили.

Когда служба закончилась, ближайшие друзья Мэнона подняли тело и понесли его в

последний путь. Фамильная усыпальница находилась в подвале ниже первого этажа башни, глубоко под землей. Двойные двери отделяли ее от всего остального мира. На дворе был день, но темнота склепа озарялась лишь блеском свечей. Здесь, среди родовых гробниц, нашел свое вечное пристанище и граф Мэнон.

Пока длились служба и похороны, Мелисанда держала себя в руках. Если она и плакала, то втихомолку.

И только когда процессия стала удаляться из склепа, она вдруг обратилась к Филиппу.

— Дай мне свечу, я хочу еще побыть с ним, мне не хочется оставлять его одного так быстро.

Конару это не понравилось. Свет свечей еле разгонял темноту вокруг, но Конар мог разглядеть некоторые надгробия. Одно из них выделялось своей формой и находилось совсем рядом с могилой графа. «Его жена» — догадался Конар. Мрачные ряды надгробий, тусклый свет свечей и холодный белый камень стен наводили тоску. Вряд ли стоило оставлять здесь Мелисанду одну.

— Мелисанда, — обратился он к ней. Голос его гулко отразился от стен, и оставшиеся еще в склепе люди обернулись. Она тоже обернулась, будто только сейчас заметив его присутствие.

— Это неразумно, — сказал он.

Филипп поспешно подошел к нему.

— Милорд, позвольте мне присмотреть за ней. Я останусь здесь и пригляжу, чтобы она долго не задерживалась.

Конар помедлил с ответом, потом грустно вздохнул.

— Спасибо, нет. Иди со всеми. Я сам присмотрю за ней.

Филипп кивнул и вслед за отцом Мэтью проследовал к выходу. В усыпальнице остались только Конар и Мелисанда.

Она не стала опускаться на колени, а просто стояла у могилы, опустив голову. Наблюдая за ней, Конар был поражен изяществом и скромным достоинством. Ему не видны были ее глаза, только черные волосы отражали мерцающий огонь свечи.

Прошло не меньше часа. Свеча почти догорела. Наконец Конар подошел к ней.

— Пора идти.

— Он навсегда останется здесь в темноте.

— Если он хотя бы вполовину таков, как о нем сегодня говорили, то его озарит свет Небес.

Она промолчала. Потом сощурила глаза.

— Небес? Или Вальгаллы?

Она стремится уязвить его. Даже здесь. Он не может позволить себе пикироваться с ней в такой момент.

— Возможно, что это одно и то же. Она молчала.

— Идем, — настойчиво повторил он. — Нам пора уходить отсюда.

— Еще только раз помолюсь, — прошептала она, и Конар вдруг заметил, что по ее щекам катятся слезы. Слезы, которые она старательно скрывала.

И вновь он непроизвольно обнял ее, прижав к груди, как накануне в часовне. Она разрыдалась, уткнувшись лицом ему в грудь. Он решительно вывел ее из склепа, плотно закрыв дверь. Здесь был день, лучи солнца падали сквозь прорези бойниц на ступеньки лестницы. Конар поднял ее на руки и присел вместе с ней на ступеньку. Конара охватило

удивительное чувство. Несмотря на все, что было, сейчас, обнимая ее, он испытывал нежность, желание ее оградить, защитить, утешить. Он ласково поглаживал ее по голове, шепча утешение, что все пройдет, будет хорошо, что со временем горе проходит.

— Откуда ты знаешь, что проходит? — всхлипнула она.

— Я потерял одного очень дорогого мне человека. Он был очень похож на твоего отца. Его все любили и уважали.

— Викинга? — прошептала она.

— Нет, — ответил он, усмехаясь про себя. — Это был Ард-Риг, мой дед, великий ирландский король, отец моей матери. Он сумел объединить многих мелких королей Ирландии. Все восхищались его силой и мудростью.

Она молчала, не находя возражений. Потом прошептала:

— Но вы видите смерть каждый день.

— Нет, не каждый. И в действительности... — Он неожиданно замолк, и она взглянула на него с удивлением.

— Что в действительности, викинг? Он вздохнул:

— Моя мать терпеть не может, когда все мы уходим на войну. Она хотела, чтобы ее сыновья обучались только мирным искусствам и наукам — на ирландский манер. Но дед сказал, что часто мир можно отстоять только в бою, и настоял, чтобы все ее сыновья овладели военными искусствами. И когда дед умер, и мой дядя Найалл должен был принять титул Ард-Рига, разразилась война, и мы все были вынуждены драться, чтобы восстановить мир в нашей родной стране. И я думаю, что мудрость моего деда заключалась в том, что он знал, когда надо воевать, а когда — торговать. Он понимал, что, сидя сложа руки, мира не отстоишь.

— Мой отец тоже так считал, — прошептала Мелисанда. — Видите ли, всю его жизнь датчане, или, как они себя кличут, даны, постоянно вторгались на наши земли. Ну и норвежцы, и шведы — тоже! Поэтому он выстроил такую мощную крепость. Чтобы можно было устоять против набегов. А потом его предали!

Тут она вдруг сообразила, что сидит у него на коленях, уткнувшись носом в него, что туника Конара промокла от ее слез.

Она быстро вскочила на ноги.

— Со мной уже все в порядке. Я больше не... не заплачу больше.

Она отступила от него на несколько шагов и в волнении произнесла:

— Спасибо вам за то, что чтите моего отца, но я должна вам сказать, что я не согласна с его выбором, и считаю, что Рагвальд вел себя недопустимо. Так же как и вы, разумеется, но вы викинг, а он христианин и...

— Мелисанда, — процедил он сквозь зубы, — Ирландия — страна, где чтят христиан...

— ...все наши подданные и друзья отца. И я. Ему следовало бы это понимать. Я должна вам сказать, что хотя и благодарна за то, что вы отомстили Джеральду, но прихожу в ярость, когда вспоминаю, что вы вынудили меня вступить в брак. Я считаю вас викингом, то есть таким же, как и все эти викинги, собирающиеся в разбойничьи банды и грабящие побережье, — собственно, и ваш отец, ведь тоже сначала вторгся в Ирландию — и я вам ничего этого не прощаю.

Он был настолько потрясен ее самоуверенностью, что просто сидел и смотрел на нее, широко открыв глаза. Она быстро побежала от него прочь по ступенькам. Он мог бы остановить ее, но решил сейчас не делать этого. Пусть уходит.

— Черт возьми, какого я свалил дурака! — сказал он в пустоту.

Потом поднялся и вышел наверх, на дневной свет.

Когда их господин был убит, народ горевал, но надо было найти в себе силы, чтобы жить дальше, чтобы пережить горе. Дети гонялись во дворе за гусем, повар на кухне готовил еду, по двору распространялись соблазнительные ароматы жареного мяса. Жизнь продолжается для тех, кто выжил.

Он направился обратно к южной башне, намереваясь еще раз подробнее рассмотреть карту крепости.

Однако он задержался по пути, заглядевшись на то, как Мелисанда разговаривает с каким-то мальчиком. Он был не старше шестнадцати, однако, увидев их вместе, Конар ощутил горячую вспышку в груди. Мальчик утешал ее, это было заметно по тому, как он ласково поглаживал ее по голове, тихо говорил что-то, наклонившись к ней.

Мелисанда слушала его, не спуская с него своих неотразимых глаз, все еще мокрых от пролитых слез, но губы ее уже складывались в улыбку, она согласно кивала. По тому, как они разговаривали, было ясно, что они — близкие друзья. Конечно, они оба еще дети.

Возможно, что их отношения совершенно невинны, а возможно, что и не совсем. Он вспомнил предостережения Бренны.

Мелисанда, разговаривая с этим мальчишкой, непроизвольно кокетничала. Мягкий, нежный голосок, все движения были невыразимо соблазнительны.

Конар сжал кулаки и твердо проследовал в южную башню. Придя, он обнаружил на столе обед и сел есть. Вскоре к нему присоединились вернувшиеся Филипп, Свен и Гастон. Он стал их расспрашивать о крепости.

Вошел Рагвальд, немного помедлил, затем сел за стол. Повертев в руках тарелку, он внезапно обратился к Конару, прервав общий разговор.

— Милорд, извините меня, но я очень беспокоюсь. Где Мелисанда? Она еще не ела сегодня.

— Если захочет есть, то придет, — сказал Конар. — Но...

— Я думаю, что она не жаждет присоединиться ко мне за столом. По-моему, Мелисанда вовсе не жаждет присоединиться ко мне и ни в чем другом. Я не вижу, по крайней мере, в ближайшем будущем, как нам можно достигнуть взаимопонимания.

Чуткий слух Конара уловил крадущиеся шаги на лестнице. Ага, значит, она вернулась и тайком поднимается сейчас снизу. Конечно, она постарается проскочить незамеченной мимо главного зала и улизнуть наверх в свои покои или в покои отца, ныне его комнату. Хорошо, надо продолжить этот разговор в нужном направлении.

— Однако, милорд, — сказал Рагвальд, — я так понял, что вы возвращаетесь в Ирландию, укрепив наши позиции здесь. Я бы хотел присматривать за ней, обычно! Именно я этим и занимался...

— Мелисанда отправится в Ирландию немедленно! Там ею займутся. У меня есть прекрасное место для нее.

Он заметил краем глаза, что она застыла на лестничной площадке, прислушиваясь к разговору.

— А что это за место?

— Одна из моих теток — монахиня. Мелисанда побудет с ней, пока мы не вернемся.

Мелисанда громко вскрикнула и, уже не скрываясь, вбежала в зал. Ей хватило ума держаться на безопасном расстоянии от викинга, но сдержать свой язычок она не смогла.

— Вы собираетесь сослать меня в монастырь?

— Да, я считаю, так будет лучше. Мы все здесь согласились на том, что подтверждать брак сейчас рано. В то же время я не рискую оставлять вас одну.

— Я останусь здесь! — упрямо сказала она.

— Увы! Разве вы не слышали? Место, куда вы отправитесь, находится в Ирландии.

Мелисанда не могла успокоиться от возмущения.

— Монастырь! — воскликнула она, затем устремила к Рагвальду. — Ты обещал мне, что, если я выйду замуж, я годами потом не буду общаться с викингом!

А теперь я должна ехать на его родину! Ты это имел в виду? Что я буду в монастыре?

Рагвальд виновато взглянул на Конара.

— Милорд, если бы вы передумали...

— Он не передумает, — мрачно сказала Мелисанда. — Но я все равно туда не поеду! — И с этими словами она вылетела из зала.

Конар угрюмо смотрел на стол прямо перед собой. «Проклятая чертовка!» Он глубоко вздохнул и поднялся.

Он не может проиграть сражение с собственной женой, тем более девчонкой!

Красивой девчонкой с фиолетовыми глазами и с улыбкой, которая предназначена только очень юным представителям мужского пола.

— Она отправится завтра. Рагвальд, ты останешься здесь.

— Но...

— Милый друг, у тебя слишком мягкое сердце. Я уверяю вас всех: моя тетушка — добрейшее и мудрейшее создание, и на нее можно вполне положиться.

Он повернулся и решительно вышел. Всем было ясно, что он идет сообщать о своем решении Мелисанде.

Поднявшись на жилой этаж, он обнаружил, что она действительно забралась в спальню отца и заперлась там на задвижку.

Он простоял перед дверью, потом смачно выругался и попытался ее вышибить.

Дверь немного поддалась, но устояла.

Не было никаких сомнений в том, что все это отлично слышно в главном зале.

Ладно, ничего не поделаешь. Он начал плечом вышибать дверь. Дерево затрещало, внутри вскрикнула Мелисанда.

Еще одно усилие, и он ввалился в комнату. Мелисанда стояла за кроватью, одетая в дорожный плащ. В руках у нее была зажата большая кожаная сумка. Было ясно, что она намеревалась бежать.

Конар покачал головой. Это не девчонка, а просто Божье наказание.

— И куда же вы собрались?

— Прочь! Куда-нибудь! Пока вы не уберетесь отсюда. Тогда я смогу вернуться. Я здесь графиня.

— Вы завтра же отправляетесь в Ирландию.

— Я не...

— Вы поедете.

Он захлопнул выбитую дверь, сел, прислонившись к ней спиной, и удобно заложил руки за голову.

— Что вы делаете?

— Сторожу вас, графиня. До завтрашнего утра. На рассвете я провожу вас или отнесу

вас, по желанию, на корабль, отправляющийся к берегам Ирландии. Вы можете путешествовать сидя в каюте, или вас там привяжут, ну это меня уже не беспокоит. По крайней мере, это будет не моя головная боль.

— Вы не посмеете! Я буду царапаться и кусаться, и биться в руках. Я призову на помощь своих людей.

— Увидим.

Она должна, наконец, согласиться с неизбежным. Подчиниться.

Но она не подчинялась. Прошли часы, прежде чем она рассталась с дорожной сумкой и присела, привалившись к стене.

Ночью она пыталась прокрасться к двери. Но Конар был неодолимым препятствием на ее пути. Спал он чутко.

— И не думай! — сказал он, внезапно открывая глаза. Она ретировалась обратно к стене.

— Я молюсь, чтобы вы умерли медленной мучительной смертью, — сообщила она ему.

— Ну что ж, возможно, хотя и сомнительно. Я слишком искусный боец.

— Любого мужчину можно убить.

— Это-то верно, вот если бы еще любую девицу можно было заставить замолчать!

— Вы заплатите за это!

— Графиня, я уже расплачиваюсь и очень дорого.

— Ну, так передумайте!

— Нет. Господи, когда же, наконец, будет этот чертов рассвет!

— Я не поеду.

— Добровольно или силой, но вы поедете.

Много-много позднее, когда солнце уже стояло высоко над горизонтом, довольный Конар провожал взглядом четыре корабля, силуэты которых расплывались вдали в голубовато-розовой дымке.

Он улыбнулся и покачал головой.

«Господи Боже, просто железная девчонка!»

Мелисанда действительно отплыла.

Интересно, сняли с нее эту полотняную рубашку, в которую, как в мешок, ему пришлось замотать ее, чтобы оттащить на корабль.

Ей так нравится называть его викингом! И вот по иронии судьбы он использует своих христианских родственников, чтобы усмирить ее!

Конар громко рассмеялся, однако смех его оборвался, когда он вспомнил, какими глазами она смотрела на этого мальчишку. Юнец! Волна горячей дрожи прошла по его телу, когда он вдруг представил себе ясно, как наяву, свою встречу с ней, когда она немного подрастет.

Что будет тогда в этих диких фиолетовых глазах?

Лето 884, от Р.Х.

Окрестности Вессекса

— Берег! — закричал Бриан.

Конар стоял на корме, подставив лицо свежему попутному ветру. Он оглянулся на брата, зеленоглазого брюнета, совсем внешне не похожего на него, и увидел, что они действительно приближаются к берегу.

Это была Англия, страна Альфреда Вессекского, ныне уже легендарного короля. Здесь были расположены владения, принадлежащие его брату Эрику, которые он получил от английского короля за помощь в войне против датчан.

Рассматривая побережье, Конар почувствовал, что в нем вновь вскипает раздражение. После всех этих лет она все еще умудрялась выводить его из себя.

Когда Конар отправил ее много лет назад из крепости к своим родным, он считал, что на этом их пути разошлись. Он и вообразить себе не мог, что затем последует.

И, уж конечно, он не предполагал, что Мелисанда сумеет заставить его семью плясать под свою дудку!

Он вернулся тогда в Ирландию довольно скоро, будучи совершенно уверен в том, что уж такая женщина, как Беда, человек, глубоко верующий и притом решительный и обладающий неиссякаемым запасом энергии, сможет взять Мелисанду в оборот.

И что же он узнал, когда прибыл в родной Дублин? Что Мелисанда просто очаровала всех его домочадцев, а на Беду произвела такое неизгладимое впечатление, что в восторге от любознательности юной леди, она решила взять ее с собой в паломничество по святым местам, находящимся неподалеку. Они отправились в сопровождении Конана и Мери под охраной отборных воинов местной дружины. Так что о ней можно не беспокоить.

— Беда в восторге от девочки, — уверила Конана мать. — Такая светлая головка!

«И такая вредная», — думал про себя Конар. Но он не стал прежде времени разочаровывать мать. Она выглядела такой довольной. Он уселся за стол, украшенный изящной резьбой, в теплой и уютной гостиной. Эрин обняла его за шею.

— Я так рада, так рада, но и опечалена тоже. Расскажи, что там за земли. Она так скучает по дому! Наверное, там чудесное место?

Ну что же, он может испытывать облегчение, что Мелисанда находится в любящих и заботливых руках, — слава Богу, что не в его.

Хотя семейство его уже было в курсе всех происшедших событий, тем не менее, ему пришлось просидеть до поздней ночи с отцом, заново подробно рассказывая и о тех краях, и о битве, и о крепости.

— Я распорядился укрепить кое-где стены и починить башни, кроме того, оставил там для укрепления гарнизона необходимое количество воинов. Отец ее, Мэнон, хорошо разбирался в фортификации, крепость выстроена на славу.

— И опасно только предательство, — заметил Лейв, подливая Конару в бокал дорогого вина, доставленного из погреба по этому случаю.

— Человек, который предал его, мертв.

— Это я понял. Но у него остался сын. Будь осторожен, ты приобрел себе кровного врага на долгие годы.

— Возможно.

Конар помолчал немного, потом добавил:

— Собственно, потому я и отправил ее сюда. Поскольку я не собирался там задерживаться, я должен был плыть, как я обещал, на помощь дяде Найаллу, я не мог оставить девочку там одну.

Отец наклонился к нему.

— Правильно, и никогда не оставляй ее, — предупредил он.

— Она не доставила вам здесь много хлопот?

— Хлопот? — Отец, улыбаясь, откинулся на спинку кресла. — Да она просто ангел!

— Мелисанда?!

— Ее здесь все обожают, прямо сердце тает.

— Отец, пока твое сердце не растаяло совсем, я хочу предупредить тебя, что она презирает и ненавидит викингов в любом виде, роде и качестве. И даже таких наполовину викингов, как я.

Олаф незаметно улыбнулся.

— Конар, твоя мать тоже терпеть не могла викингов, и, тем не менее, мы прожили с ней долгие счастливые годы, и корабли, которые отплывают из нашей гавани, построены на викингский манер, а не на ирландский. — Олаф помолчал и продолжил: — Было очень мудро с твоей стороны послать ее сюда. Она настоящая драгоценность. Хотя я предполагаю, что по христианским законам брак между кузиной и кузеном не разрешается, а Джеральд этот, как я понял, приходится ей родственником, все равно лучше держать ее от них подальше, ни в коем случае не отпускать от себя.

— Или поместить в надежное место. Олаф на минуту задумался:

— Я не уверен, что ты понимаешь, какое сокровище ты приобрел.

— Я понимаю, — сказал Конар. — Она на редкость умное создание. Она уже сумела окрутить всех здесь.

— Хотя, возможно, она сейчас тебя раздражает, она — потрясающая девушка, Конар. Это величайший подарок, какой ты мог только получить в жизни.

Олаф вдруг поднялся и расставил на столе чаши и бокалы, обозначая ими области и города.

— Твои земли — Ирландия, Вессекс. Вот здесь Гент, Брогге, датские порты. Теперь оглянемся назад в историю. Посмотрим, что здесь творилось. Со времен смерти Карла Великого во франкских землях не было никого, кто мог бы стать настоящим лидером и объединить страну. После смерти Луи владения были поделены между его сыновьями. И это открыло путь набегам датчан. Должен тебе признаться, сын, что эти викинги были в основном наемниками, они сражались за того, кто им платил. Тогда и образовались огромные орды, которые грабили любые земли. Сейчас, когда Альфред сумел удержать английское побережье, они перекинулись на франкское. Земли Мелисанды находятся сейчас под угрозой нападения. И она сама — даже независимо от приданого — является лакомым куском для любого. Так что береги ее и не спускай с нее глаз.

— Ладно, но вы-то зачем ее отпустили тогда в паломничество?

— Но я не думал, что здесь могут быть какие-то возражения с твоей стороны.

Конар поднял руки.

— Нет, нет никаких возражений.

Конечно, у него их не могло быть. Он только радовался, что сбавил ее с рук.

И все же это его беспокоило. Не то чтобы он стремился с ней увидеться, но, однако...

У отца не было нужды предупреждать его о том, что? за ней надо следить. Он и так это понимал. Самое лучшее, если бы она была у него под надзором, но на Беду он вполне может полагаться.

Дома было хорошо, но все же он нервничал, что она путешествует по окрестностям без него. Потому что после смерти деда здесь, дома, было беспокойно. Обстановка накалялась. И в самом деле, не прошло и двух недель с момента, как он приехал, как они получили призыв следовать на помощь их дяде Найаллу.

Захватчики напали на Ольстер. Против них объединились почти все ирландские роды. Кампания затянулась, хотя потери были невелики. Они умели сплотиться перед натиском захватчиков. Многие враги отца сражались в этой кампании бок о бок с ним и с дядей Олафом. Все знали, что союз Олафа Белого и короля Ирландии, наследника титула Ард-Рига, Найлла, был надежен и крепок. Это была хорошая кампания, очень успешная, но она, казалось, растянулась до бесконечности. Отец временами наезжал домой, но Конар пребывал постоянно на местах сражений, чувствуя, что ему надо оставаться с дядей до самого конца. События на франкском берегу, казалось, ушли куда-то в прошлое. Конечно, он приобрел отличные владения, но до реального подтверждения еще далеко. Так что и не о чем пока беспокоиться. Крепость в хороших руках — он регулярно получал отчеты от Филиппа, адресованные в Дублин и пересылаемые ему сюда.

Мелисанда тоже в хороших руках.

Он почти не думал о ней.

Когда он вернулся, наконец, в Дублин, прошло уже два года с тех пор, как они поженились. Он был совершенно потрясен.

Она находилась вместе с его матерью в гостиной и держалась так спокойно и достойно, что он в первый момент даже и не подумал, что это она.

Но когда его взгляд остановился на ней, он был необычайно удивлен, как он мог сразу не обратить на нее внимания.

За эти годы она совершенно переменилась. Из угловатой девчонки она превратилась в потрясающей красоты девушку. Все, что ему предрекали относительно нее, оказалось правдой. Она была невероятно красива. Изумительный цвет кожи, тело — совершенное по форме. И глаза, конечно, незабываемые глаза!

Они горели потаенным глубинным пламенем. Нет, она его не забыла.

Его позабавила ее внешне легкая и непринужденная манера, с которой она его встретила. Спокойно позволила поцеловать себя в обе щеки, вежливо спросила о его здоровье. Однако она старалась как можно меньше сталкиваться с ним. Поэтому он был удивлен, что когда он распорядился приготовить ему ванну в комнате, то прислуживать ему пришла она.

— Я здесь уже два года, — сообщила она ему.

Усталый, он откинулся на деревянную спинку лохани, которую принесли слуги в его покой. Интересно, на что она намекает?

— Да, действительно, — согласился он.

— Я приехала сюда, как вы приказали...

— Ты приехала сюда, потому что не могла вырваться.

— Однако я оказалась блестящей ученицей и очень желанной гостьей, как вы можете узнать у ваших отца с матерью.

— У моего отца-викинга? — насмешливо спросил он. Почувствовав, что она

приближается к корыту, и, беспокоясь о своей безопасности, Конар быстро спросил:

— Ну и что вы хотите от меня?

— Я хочу домой.

Он закрыл глаза и опять откинулся на спину в воду. Вот оно что! Ему послышалось, что она подходит ближе. Но как же он был потрясен, когда она намылила! мочалку мылом и начала тереть ему плечи! Ее прикосновения были мягкими и нежными. Прямо волшебство!

— Я прекрасно понимаю, что у вас есть обязанности, которые удерживают здесь, но мне необходимо вернуться домой.

— Подбородок, — сказал он.

— Что?

— Чуть повыше, потрите здесь.

Он с удовольствием ощутил ее мягкие пальцы на подбородке. Где она этому научилась? А, неважно.

Неважно, где она этому научилась, но это божественно!

Он понял теперь, в чем заключались перемены, произошедшие с ней. Она теперь стала мягкой, женственной и нежной. Ее прикосновения чертовски волновали кровь!

Он уставился в воду, стиснув зубы и пытаясь справиться с тем новым чувством, которое она в нем вызвала. С напряжением внутри себя, с очень специфическим напряжением, которое он чувствовал до боли ясно.

Он чуть не застонал вслух, все еще не в силах поверить, что это правда. «О Боже, — вдруг пришло ему в голову, — да многие мужчины сочли бы ее уже слишком в возрасте!»

Не сейчас! Не сейчас, нет! Зачем ему сейчас подтверждать свой брак? Тогда ему придется менять свой образ жизни. А у него здесь неподалеку в поместье есть милая блондиночка Бриджит, непритязательная и ничего от него не требующая. Нет, пожалуй, не стоит пока что ничего менять.

Но эти нежные пальчики, которые трудятся, растирая его уставшее тело, разжигают в его внутренностях пылающий огонь. И тут новая мысль посетила его: он может взять ее прямо сейчас, он имеет право. Ведь она уже определенно созрела.

— Итак?

— Итак, что?

— Могу я уехать домой? Я уверена, что кто-нибудь из ваших родственников согласится меня...

— Нет! — резко ответил он.

Он уже знает теперь, какой мягкой и нежной она может быть, и у него нет никакого желания отпускать ее, отпускать от себя.

— Что? — Она внезапно остановилась.

— Я сказал — нет, Мелисанда.

— Я должна уехать домой.

— Нет!

— Вы кажется, не понимаете, глупый викинг! Ведь я все выполняла здесь, я вела себя послушно, я выучила ваш язык...

— Я сказал, нет, и если вы не собираетесь дальше тереть мне спину, то можете удалиться.

Она не тронулась с места, глаза ее загорелись знакомым ему диким огнем.

Он вопросительно приподнял бровь.

— Или, может быть, вы хотите присоединиться ко мне? До сих пор я старательно сдерживался, чтобы не повредить вашей, хм, невинности. Однако если вы столь настойчиво намерены мне надоедать, то я могу счесть это за призыв приступить в полной мере к своим обязанностям супруга.

Она вспыхнула, щеки ее стали пунцовыми. На мгновение Конару показалось, что ему наконец-то удалось осадить ее. Она повернулась и молча взяла кувшин с подогретой на огне водой, которую подбавляла в лохань.

— Ах, супружеские обязанности! — прошипела она.

До Конара слишком поздно дошло, что она собирается сделать, и он успел только в последний момент выпрыгнуть из корыта из-под струи кипящей воды, вылитой на него из кувшина.

Она пыталась удрать, но он схватил ее за волосы и притянул к себе. Это оказалось немалым испытанием для них обоих.

Увидев его обнаженным, стоящим грозно над ней, она; от испуга выронила кувшин. Конар же в этот момент разглядел под обтягивающей сорочкой ее нежные девические груди.

Задыхаясь от ярости, он произнес:

— Послушай, ты не бедная сиротка, какой была два года назад! И если ты еще раз попробуешь мне отомстить, я предупреждаю тебя, я это сделаю! И не надейся сбежать — достану из-под земли!

— Пожалуйста, — выдохнула она, — отпустите меня!

Глаза ее расширились от страха, черные волосы разметались по плечам.

Он отпустил ее тогда.

Но это было только начало.

В следующие недели они почти не общались наедине. Мелисанда старательно избегала его общества. Он видел ее только за общим столом во время трапезы. Здесь она вела себя безукоризненно вежливо, даже отвечала на его вопросы. Была тем ангелом, который всем так нравился. О, она была действительно умна. Когда она приехала, то почти совсем не знала ирландского, но теперь могла говорить почти свободно, Кроме того, научилась норвежскому.

Дома все ее любили. Элизабет, Конан и Меган были уже семейными людьми и лишь иногда навещали отцовский дом со всеми своими малолетними детьми. Эрик жил в основном в Англии, но тоже навещал семью. Самая младшая сестра, Дариа, была дома постоянно. Бриан и Брайс, братья Конара, были на два и на четыре года соответственно его моложе, и их всегда можно было застать за жарким спором по любому поводу. Все братья, как и Конар, участвовали в военной кампании дяди. А мать, казалось бы, давно должна была привыкнуть к такому положению вещей, но до сих пор бледнела при известиях о предстоящих военных походах.

Мелисанда почти что сдружилась с младшими братьями, Брианом и Брайсом, и ее часто можно было увидеть в их обществе, довольную и смеющуюся. Как-то раз, когда Конар наблюдал за ней во время ее разговора с братьями, он поймал на себе взгляд отца. Да, отец был прав — она была красива невероятно. Действительно драгоценный подарок судьбы.

Вскоре пришли тревожные вести с того берега пролива. Свен писал, что наблюдается большое оживление по соседству, и он беспокоится, не перейдет ли Жоффрей в ближайшем времени к военным действиям.

Конар решил не говорить об этом Мелисанде, но он не учел, что с той же почтой

пришло длинное письмо от Рагвальда. И она, конечно, потребовала взять ее с собой. И он, конечно, отказал. Он не мог взять ее именно по причине того, что опасался за нее. Но ему даже не удалось объяснить ей что-нибудь, потому что она попросту отказалась его слушать.

Тогда-то она чуть не выкинула свой очередной трюк. Конар поймал ее случайно. Дело в том, что он возвращался от Бриджит очень поздно, и ему не хотелось будить никого в доме, потому что он проскользнул в дом тихо и незаметно. И что он увидел?

Мелисанда столь же тихо, крадучись, спускалась по ступенькам. На ней был, естественно, дорожный плащ, в руках — большая кожаная сумка. Девчонка опять собиралась удрать. Конар дал ей спуститься и, когда она подошла к гостиной, затаился за дверью.

Мелисанда сделала шаг к двери и — уперлась в грудь любимого супруга. Она бы закричала от испуга, если бы Конар предусмотрительно не зажал ей рот рукой.

— И куда же вы направляетесь, графиня? — язвительно, но шепотом спросил он, чтобы не перебудить домашних.

— На прогулку под луной, — с вызовом ответила она. — И дайте мне пройти!

Он молча подхватил ее на руки. Она собиралась закричать, но он опять зажал ей крепко рот и понес наверх в спальню.

Плотно прикрыв за собой дверь, он вновь обратился к ней с вопросом:

— Так куда же вы направлялись?

— На прогулку, — упрямо повторила она.

— Очевидно, на корабле? — высказал он свое предположение.

Она прищурилась:

— А может быть, я следила за вами, когда вы вернетесь от своей шлюхи!

Он удивленно приподнял бровь. Она попятилась от него, как будто вдруг сама испугалась того, что сказала.

— Не думаю, чтобы тебя так уж интересовали мои ночные похождения, скорее, ты следила за мной, чтобы улучшить момент и выбраться незаметно из дому, — с угрозой произнес он.

— Да я просто хочу домой! — ответила она, попятившись.

Злость вдруг отпустила его. Он устало стал расстегивать пряжку плаща, снял его и повесил на спинку кровати.

— Мелисанда, сейчас это невозможно.

— Посмотрим, — прошипела она.

Она стояла перед ним, сжав кулаки. Ого, да она опять полна решимости выполнить то, что задумала. Если ее сейчас выпустить из комнаты, то она сбежит. «Похоже, мне опять предстоит бессонная ночь», — подумал Конар.

Он наклонился над ней и стал расстегивать ее плащ. Она побледнела.

— Что вы делаете? — испуганно спросила она.

Он молча снял с нее плащ, поднял ее на руки и положил на кровать.

— Я просто не понимал до сегодняшнего дня, что вы огорчены моими ночными похождениями. Возможно, мне надо исправиться. Наверное, уже пора...

— Нет! — судорожно вскрикнула она. В голосе ее слышался непритворный ужас. — Я не уйду, — прошептала она. — Я останусь здесь.

— Конечно, — ответил он и устроился на кровати рядом с ней. Обняв ее рукой, он крепко прижал ее к себе.

Она молчала, боясь пошелохнуться. Казалось, прошла целая вечность, пока она решилась спросить:

— Если бы вы только разрешили вернуться мне в комнату...

— Я решил, что ты будешь спать здесь, Мелисанда. И, пожалуйста, без всяких дальнейших разговоров, или я действительно сочту тебя уже вполне взрослой для выполнения супружеских обязанностей.

Она подчинилась сразу и полностью.

За всю ночь она ни разу не шелохнулась.

Странно, но Конар тоже не мог заснуть. Ее волосы щекотали его кожу. Сквозь одежду он чувствовал ее теплое, мягкое, волнующее тело. Он едва дождался рассвета.

Оставив Мелисанду на попечение отца и братьев, Конар отплыл в их крепость. В замке его шумно приветствовали Свен, Бренна, Филипп, Гастон и Рагвальд. Старик был грустен, но он понимал, что действительно Мелисанду не стоило тащить сюда при таких обстоятельствах.

Свен рассказал Конару о посещении графа Одо. Граф приобрел большое влияние у них в округе, он хочет организовать сопротивление против данов. Единственное, что насторожило Свена, это то, что Одо настаивает на примирении Конара с Жоффреем, сыном Джеральда.

— Я объяснил ему, — сказал Свен, — что Джеральд убил графа Мэнона. Однако Одо настаивал на встрече с вами.

— Хорошо, пошли ему сообщение, что я сейчас здесь.

— Милорд, я взял на себя смелость сообщить ему, что вы будете в крепости уже на этой неделе.

Конар одобрительно кивнул. Он сказал всем, что устал с дороги и деловые разговоры хотел бы отложить на завтра.

Конар поднялся в спальню. Однако и в эту ночь с трудом удалось заснуть. Сначала он без конца ворочался с боку на бок, вспоминая Мелисанду. Потом, решительно запретив себе думать о ней, он переключился на дела. В голову полезли тревожные мысли о Жоффрее и о том, чего добивается от него граф Одо. Заснул Конар только под утро.

Следующий день принес ему облегчение. Он страшно соскучился по Бренне и Свену и теперь радовался обществу. Дела в крепости шли хорошо. Филипп и Гастон относились к нему с явным уважением.

В течение месяца длилась его переписка с Одо. Наконец граф посетил его. Он сразу понравился Конару. Будучи на десять лет старше, он производил впечатление человека дела. Мудрый и дальновидный политик, смелый и решительный воин.

Обсудив ситуацию в Англии, где Альфреду удалось сплотить силы и дать отпор датчанам, они перешли к делам, насущно касавшимся их интересов. Одо настаивал на том, что для объединения сил надо забыть о личных распрях. Конар, отвечая на косвенно заданный вопрос, постарался ясно выразить свое мнение.

— В данный момент я не могу заключить мир с Жоффреем. Возможно, что он сам здесь ни при чем и будет сражаться за ваше дело, граф. Но я не могу ему доверять, ведь его отец именно хитростью и предательством убрал Мэнона. Возможно, что со временем...

Одо кивнул, соглашаясь.

— Мне кажется, есть хорошая возможность облегчить ваши взаимоотношения с Жоффреем.

Конар удивленно приподнял брови, внимательно слушая.

— Вы же знаете, что в вашей ситуации, когда брак еще не подтвержден, а вы долгое время находились в отлучке, можно объявить церемонию возобновления брака. Я приглашу вас погостить в мой городской дом в Руане. Обряд проведем торжественно в главном храме. На церемонию соберется много народу. Будет весь цвет рыцарства. Приедут дворяне со всего здешнего края. Это удобный случай для возобновления добрососедских отношений и с Жоффреем, и с другими окрестными владельцами.

— Да, наверное, это можно устроить, — согласился Конар. — Я обдумаю ваше предложение.

— Не оттягивайте. Это и в ваших интересах.

Конар понимающе кивнул. Когда Одо ушел, все собрались в главном зале — и Бренна, и Свен, и Филипп с Гастоном.

Конар обратился к вошедшему вслед за ними Рагвальду:

— Ну, что, астролог, что ты думаешь о графе Одо?

Рагвальд переглянулся с Брэнной.

— Я считаю, ему можно доверять. Бренна того же мнения.

— Ну, что ж, хорошо, тогда я, наверное, пошлю кого-нибудь за Мелисандой, — сказал Конар.

Сначала он хотел написать письмо отцу, чтобы ее прислали сюда, но, по некоторому раздумью, решил поехать за ней сам. Он написал ей, предупреждая о своем приезде, но не сообщая о дальнейших планах.

Когда Конар прибыл на ирландский берег, то с изумлением обнаружил, что его никто не встречает. Это было крайне странно, учитывая их законы гостеприимства. Ему самому пришлось добираться до дома, где его встретила не менее чем он сам, удивленная Эрин.

— Но почему ты не сообщил о своем приезде?

— Я писал Мелисанде, что скоро буду, — мрачно ответил Конар.

— Не может быть! Как же так? — огорченно всплеснула руками мать. — А мы отпустили ее в Англию навестить Эрика.

— В Англию?

— Ну да, она так хорошо себя вела, а Дариа и Брайс собирались навестить брата, ну, мы и решили, что не будет ничего плохого, если и она отправится с ними. Они там будут под надежной защитой Эрика.

— Да, на Эрика можно положиться.

— Может быть, послать кого-нибудь за ней? — спросила Эрин.

— Нет, я сам поеду, — решительно отверг ее предложение сын. — Важное дело, я должен сам с ней встретиться.

Он повернулся к выходу.

— Конар! — окликнула его мать. — Мне кажется, что ты обманываешь сам себя, все еще считая ее девочкой. Она не девочка, она взрослая женщина, уверяю тебя!

— Угу, мама, — пробурчал Конар и вышел.

Девчонка! Или женщина, как сказала мать. Но ведь ничего не изменилось. Она по-прежнему бежит от него.

И вот теперь они с Брианом подплывают к берегам Англии.

— Спустить паруса! — отдал приказ Конар.

На берегу их ждала толпа родственников. Сам Эрик, высокий, светловолосый гигант. Рядом Рианнон, его жена, она выглядит на его фоне совсем малышкой. А вон Брайс радостно

машет им рукой. Даже Дариа, домоседка, вышла их встречать на берег. Ну и, конечно, целая орава детишек с воплями несутся, глаза на приближающийся корабль.

Нет, только Мелисанды.

В душе его закипал гнев. Где же, во имя всех святых, эта проклятая маленькая ведьма!

Но она не уйдет от него. Он достанет ее на краю света!

И тогда она получит сполна.

Мелисанда вздрогнула. Она сидела на берегу ручья, пряча босые ноги от полуденного зноя в прохладной воде ручья.

Рядом с ней сидел Грегори из Мерсии, дальний родственник Альфреда Английского. Он, как и Мелисанда, гостил сейчас у Эрика. Грегори был старше ее всего на один год; ей нравился этот веселый молодой человек с огненно-рыжими волосами.

С тех пор как она приехала, они все время проводили друг с другом: охотились, ездили верхом, а то и просто болтали. Сегодня у них выдался свободный день, и они решили провести его в тихом уединении и спокойном мирке у ручья. Дорога прошла в молчании. Звенящая тишина располагала к раздумьям. Вначале ее мысли лениво скользили по разным мелочам, не останавливаясь ни на чем конкретно. Но ход ее мыслей неожиданно прервал сидящий у ручья Мергвин, старый маг и прорицатель:

— Он пришел, ты знаешь?!

Она подумала, что Конар, вместо того чтобы ехать сюда, вполне мог бы поехать домой в Дублин. Им с Конаром всегда на пользу быть вдали друг от друга.

Хорошо бы он действительно поехал в Дублин, к родителям. Этот год начинался для Мелисанды пока что очень даже неплохо!

У ручья все дела и проблемы отступали на задний план. Она полюбила этот вольный поток в первого раза, с первого взгляда...

Это местечко находилось довольно далеко от замка, и она неоднократно задумывалась, стоит ли брать с собой Грегори. «Но, — решила она, — в конце концов, он дворянин, да и вообще очень достойный молодой человек».

А вот Эрика, брата Конара, угораздило родиться безумно похожим на Повелителя Волков. Первое время Мелисанда никак не могла привыкнуть к этому сходству и при виде его постоянно вздрагивала. Но все же, несмотря на то, что Эрик был отпрыском Норвежского Волка, как и Конар, у него характер был гораздо мягче и мирнее, чем у братьев и отца.

Когда она приехала сюда, Эрик только спросил, почему она решила пожить здесь, если ее любезный муж остался во Франции. Мелисанда отговорила тем, что Дариа очень просила поехать с ней сюда, да и Брайс говорил ей, что здесь ее примут с распростертыми объятиями. Она, конечно, и сама была очень рада оказаться у Эрика, о чем она также не замедлила ему сообщить.

Олаф был не против ее путешествия, но поставил непременным условием, чтобы ее сопровождал зять с надежной охраной.

Несомненно, он предвидел опасности этой дороги, которым втайне радовалась Мелисанда.

При всем сходстве братьев чем-то они, конечно, различались. Эрик был немного моложе Конара, и, кажется, глаза у него были чуть-чуть светлее, с оттенком холодной голубизны. И все же они были похожи — жестами, походкой, любимыми выражениями. Мелисанде даже однажды пришло в голову, что и своего отца, Олафа Норвежского, они должны любить одинаково.

Мелисанда не собиралась сообщать Конару о том, что перспектива провести полжизни в доме его отца ее вовсе не прельщала. Несмотря на хорошее к ней отношение, и что она

ценила ум и справедливость короля Дублина, ее поражал его двор — эта пестрая смесь норвежских и ирландских обычаев; она не могла себе позволить и мысли о побеге. Мелисанда находилась под неусыпным бдящим оком Олафа.

Олаф не однажды затевал с ней разговор, чем чревато было бы ее похищение. Но его душеспасительные беседы вызывали у нее лишь легкую улыбку.

— Опасность? Похищение? Но ведь там моя родина, моя страна, я забочусь о своих подданных и, кстати, люблю их, да и они отвечают мне тем же. Единственный мой тюремщик — Конар.

— Да не тюремщик он тебе, — увещевал ее король. — С чего ты взяла? Ты же прекрасно знаешь, как обстоят дела. И ты уже очень скоро вернешься домой. А потом, — мягко добавил он, — у тебя будут сыновья, которые поддержат тебя на старости лет.

Тут Мелисанда побледнела. Она просто не могла себе представить, что у них с Конаром когда-нибудь будут дети. Закрыв глаза, она увидела пылающий взгляд Конара. И перед ней пронеслись жуткие сцены: вот он наваливается на нее, большой и страшный; медленные и тоскливые ночные часы, когда все уже закончилось, а на душе — мерзкая пустота.

Он хочет вернуться во Францию без нее, на том же корабле.

Зачем она ему, если с ним рядом постоянно находится Бренна, всегда готовая услужить? Зачем?

Он держал Мелисанду в ежовых рукавицах, и ей приходилось постоянно отвоевывать у него хоть немножко свободы. И самая сокровенная мечта Мелисанды часто снилась ей, особенно в последнее время: она сходилась с ним в бою и сияющим мечом крушила все вокруг; и конец был неизменен — он на коленях молил ее о пощаде.

Зато в отношении Грегори у нее были весьма конкретные планы. Она, конечно, даст ему шанс остаться с ней, но только в том случае, если он поможет ей освободиться от этих чертовых брачных уз.

Были у нее и такие мечты: они с Грегори счастливо возвращаются к ней и живут там долго и в свое удовольствие, верша разумный суд над людьми и страной и следуя во всех своих делах и поступках бессмертным заветам ее отца.

С тех пор, как семья Конара стала о ней постоянно заботиться, заключив ее тем самым в незримую тюрьму, что бы там Олаф ни говорил, она все же жила в этой тюрьме птичкой в позолоченной клетке. И он прекрасно понимал, что она не может сейчас уехать во Францию прямо с королевского двора в Дублине.

Пока Конар не вернулся, она вполне может самостоятельно управиться со своими делами. Несомненно, что этим ей бы и стоило заняться.

Прелестная Рианнон, жена Эрика, оказалась очень доброй и гостеприимной. В ней одновременно удивительным образом уживались отзывчивая душа и меткий язычок.

Даже слишком меткий, особенно когда это касалось Конара. Это Мелисанде не нравилось. Впрочем, вскоре Рианнон заметила недовольство своей гостью и потом старалась по мере сил обуздывать неумное чувство юмора.

С тех пор, как Мелисанда оказалась здесь, она часто вспоминала о старом замке во Франции и о его обитателях. О милой Мари де Тресси и Рагвальде — вот уж никогда бы не подумала, что будет скучать по надоедливому старику. Тогда она была глупой маленькой девочкой.

Мелисанда выглянула в окошко — во дворе носились Элин и Гарт — дети Эрика и Рианнон. И Мелисанде стало немножко завидно — эти дети, они такие счастливые и

веселые... Ей бы такое детство. Ей бы такое сегодня... вместо этой тягостной реальности с Конаром, королем Олафом и всем, что с ними связано...

Впрочем, нет, не всем.

Она восхищалась Мергвином. Он был самым старым и, наверное, самым мудрым из всех мужчин, которых она встречала. Его почтенный возраст делал его для нее только более привлекательным и загадочным. Друид внешне выглядел очень экзотично — длинный и тощий, в легком, вечно развевающемся на ветру плаще, с буйной копной седых волос и бородой, низвергающейся к коленям серебристым водопадом. А глаза у него были древние, серебристо-зеленые, как старый мох на прибрежных скалах.

Да, так все и было.

Кажется, именно так. С неиссякаемым пессимизмом он предрекал ей разные печальные случайности и опасности, подстерегающие ее, по его словам, на каждом шагу. Часто бывало, что он ворчал на нее просто так, без всякого повода. Но так же часто и подолгу он рассказывал ей об Эйре и Англии, истории и религии. О прошлом страны и о ее будущем. Кроме того, чем-то он напоминал ей Рагвальда, и эта призрачная ниточка к дому уже грела ей сердце.

Иногда она заставляла его читающим что-либо в гордом одиночестве (хотя такое случалось достаточно редко), и тогда у них, бывало, завязывалась беседа на интеллектуальные темы.

Но теперь ей совсем не хотелось бы посвящать старика в перипетии их отношений с Конаром.

— Я повторяю, миледи. — В голосе Мергвина прорезались строгие нотки, борода его начала немного нервически подергиваться. — Он здесь.

Грегори застыл в неподвижности, медленно переводя взгляд с друида на Мелисанду и обратно. Наконец он вытащил ноги из ручья и, вежливо улыбнувшись, переспросил, глядя на Мелисанду честными глазами:

— Кто здесь?

— Конар Мак-Олаф, — сухо ответил Мергвин вместо Мелисанды.

Потом старик поклонился Грегори.

— Это муж леди, — осторожно пояснил он недоумевающему молодому человеку.

— По правде говоря, Мергвин, это не муж, а деспотичный тиран, — с растущим раздражением отмахнулась она от такого объяснения.

— Так это брат милорда Эрика?! — полувопросительно пробормотал Грегори.

Мелисанда печально вздохнула, — ей безумно хотелось как-нибудь встряхнуть молодого человека, чтобы он перестал робеть и стесняться.

— Это вовсе не повод пугаться и бежать неизвестно куда, — сказала она, кинув предостерегающий взгляд на Мергвина.

— Да, совершенно верно, — подтвердил друид, улыбнувшись Грегори. — После всего, что произошло за последнее время, миледи Мелисанду довольно тяжело испугать.

— Предельно тяжело, — прошипела леди сквозь стиснутые зубы. «Нет, — сказала она себе, — я не чувствую страха. Только разочарование, и еще — злость на этого придурка. Он все же, вероятно, решил послать меня домой, иначе, зачем бы он стал приезжать сюда?»

И угораздило же его приехать именно тогда, когда она только начала распробовать хмельной вкус свободы!

Что ж, она нарожает ему кучу детей, а потом проведет всю жизнь вместе с этим

тираном?! После всех тех обид и унижений, выпавших на ее долю по вине Конара, она готова была проклясть Повелителя Волков прямо здесь, у тихого, ни в чем не повинного ручейка.

— Так, может быть, вы все же отправитесь домой, миледи? — обеспокоенно спросил Мергвин. — Сдается мне, его корабли уже у пристани. А если ваш лорд-муж не найдет вас на месте... Мне кажется, вам лучше было бы поспешить встретить его там.

— Я не собираюсь спешить, куда бы то ни было! — немного резко ответила Мелисанда.

Грегори схоронился в сторонке, под деревьями, и взирал оттуда на Мелисанду со смесью бьющей через край нежности и глубочайшего интереса.

— Возможно... — начал было он.

— Нет! Невозможно! — Она почти кричала. — Мергвин, если ты хочешь, то можешь вернуться в замок и встретить многоуважаемого лорда. Можешь даже передать ему мой привет! Я...

И тут она прикусила язычок. Ледяной холод пробежал по ее спине: она вспомнила, что поехала на прогулку под фальшивым предлогом, а Конар, понятно, первым делом захочет узнать, где она... и с кем, ибо Конар приехал именно за ней.

Ну, что же, может быть, если он отпустит ее домой, куда она столь безнадежно стремится последние годы, у него появится возможность вновь завоевать ее благосклонность, а может, и что-то большее.

— Я передам Конару твои извинения и объясню, что ты вскорости прибудешь, — сказал Мелисанде Мергвин. — Что ты будешь очень скоро, — настойчиво повторил он.

— Однако это не совсем то, чего я хотела... — начала было Мелисанда, но Мергвин уже быстро зашагал в лес.

Он был ее другом, товарищем. И как горько было осознавать, что для нее теперь даже это стало неважным.

Когда-то друид служил Ард-Ригу, потом его дочери и зятю. А теперь древний, но еще вполне здоровый старик служил отпрыскам Олафа Норвежского. Когда же появился Конар, он стал служить ему. Мергвин был хорошим советчиком и кладезем мудрости.

Провожая старика обеспокоенным взглядом, Мелисанда отметила его подтянутость, степенную и уверенную походку. Может, ей стоило пойти догнать его, поговорить с ним? Нет! Ей нельзя теперь появляться в замке Эрика. Она не хочет видеть Конара, как не хочет и попадаться ему на глаза. Нет, она не пойдет в замок и не будет прятаться за спиной у старого друида.

Внезапно ей безумно захотелось, чтобы время двинулось вспять, ну, хотя бы на год назад. Вот если бы ей тогда попробовать убежать от Конара...

Однако тогда она этого не сделала, Тогда она еще думала, что все будет мирно и хорошо, она беспрепятственно вернется во Францию, к своим людям и наследству...

Грегори стеснительно переминался с ноги на ногу, босиком, видно, стоять ему было неудобно, но он все же как-то терпел, преданными глазами пожирая Мелисанду.

— Мелисанда, ты же говорила, что почти не знаешь его, и что он вряд ли приедет... По правде говоря, теперь, я думаю, тебе лучше пойти. Иначе может выйти еще хуже. Ты должна вернуться к нему окончательно. В конце концов, ты же повенчана с ним.

Она только качнула головой и, шагнув к нему, ласково коснулась руками его плеч. Он был пылающим и открытым, все происходящее у него внутри было перед Мелисандой как на ладони.

— Понимаешь, может, я действительно не возвращусь, — с ноткой отчаяния

пробормотала она.

— Однако...

— Да, я повенчана с ним. Но это не мое решение. Когда моего отца злодейски убили, нашим войскам нужен был храбрый и отважный военачальник, который поведет их вперед. Конар согласился им стать — в обмен на меня. Тогда я была еще совсем маленькой. Иначе бы не бывать этой свадьбе во веки веков, — уверенно сказала Мелисанда. — Правда, он нравился моей гвардии, но не более. А теперь я стала взрослой. Достаточно взрослой, чтобы выбирать и решать, достаточно взрослой, чтобы управлять замковым хозяйством и всей страной. И люди — мои, а не его, ты же знаешь это, Грегори. Возможно...

Она глубоко вздохнула и внимательно посмотрела ему в глаза. Предвкушение и обещание пылали в них — обещание хорошей жизни и богатых пиров и, конечно же, вечной любви — в этом она была абсолютно уверена.

Момент выдался как нельзя более удачным. Мокрая земля манила хмельной влажностью, музыка неспешно струящихся струй убаюкивала разум и дурманила сознание... Его рот был так близко, она чувствовала его горячее дыхание на своем лице.

Она наклонилась к нему, даже не зная, чего точно хочет, к чему стремится... Его губы нашли ее. Они становились мягкими и нежными. Желание медленно начало разгораться, поцелуи становились все нежнее и жарче, губы у Грегори были податливыми и в то же время необыкновенно упругими. В его объятиях ей было уютно и спокойно. Сильные руки легли ей на плечи и легонько сжали их. Она увидела его лицо — оно было близко, и его глаза, добрые и какие-то пьянящие. Он снова поцеловал ее. Но тут она услышала такое, что заставило ее всю замереть.

— Мелисанда!

Она никогда еще не слышала этот голос таким холодным, с такими жестокими, гневными и язвительными интонациями. Страх волной захлестнул ее; по спине пробежал ледяной холодок. Ну почему судьба против нее? Ведь она так хотела, чтобы он не приезжал! Было раньше и так, что он приезжал и, не заставая ее, уезжал обратно. Почему сегодня не случилось такого? До сегодняшнего дня, кстати, она была перед ним чиста и невиновна. Но ведь он-то этого не знал!

Конар все еще стоял за ее спиной, и она не смела оглянуться. Но Грегори смотрел на него. И тут юноша отскочил от Мелисанды, и притом так быстро, что она с трудом удержалась на ногах. В его глазах метался страх — нечеловеческий, животный страх загнанного зверя. Он был смертельно напуган этим внезапным явлением Повелителя Волков.

— Простите, милорд, — тихо проговорил Грегори, преклоняя перед Конаром колени у самой воды.

Когда Мелисанда обернулась, он уже поднимался, стряхивая со штанов землю. Конар стоял чуть дальше.

Выглядел он, конечно, весьма импозантно. Он, разумеется, не ожидал, что он встретит здесь, иначе бы не стал так разряжаться. Он был в полном вооружении, на огромном черном Торе — бессменном боевом коне — с огненно-красной уздечкой. Блистал серебром волк на щите, сверкали отцовские награды. Зеркально отточенный меч был наполовину вынут из ножен, на ручке виднелись кельтские руны.

Он сидел на Торе, суровый и безмолвный, и только по блестящим от гнева глазам она понимала, что еле сдерживает свою ярость.

Она уже не боялась его, чувствуя необыкновенную уверенность в себе. Это он оскорбил ее своим внезапным вторжением.

О, как она жалела, что вообще познакомилась с ним! Как и он, наверное. Он жил своей жизнью, абсолютно не интересуясь Мелисандой. Поэтому она не чувствовала перед ним никаких обязательств. Раз он к ней так относится, то почему она не имеет права на самостоятельную жизнь?

Ее беспокоил только Грегори — слишком уж он робок, к тому же сейчас перепуган до смерти. Да и было отчего.

Конар, похожий на статую справедливости с карающим мечом, был ужасен — в этих блистающих доспехах. Он взирал на них сверху вниз с каменным лицом, и только развевающиеся по ветру волосы и жестокие глаза говорили о том, что перед ними действительно живой человек.

— Так ты пришел, викинг... — насмешливо и отважно проговорила она, глядя ему в лицо.

Конар молча тронул поводья Тора, и огромный боевой конь тяжело шагнул поближе к воде.

Грегори непроизвольно потянулся к мечу, но в то же мгновение леденящая сталь клинка Конара коснулась его плеч.

— Прекрати, малыш, — небрежно бросил Конар.

— Ты не причинишь ему вреда! Ты не посмеешь! — возопила Мелисанда, но тут же осеклась под жестоким взглядом викинга.

— Я не трону его, не бойся. Я не воюю с детьми. Грегори вновь упал перед Конаром на колени и приник к его ногам.

— О, как я вам благодарен, милорд!

— Грегори!

Презрение и горечь звучали в голосе Мелисанды. Она не могла спокойно наблюдать, как милый ее сердцу человек так унижается перед этим чудовищем.

— Ах, Грегори, — презрительно жалостливым голосом пробормотал Конар, — наверное, она и вправду думала, что ты способен на подвиг в ее честь. Но увы! Да и я не собираюсь лишать жизни одного из моих родственников только из-за глупостей моей жены. Беги домой, мальчик!

Грегори не замедлил воспользоваться предложением. Только мелькнул в воздухе его силуэт, взлетел на коня, и вот — он уже только черная, постепенно уменьшающаяся точка на горизонте.

Меч Конара серебристой молнией мелькнул в воздухе и опустился на ее горло, впрочем, не порезав кожи.

— Многие люди оскорбляли меня не так сильно; и умирали за это, Мелисанда.

— Да неужели! Ах, многие люди оскорбляли его! Хорошо же, вот я тебя тоже оскорбила, и что теперь? Вы удивлены: я так странно себя веду и не молю на коленях вашего прощения. Как же вы отомстите мне за это? Ограбьте мою страну или приберете к рукам мое наследство? А может, все это уже сделано?

«Господи Иисусе, вот уж воистину — разъяренная фурия!»

— Знаешь, Мелисанда, я найду месть поизощреннее.

— Чудесно. Впрочем, я и не думала, что грязный викинг, перерезающий мне горло, способен на большее. Меч со свистом вошел в ножны. Конар молчал. Потом сказал:

— Да, наследство — твое. Я один из тех, кто рискует за него жизнью. Это надо принимать как благодарность?

— Это мое наследство...

— Нет.

— Я проклинаяю тебя!

— Нет.

«Проклятый тиран! Как он смеет так говорить!»

— Я хочу в свою страну! — закричала она ему в лицо. — Мой дом, мой мир. Я не хочу тебя!

— Будет у тебя и дом, и страна, Мелисанда, но только вместе со мной.

На секунду наступила тишина, лишь его глаза холодно блестели ледяным огнем. Он стоял на прибрежных камнях ручья.

Она не знала, что за блажь овладела ею: просто ей захотелось чего-нибудь дикого, необузданного и безрассудного, и, внезапно сорвавшись с места, она бросилась к нему на шею. Ее поступок был неожиданностью для Конара, и Конар не устоял на ногах, и они вместе упали в ручей. Мелисанда пребывала в восторге.

Ей удалось повергнуть самого могущественного Повелителя Волков. Прекрасная меховая мантия намокла и выглядела бесформенной грудой шкур. Мелисанда попробовала выбраться на берег, но тут же упала снова и глотнула воды. Он крепко вцепился в ее одежду, и ни в какую не желал отпускать ее — Мелисанда боялась, что накидка порвется. Потом он крепко обнял ее, и в следующую секунду они снова оказались в холодной бурлящей воде; тут Мелисанда поняла, что промокла уже насквозь.

— Эй, отпусти меня! — крикнула она, пытаясь заглушить шум воды.

— Я никогда тебя не отпущу! — крикнул он, прижимая ее к себе.

Наконец ей удалось воспользоваться моментом, и она, вскочив, ринулась молнией к берегу.

Может быть, добрые духи этих мест помогут ей, ведь она часто приходила сюда со своими думами, мечтами...

Стараясь не задерживаться, Мелисанда выбралась на берег, к спасительным деревьям. Их шум заглушал шаги, в хитросплетениях ветвей таились покой и уют, и самое главное — там было безопасно. Наконец она заставила себя оглянуться. Конара не было. А ведь она думала, что он станет преследовать ее по пятам. Решив осмотреться и выяснить, что же помешало ему в этом, она развернулась и медленно двинулась обратно на поляну.

Естественно, он был там. Оседлав Тора по другую сторону ручья, он как раз направлялся прямо к ней. От досады Мелисанда заскрипела зубами и попыталась убежать. Но куда там — не босой девушке тягаться в скорости с боевым конем. Тор в несколько шагов пересек ручей и замер.

— О, какой доблестный поступок для викинга — нагнать женщину на боевом коне, — неосторожно усмехнулась она, глядя ему в лицо.

Конара, видно, вывела из себя эта фраза, и он с искаженным от гнева лицом одним прыжком очутился на земле. Мелисанда взвизгнула и понеслась прочь от этого злодея, но поскользнулась на влажной грязи и упала в ручей. Через секунду Конар тяжело навалился на нее.

Когда Конар в поисках Мелисанды оказался у ручья, он сам еще толком не знал, чего хочет. Сначала он так рассердился, что готов был притащить ее назад за волосы.

Но вот он ее увидел, и гнев его как рукой сняло.

За время, что они не виделись, в ней произошли необыкновенные перемены. Уже тогда Конар заметил, что из юной девушки она стала превращаться в женщину, но то, что он увидел перед собой сейчас, превзошло все его ожидания!

Стройная, изящная, грациозная, она двигалась легко и непринужденно. В каждом ее движении сквозило очарование женственности. И это лицо — такое прекрасное, необыкновенное...

Обворожительные ямочки на щеках, длинные густые ресницы, шелковистые блестящие черные как смоль волосы.

Колдовские глаза с бездонной фиолетовой глубиной были неотразимы. Конар никогда не видел ничего прекрасней этих глаз. По правде говоря, он никогда не встречал женщины более прекрасной. Но самое потрясающее, что эта женщина — его жена!

Конара не удивило, что она не вышла встречать его на берег. Она всегда делала все наперекор ему, лишь бы показать, какое отвращение она испытывает к викингам.

Но увидеть ее с Грегори — это было уж чересчур! Он сразу припомнил тот день, когда она разговаривала с мальчишкой из крепости, и то же самое чувство жгучей ревности охватило его с такой силой, что он едва не задохнулся. Сердце бешено заколотилось, и ему пришлось приложить все усилия, чтобы хоть немного взять себя в руки.

Ох, уж эта Мелисанда! Просто невероятно! Мало того, что она отвергает его, она решила и вовсе расторгнуть их брак. Он видел по ее гордо вздернутому носику и горящим глазам, что она полна решимости сражаться с ним до конца.

Она забыла только одну очень простую вещь, что она — его законная жена. Он занял место Мэнона, крепость — его, владения принадлежат ему, и она — тоже принадлежит ему. Он понял сегодня, что судьба их связала, и отныне они будут вместе.

Сейчас он желал ее настолько сильно, что не мог думать ни о чем ином. Она лежала под ним в прохладном потоке ручья, напоминала ему нимфу — мраморное тело, розовые лепестки губ.

Мелисанда попыталась выбраться из-под него. Но не могла сдвинуть его ни на дюйм. Глаза ее сердито горели.

— Вы не имеете никакого права...

— В самом деле?

В фиолетовой глубине ее глаз засверкали молнии.

— Вы вообще не вспоминали обо мне все эти годы!

— Простите же мне мою забывчивость! Я намерен сейчас же исправиться!

Он прильнул к ней губами, поглаживая рукой по щеке. Она с силой уперлась ему в плечо и, извиваясь, все пыталась высвободиться. Но он даже не шевельнулся; он был занят другим: эта женщина имела вкус сладкого вина и аромат мяты, и не в силах оторваться от нее он целовал ее жадно, страстно, безудержно.

— Вы не можете это делать здесь. В лесу.

— Почему? Мне здесь очень нравится! Ручей, шелест листвы, легкий прохладный

ветерок. Вы же именно здесь собирались заняться этим с другим мужчиной?!

Она отчаянно замотала головой:

— Вы пришли в момент... Это чисто дружеский поцелуй.

— Я очень люблю такую дружбу.

— Просто нежный поцелуй.

— И это вы называете поцелуем?! — Конар презрительно фыркнул.

— Вы хотите сказать, что ваш поцелуй лучше? возмущенно вскрикнула она.

— Конечно, — промурлыкал Конар. — И вы должны были это почувствовать.

— Ваш меч скоро поржавеет, если мы так и будем лежать в ручье, — предупредила она.

— О, мой меч скоро будет обнажен! — с усмешкой сказал он.

Она побледнела от испуга. Глядя в ее широко распахнутые глаза, Конар внезапно с облегчением понял, что у нее с Грегори ничего не было, кроме поцелуя, и, конечно, все это время она надеялась на отмену брака.

Вопреки себе, он вдруг почувствовал некоторую жалость.

Мелисанда чутко уловила смену его настроения.

— После столь долгих лет! — прошептала она. — И вот так, здесь!

— Ну хорошо, а если не здесь?..

— Пожалуйста...

Он медленно, в раздумье покачал головой.

— Ну, и что я буду иметь с этого? — спросил он.

— Сегодня ночью я сделаю все, о чем вы меня попросите. Все, как это должно быть.

— А-а, ты просто тянешь время, Мелисанда.

— Вы столько времени пренебрегали мной, милорд, что час или два не имеют значения.

— Ну, все меняется на этом свете. Вот и ты, к примеру, сильно изменилась.

Мелисанда почувствовала, что он уже поддается ее уговорам, и решилась сказать:

— Я постараюсь, чтобы вы не были разочарованы. Это была победа. Она это увидела по его глазам. Но все же ему не захотелось так легко уступить.

— Мне нужно, чтобы жена меня ждала и с готовностью принимала, свежая, благоухающая.

Она молчала. Конар понял, что она только и ждет, когда он, наконец, ее отпустит.

— Ну, так как, Мелисанда, ты даешь мне обещание?

— Да!

Ему до смерти не хотелось ее сейчас отпускать. Однако она дала обещание, и ему было очень интересно посмотреть, как она будет его выполнять.

Он поднялся и подал ей руку. Она, избегая смотреть на него, быстро развернулась, чтобы уйти, но он остановил ее.

— Там моя лошадь, — пояснила она.

— Ничего, мы вернемся на Торе.

Он посадил ее в седло, и они поскакали. Когда они приближались к дому Эрика, она вдруг спросила с подозрением:

— А почему вы столь внезапно приехали за мной? Он не отвечал, и Мелисанда повернулась к нему, пытаясь заглянуть в его глаза.

— Я скажу тебе сегодня ночью, любовь моя.

Он спешил во дворе. Мелисанда хотела спрыгнуть сама, но Конар поднял ее на руки и поставил на землю.

— Конар!

К ним спешил Эрик.

Мелисанда попыталась было улизнуть, но Конар притянул ее к себе. К ним подходил Эрик, хмуря брови.

— Конар, я вижу, ты нашел свою жену. С вами все в порядке?

Конар улыбнулся:

— Все прекрасно, Эрик. Мелисанда была так счастлива меня видеть, что в порыве страсти столкнула в воду, и мы оба искупались.

Мелисанда, стоя возле него в промокшей одежде, не решалась возражать, «Да она же совсем замерзла», — сообразил Конар.

— Идите в дом, миледи. Я скоро приду.

Она поспешила прочь. Эрик хлопнул брата по плечу.

— Пойдем, отведаешь потрясающего вина.

— Извини, я такой мокрый...

Они вместе вошли в дом. Рианнон накрывала на стол в гостиной. Она сказала, обращаясь к Конару:

— Я приказала отнести твоей жене горячей воды. Вы оба так промокли! — Она на мгновение запнулась, потом тише добавила: — Она в дальней комнате, слева по коридору. Твоя комната рядом, они соединяются небольшой дверцей, завешенной ковром. Надеюсь, ты доволен?

Конар осторожно обнял ее за плечи, стараясь не задеть своей промокшей одеждой, и чмокнул в щеку.

— Это замечательно, — подтвердил он.

— Я уже послала слуг, чтобы они и тебе принесли все, что нужно для мытья.

— А... — начал было Эрик.

— И вино, мой дорогой, — смеясь, сказала она.

Эрик, довольный, притянул ее к себе и нежно поцеловал в щеку. И Конар с некоторой завистью отметил, что она не сопротивлялась. Сердце его защемило. Раньше он как-то этого не замечал. Не думал, что нуждается в тепле, уюте и ласке. Он все время был занят. А теперь почувствовал, что завидует брату. Нет, не его отличным землям, а той атмосфере, которая царила у него в доме.

Здесь все было пронизано таким... счастьем!

Конар извинился перед Эриком и поспешил наверх в свою комнату.

Там уже стояла здоровенная лохань с горячей водой. Конар скинул с себя мокрую одежду и блаженно погрузился в воду. Подошедший вскоре Эрик налил им вина и развалился в кресле.

— До меня дошли слухи, что даны собирают огромное войско, чтобы идти на Париж. После того, как наш Альфред сумел отвадить их от наших земель, они перекинулись на тот берег пролива. Франкским дворянам придется трудней. Они слишком разъединены и погрязли, в сплошных междоусобицах с тех пор, как земли поделены между Лотарем и его братьями. Сейчас реальная власть у баронов на местах, тех, кто имеет владения и может их защищать. Вроде тебя.

Конар вздохнул.

— Я, наверное, заключу союз с графом Одо, он кажется мне надежным человеком, и его цель — объединить силы франкской знати. Однако у меня там есть уже и враги.

— Жоффрей, сын Джеральда, твой ближайший сосед, — небрежно заметил Эрик. Конар удивленно поднял брови.

— И ты уже в курсе?

— Новости разлетаются быстро. Бродячие жонглеры, певцы и музыканты много путешествуют, как тебе известно. Кроме того, в нашей большой и болтливой семье трудно что-либо утаить. К тому же кто-то сочинил большую поэму в твою честь, про то, как ты спасаешь свою жену из рук изверга.

— Так говорится в поэме?

— Да ладно тебе. — Эрик встал, чтобы снова наполнить бокалы. — Все это действительно было так. Но я, кстати, видел, как твоя жена слушала сию поэму, и меня осенило, что ведь она может подумать, что сменила одного изверга на другого.

Конар чуть не выскочил из лохани, но тут увидел, что брат смеется.

— А-а, детские шутки! Ну, ладно! Он закрыл лицо полотенцем и удобно откинулся на спину.

— Помнится, — начал он неторопливо, — твоя жена тоже не была влюблена в тебя, когда вы впервые встретились. Кажется, кто-то даже стрелял в тебя из лука?

Он почувствовал, как рука Эрика опускается ему на голову, быстро нырнул в воду и, вынырнув, швырнул мокрое полотенце прямо в брата. Они оба расхохотались.

Но затем Конар с грустью сказал:

— Я знаю, она почему-то считает меня жестоким.

— Знаешь, — ответил Эрик, — вообще-то довольно трудно понять, что она думает на самом деле. Она очень мила, вежлива, но всегда держится отчужденно. Даже Рианнон, несмотря на свою близость с ней, вряд ли знает, что у Мелисанды на душе. А вообще-то, — Эрик пожал плечами, — она умная девушка, даже талантливая. Я видел на днях, как она упражнялась с Брайсом на мечях...

Конар раздраженно сказал:

— В тот день, когда я с ней познакомился, она, размахивая маленьким клинком, наряженная в золоченую кольчугу, неслась прямо в руки этого ублюдка. Не удивительно, что мне пришлось ее спасать.

Он вдруг прищурился и бросил на Эрика хитрый взгляд.

— Но она играет не только мечом. Сегодня я застал ее за играми другого рода. С этим юнцом, родственником Рианнон.

— А, Грегори.

— Да, она обучала его любовным играм.

— Грегори?! — пораженный, воскликнул Эрик.

— Не волнуйся. Я убежден, что она обольщала мальчика, чтобы вдохновить его на подвиг — спасти девушку, то есть ее, из рук изверга, то есть меня. Мальчишка здесь ни при чем.

— И все же, Конар, я чувствую свою вину. Мелисанда находилась здесь на моем попечении...

— Прибыв сюда вопреки моему письму, Эрик, она все делает, чтобы мне досадить. — Конар замолчал, задумавшись. Потом с горечью произнес: — И опять, опять она считает меня каким-то монстром, дьяволом-викингом. Но ведь я никогда не был с ней жесток, хотя порой она меня выводила из себя. Она не понимает опасности исходящей от Жоффрея.

— Я уверен, церковь не позволила бы ему взять Мелисанду в жены, ведь они родственники.

— Мне кажется, Эрик, ты не до конца понимаешь разницу между здешней ситуацией и тем, что происходит там. В Ирландии много королей, и все же большинство из них признает авторитет Ард-Рига. Здесь Альфред добился не только военной власти, он сумел ввести законы, и подданные соблюдают их. Ты был прав, когда сказал, что франкские земли раздираемы междоусобицами. Король слаб. Каждый барон сам себе хозяин в своих владениях. Кто сильнее — тот и диктует законы.

— Да, брат, таков этот мир.

— Да, и если этот Жоффрей похитит мою жену, найдет возможность ее спрятать. А если он решит, что ему выгодней убить ее, боюсь, он не остановится ни перед чем.

— Ну, это навряд ли!

— Не знаю. Одно лишь несомненно, что он воспользуется первой же представившейся ему возможностью захватить ее.

— Но как же другие дворяне? Неужели они это допустят?

Конар пожал плечами.

— Это именно одна из причин, по какой я приехал за ней. Я повезу ее в Руан в гости к Одо, там мы возобновим наши брачные обязательства в присутствии наиболее знатных особ. Одо считает, что это укрепит наши позиции.

— Ты, кажется, забыл еще кое о чем. Конар с удивлением взглянул на брата.

— Ты забыл, что ты сам внук могущественного Ард-Рига, сын короля Дублина и по норвежской линии представитель дома Вестфолдов.

— Ну и что?

— А то, что если разбойничья орда данов опять обрушится на вашу крепость, то ты, возможно, будешь просто поражен количеством боевых дружин, спешащих тебе на помощь.

Конар улыбнулся, с благодарностью взглянув на Эрика.

— Спасибо тебе.

— Да не за что. Как я понял, ты к нам ненадолго? Конар кивнул.

— Чем скорее мы подтвердим брак перед всеми, тем лучше. Одо тоже так считает.

— Ясно, — пробормотал Эрик. — Значит, ты отплываешь в Руан со всей поспешностью. Знаешь, что бы я тебе еще посоветовал?

— Ну?

— Наследника, вот кто надежно закрепит за тобой эти земли.

— Я прекрасно это понимаю.

— Но ты с этим тянешь.

— Поверь мне, я не собираюсь с этим тянуть дольше.

— А, ну хорошо, — сказал Эрик, поднимаясь, чтобы уйти. — Значит, если мы услышим ночью крики и шум драки, я смогу успокоить мою жену тем, что ты достаточно ловок и не дашь перерезать себе глотку.

— Если тебе нечем больше заняться, как только бесить меня... — грозно начал Конар.

— Все, все, уйду. Мы ждем тебя внизу в гостиной, скоро ужин. Тебе необходимо хорошо подкрепиться! — С этими словами усмехающийся Эрик быстро выскользнул из комнаты.

Конар внимательно оглядел гобелен, висящий стене. Это за ним находится дверь в комнату Мелисанды. С той стороны, наверное, тоже ковер. Интересно догадывается ли Мелисанда о существовании второй двери? Вряд ли.

Внезапно ему захотелось ворваться к ней прямо час, сию минуту. Усилием воли он

сдержал свой порыв. Лучше дожждаться ночи. Очень хочется посмотреть, как она выполнит свое обещание.

Вода давно остыла. Конар быстро вытерся, переделся и спустился вниз. За столом уже почти все брались. У очага о чем-то увлеченно беседовали Мергвин и Бренна. «Гадают о нашем будущем», — мрачно подумал Конар.

Рианнон вновь гостеприимно поприветствовала его, поцеловала в щеку и деликатно отвела в сторону.

— Я посажу вас рядом с собой, Мелисанда сядет от вас справа, за ней Брайс.

Он наклонился и тихо прошептал:

— И где же моя благоверная?

Рианнон удивилась:

— Я уверена, она сейчас спустится.

Однако Мелисанда не появлялась. Рианнон приказала подавать на стол, затем с беспокойством пробормотала, что надо бы послать слугу, узнать, что случилось с Мелисандой.

Девочка, разносившая тарелки, сбегала наверх и тут же вернулась, сообщив, что Мелисанда так плохо себя чувствует, что не может подняться с кровати. Она-де извиняется и просит начать ужин без нее.

В гостиной наступила тишина. Все взгляды устремились на Конара.

— Я не думаю, что она хочет пропустить ужин, — пробормотал он, пытаясь вежливо улыбнуться.

Гнев придавал ему сил, и в одну секунду преодолев лестничные ступеньки, он уже стоял у тяжелой дубовой двери в конце коридора. Первым его желанием было высадить дверь и ввалиться к ней. Однако он сдержался и всего лишь громко постучал.

За дверью послышался слабый стон.

— Это я, Мелисанда, открой!

— Я не могу. Я не в силах встать.

Он яростно сжал кулаки. Ему не хотелось выламывать дверь в доме своего брата. Неожиданно он вспомнил про потайную дверь. В одно мгновение он оказался в своей комнате и отодвинул висевший на стене гобелен. Под ним действительно была небольшая дверь. Нагнувшись, чтобы не задеть притолоку, он бесшумно проскользнул в комнату Мелисанды.

Она сидела на кровати спиной к нему, лицом ко входной двери и, очевидно, со страхом ожидала его дальнейших действий. Она была несколько бледна, но скорее от страха, чем от нездоровья.

Он спокойно стоял позади, наблюдая за ней. Она спрыгнула с кровати, подошла к окну и поплотнее задвинула защелку. Обернувшись, она, наконец, увидела его и в ужасе застыла.

— Я страшно расстроен, что вижу вас в таком состоянии, — невозмутимо произнес Конар. Она вспыхнула.

— Возможно, это от воды. Я очень прошу меня извинить. Простите мне, что сегодня вечером...

— О, конечно.

Конар быстро подошел к ней и приложил руку к ее лбу.

— Ну, я счастлив заметить, что жара у вас нет. Так что позвольте мне вас раздеть. Я пошлю вниз слугу сказать, что останусь с вами.

— Нет! Не надо! Вы можете присоединиться ко всем, ведь это ваши родные...

— И покинуть вас — опять пренебречь вами? Нет, я же обещал вам исправиться.

— Вы пренебрегали мной в течение многих лет! — громко выкрикнула она, забыв на мгновение про свою роль больной.

Конар улыбнулся.

— Моя дорогая, я вижу, ты прямо на глазах выздоравливаешь. Короче, миледи, у вас есть на выбор два варианта. Либо вы спускаетесь вниз и ужинаете вместе со всеми, либо вы немедленно раздеваетесь и остаетесь в постели со мной. Лично мне последний вариант нравится больше.

— Вы невыносимы! Вы не верите мне...

— Конечно, нет!

— Я вам сказала, я плохо себя чувствую...

— Я уверен в обратном. Хотя допускаю, что мое неожиданное появление здесь вызвало у вас легкую головную боль. Но к этому мы вернемся позднее. Итак, каково ваше решение?

Она гордо прошествовала мимо него к двери и остановилась пораженная: дверь по-прежнему была заперта. Широко открытыми от изумления глазами она посмотрела на Конара.

— Моя любовь, это же дом моего брата. Нам с тобой предоставили, естественно, смежные комнаты. Она со злостью дернула задвижку двери.

— Один момент, моя дорогая, — остановил ее Конар. Он подошел к ней.

— Что вам нужно, милорд?

— Ты дала мне слово, Мелисанда, что исполнишь! мои желания сегодня ночью.

— Я слишком плохо себя чувствую.

— Миледи, вы даже можете умереть, но сдержат! свое слово вы должны!

Она гордо вскинула голову, глаза ее сверкнули.

— Вы жестокое чудовище, вы ведете себя как...

— Викинг?

Она замолчала, с ненавистью глядя на него.

— А мне кажется, что я веду себя как муж — ни больше, ни меньше.

— Ваша кровь выдает вас! — язвительно прошипела она.

Конар громко рассмеялся, открыл дверь и, с поклоном пропуская ее вперед, произнес:

— Может быть, и так! И все же, миледи, я хочу посмотреть, как вы будете выполнять свое обещание!

Конар остановил Мелисанду у лестницы.

— Миледи, мы должны войти вместе.

С минуту она молчала, и было видно, что это стоит ей больших усилий. Но не прошли они и полпути, как Мелисанда остановилась, и ее бездонные фиалковые глаза смело встретили взгляд Конара.

— Вместе?! Потому что мы такая прекрасная пара? — заметила она с сарказмом, слегка поддразнивая его. — Как странно! Они поверят чему угодно, но только не тому, что мы чужие друг для друга.

— Некоторые из них знают, что нам недолго оставаться чужими, — улыбнулся он. — Мой брат давно уже беспокоится, не слыша по ночам наших стонов.

Она залилась краской и отвела глаза.

— Неужели это так обязательно — обсуждать все со своей семьей?!

— Но ведь именно ты сказала мне, что они считают нас чужими, — с усмешкой ответил он и, входя в зал, предупредил:

— Веди себя хорошо!

Здесь уже собрались все обитатели замка, ждали только их. Рианнон быстро поднялась со своего места и подошла к ним.

— Мелисанда, все мы надеемся, что ты чувствуешь себя лучше. Жар спал?

— Видно что-то напугало ее у ручья, — ответил за нее Конар ровным голосом. — Но теперь, мне кажется, Мелисанда уже в состоянии отобедать с нами.

Мелисанда, бросив на него быстрый благодарный взгляд, поздоровалась с Рианнон.

— Я так рада видеть всех вас, Рианнон...

Конар взял руку жены.

— Ты видишь, они тоже очень рады тебе, дорогая.

Он подвел Мелисанду к их месту за длинным столом. Садясь, она еле заметно улыбнулась Брайсу. Мысль о ее возможной близости с Брайсом разожгла в Конаре огонь горячей ревности. Они говорили о лошадях, о музыке, о чем-то еще спокойными, тихими голосами. Сначала Конар пытался вслушиваться в их разговор, но потом повернулся к своей соседке — Рианнон.

— Ты так спокойно все это воспринимаешь! — шепнула она, и ее глаза сверкнули из-под длинных ресниц. — Впрочем, в этом нет ничего удивительного — у тебя ведь каменное сердце, не так ли, милый?

В ответ он только поморщился, и она засмеялась при этом.

— Ты временами безумно напоминаешь мне Эрика и твоего отца тоже. Эй, очнись! Ну как ты не можешь понять, что твоя жена — прекрасна?

— Я никогда не говорил, что она уродлива, напротив, я восхищаюсь ее красотой и с нетерпением жду ночи.

— Нет, я не имела в виду чувства такого рода; и мертвец воскреснет, увидав такую красивую женщину. Нет, я имела в виду любовь. Ты ведь не любишь свою жену, Повелитель Волков?!

— Послушай, ты же прекрасно знаешь, что не в твоих силах оскорбить меня. — Он коснулся ее руки. — Дело в том, что я не могу сказать, что мне не нравится Мелисанда,

просто она... — Он пожал плечами, подбирая! нужное слово, и после паузы добавил: — Она выводит меня из себя при первом же удобном случае. Все очень, просто: я для нее викинг — и не более.

Рианнон взяла со стола кубок и стала с наслаждением, ^ мелкими глотками пить вино.

— Ты должен понять, что значит жить в таком доме, как твой. С тех пор, как в семьсот девяносто девятом году разорили Линдесферл, мы теперь боимся жестокости Северянина. И очень трудно примириться с тем, что он, вероятно, станет твоим союзником.

Конар молча смотрел на нее, выжидая.

Она продолжала:

— Ты должен признать, что когда викинги нападают, они унижают своих врагов, разоряют огромные города, насилуют, грабят.

Неожиданно Эрик повернулся к Рианнон и встретил взгляд Конара.

— Она что, опять говорит обо мне? Но Конар только покачал головой.

— Нет, на этот раз — обо мне, — непринужденно ответил он.

Рианнон улыбнулась, и Эрик быстрым и нежным поцелуем коснулся ее губ. Конар вежливо отвернулся и взялся за их с Мелисандой кубок: по обычаю они должны пить из одного кубка. Его рука коснулась пальцев жены. Их глаза встретились, и он понял, что ее не занимал ни разговор с Брайсом, ни его разговор с Рианнон. Она смотрела на другой конец стола, где сидели старый Мергвин и Бренна.

Неожиданно она резко отдернула руку от кубка, словно железо обожгло ее.

— Пожалуйста, выпей сначала ты, — попросил Мелисанду Конар.

— Нет, милорд, ни в коем случае, — холодно ответила она. — Вы всегда первый.

— Выпей вина, Мелисанда, и я уверен, тебе станет гораздо лучше.

Со скорбным выражением лица она все же последовала его совету и сделала такой глубокий глоток, после которого поставила кубок на стол уже пустым.

— Пожалуй, чем больше вина, тем лучше для меня, — сказала она.

— Вполне, может быть. — Он как будто не заметил ее проделки. — Я прикажу служанке принести еще.

Немедленно появилась молодая девушка с длинной косой до пояса и вновь наполнила кубок до краев, немного вина даже вылилось на стол.

Мелисанда резко отвернулась. Конар хотел ей что-то сказать, но тут к нему обратился Брайс:

— Ты поживешь здесь, Конар?

— Да, но я не знаю точно, как долго. Ты же понимаешь: все зависит от ветра.

Брайс нахмурился. Конечно, многое зависит и от ветра. Однако если бы Конар захотел отправиться в плавание, то ничто на свете не помешало бы ему сделать это. Но он решил не обсуждать это с Конаром и заговорил о другом.

— Как хорошо, что ты приехал. Я уверен, что Мелисанда просто на седьмом небе от счастья. Ей было так одиноко здесь, — добавил он через некоторое время.

Тут Мелисанда довольно сурово взглянула на весельчака Брайса, и тот замолк.

— Это действительно безмерное счастье, — процедила она.

Конар улыбнулся и принялся за огромный кусок оленины в собственном соку.

Стол был роскошен: говядина, свинина, оленина, крольчатина, домашняя птица. Да, повар сегодня постарался на славу, несомненно!

«Вот как надо вести хозяйство, — подумал Конар! с внезапной злостью. — Мелисанде

следовало бы кое-чему поучиться здесь».

И еще он подумал, что Мелисанде доставляют удовольствие только две вещи: надевать золоченую кольчугу да спорить с ним по любому поводу.

Мелисанда, почувствовав на себе его взгляд, обернулась и залилась краской. После чего, отведя глаза, она потянулась за кубком.

Но Конар остановил ее и отобрал наполненный вином сосуд.

— Я хотел бы, чтобы ты чувствовала себя здесь уютно, — тихо проговорил он, — и чтобы не потеряла разум и соображение раньше, чем исполнишь данное тобою обещание.

— Я никогда не смогу чувствовать себя уютно рядом с тобой, — зло ответила она.

— Тогда тебе придется научиться притворяться, — ответил он, с трудом подавляя поднимавшуюся в нем волну гнева.

Внезапно за столом затихли разговоры: в центр зала вышел юноша. Несмотря на то, что он начал читать по-саксонски, как и все здесь, выговор все же выдавал в нем ирландца.

Он представился как Вильямуш, сын Падрайна, менестрель^[4] в доме Эрика Мак-Олафа. Сегодня он приветствует другого Мак-Олафа, конунга^[5] Конара, который пришел к ним с моря.

За его спиной поднявшиеся музыканты заиграли тихую, нежную мелодию.

Вильямуш говорил о том, как Конар прославил свой род, о величии и блеске Эйре. Потом, как любой хороший рассказчик, он начал перечислять деяния Конара; он рассказал о его знаменитом походе к французским берегам за невестой, о том, как Конар спас дочь графа Мэнона и отомстил за смерть ее отца. Окончив свою хвалебную речь, он повернулся к Мелисанде и уже тихо прибавил:

— Великий воин нашел величайшую красоту.

Возгласы одобрения были ему ответом. Только Мелисанда не проронила ни единого слова. Равнодушным, ничего не видящим взором она смотрела на молодого менестреля.

Вдруг она поднялась и, подойдя к музыканту, попросила у него лютню.

— Мелисанда хочет приветствовать тебя по-своему, — тихо шепнул Конару Брайс и улыбнулся, увидев, как тот нахмурился. — Она нас тут часто развлекала. Голос у нее, как у птички. Да, Конар, ты слишком долго не появлялся дома.

И в самом Деле — слишком долго. Он понял это, когда Мелисанда запела. Голос у нее действительно был прелестен — сильный и нежный. Петть для нее было не сложнее, чем говорить; пальцы легко перебирали струны. Конар наслаждался звучанием ее голоса. Зачарованный, он не сразу даже понял, что слушал только ее голос, не разбирая слов песни.

Она пела о несчастном воине, обреченном всю жизнь скитаться по морям и в море же умереть.

Песня, как он сразу понял, была о пленении Альфреда датчанами, однако в ней пелось про викингов.

Она пела о нем.

Он понял это.

А когда Мелисанда умолкла, зал разразился буйными, восторженными криками.

«Ну, конечно, — подумал Конар, — голос у нее, как у жаворонка, сама она — воплощение небесной красоты волосы ее сияют иссиня-черным блеском, ее глаза — как фиалки, окруженные стрелами ресниц, словно выточенными из черного дерева».

Мелисанда слегка улыбнулась и протянула лютню музыканту. Вернувшись на свое место, она заговорила с Дариа. А Конар заметил, что Мергвин наблюдает за его женой.

Седые брови были сведены, лоб изборожден морщинами: все в его лице выражало недоумение.

Мелисанда тем временем замолкла на полуслове, схватилась за голову и тихо застонала. Конар спокойно наблюдал, как Брайс подбежал к ней. Дариа уже помогала ей усесться поудобнее.

Рианнон кричала, чтобы принесли воды.

— Ничего страшного, — слабо проговорила Мелисанда.

Очаровательная улыбка вернулась к ней, вновь заиграла на ее лице. И в самом деле — ничего страшного. Конар это прекрасно знал и продолжал наблюдать ней, ничем не обнаруживая своих чувств.

Вокруг Мелисанды еще крутился народ — беспокоились о ее состоянии и, перекрикивая друг друга, давали полезные советы.

Но вот она встала.

— Простите меня, — произнесла она со слабой улыбкой, — но я думаю, что крепкий и долгий сон — это все что может мне сейчас помочь. Мне, конечно, очень жаль, ведь Конар здесь первую ночь.

— Конар? — Рианнон повернулась к нему с широко раскрытыми глазами, она, казалось, ни на секунду не допускала мысли, что он может беспокоить больную жену.

— О, я думаю, ей непременно нужно ложиться. Немедленно, — произнес он подчеркнуто вежливо.

Потом встал, медленно обогнул стол и приблизился к Мергвину.

— Я отведу тебя наверх, милая, а Конар пока что останется здесь, — убеждала Мелисанду Дариа.

О Господи! Как Рианнон могла подумать, что Мелисанду и вправду интересует Конар, Все, о чем она сейчас заботилась, — так это оказаться подальше от всех окружающих.

Конар положил руки на спинку стула Мергвина.

— Она действительно больна? — Он спросил это так тихо, чтобы его мог услышать только старый друид.

— Может быть, она плохо себя сейчас чувствует из-за перевозбуждения на этом пиршестве... — начал было Мергвин.

Конар крепко сжал его плечи.

— Она больна? — повторил он.

— Нет.

— Спасибо, — пробормотал Конар и отпустил плечи доброго старика.

Он пробрался сквозь толпу и подошел к жене. Взяв ее за руки, он поймал ее тревожный, обеспокоенный взгляд.

— Если ты больна, любовь моя, то я не позволю тебе подниматься по лестнице. Я никогда не прощу себе, если с гобой хоть что-нибудь случится.

— Но ты же только что приехал, — пролепетала она. — Ты так редко видишь своих братьев, свою семью... Они, наверное, хотят поговорить с тобой.

— Они поймут, я уверен.

— Конечно, Конар, — откликнулась Рианнон. — Может, вам чем-нибудь помочь?

— Я думаю, что Мелисанда права, — сурово ответил Конар, пристально взглянув на жену. — Я уверен, что крепкий сон быстро вылечит ее. Спасибо вам всем и спокойной ночи! — произнес он громко, чеканя каждое слово. И понес Мелисанду через зал, твердо и

уверенно.

Пока он нес жену по лестнице, она не проронила ни слова, только нервно теребила краешек его рубахи, изредка бросая на Конара гневные взгляды.

Тяжелую дубовую дверь, что вела в комнату Мелисанды, он открыл одним ударом плеча, не спуская глаз с жены. Она вскрикнула, когда он, не особенно церемонясь, бросил ее на кровать. Она все же попыталась ускользнуть через потайную дверь, но он преградил ей дорогу.

— Ты обещала.

Это были единственные слова Конара. Она закусила губу, прищурилась, но отступила назад.

— Я больна, — упрямо повторила она. — Я слишком слаба сейчас для этого.

Он презрительно фыркнул.

— Ты совершенно здорова, любовь моя, нечего мне сказки рассказывать!

— Как ты смеешь! — вспыхнула Мелисанда. — Да как ты смеешь думать, что знаешь хоть что-то обо мне. Если ты еще хоть на шаг приблизишься ко мне, викинг, клянусь, я буду кричать.

В ответ он только притянул ее к себе и грубо обнял. Она кричала все время, пока он пытался уложить на кровать.

— Кричи, Мелисанда, кричи! Кричи громче! Пусть все в доме услышат тебя. Никто не будет соваться в спальню к молодоженам, зато все они будут твердо знать, что ты и в самом деле моя и что я не отдам тебя никому и никогда.

Она не двинулась с места, но побелела как мел, судорожно сжав кулаки.

— Все, чего ты хочешь, — прошипела она, — это совокупления. Так пастух выжигает клеймо на своей лошади.

Конар разъярился. Ох, как он жалел, что позволил когда-то Мелисанде завоевать его сердце!

Но было в ее голосе что-то такое, что пробуждало в нем полузабытую нежность. Перед этой нежностью меркли его гнев и желания, злоба и даже решительность. Он мягко коснулся пальцами ее щеки и неожиданно заметил, как резко контрастирует его грубая рука с мраморной чистотой ее кожи. Глаза ее устремились на него — такие глубокие и такие загадочные в своем таинственном мерцании.

— Поверь мне, Мелисанда, ты ошибаешься. На свете не найдется ничего такого, чего я желал бы сильнее, чем тебя.

Она прикрыла глаза.

— Я не верю тебе.

— Когда я сделаю это, ты согласишься. Она едва заметно покачала головой.

— Ты дала слово, Мелисанда. Ты дала слово, и ты его сдержишь, слышишь?!

— Я не могу, — всхлипнула она.

Он так сильно прижимал ее к себе, что невольно почувствовал неистовое биение ее сердца. Неужели она так боится? Она, бесстрашная Мелисанда, отважная и непокорная?

— Как странно, — произнес он задумчиво, — я думал, дочь Мэнона держит свое слово.

Она снова пристально взглянула на него. Конар произнес именно те единственные слова, которые могли подействовать на нее. И он почувствовал, как дрожь пробежала по ее юному телу... Как странно — она так безумно разозлила его сегодня. А потом еще этот вечер в зале...

Конечно, он мог бы взять ее быстро, силой, но не этого хотелось ему теперь. Ему хотелось нежности и близости с ней.

— Свежей и благоухающей, ожидающей и изнемогающей — такой я тебя хочу, — прошептал он ей на ухо.

Она не ответила, и он, не сводя с нее глаз, встал с кровати.

— Я дам тебе еще несколько минут, Мелисанда. Когда я вернусь, я надеюсь, ты будешь готова сдержать свое обещание.

Он повернулся, подошел к стене и, отодвинув гобелен, открыл потайную дверь в смежную комнату и вышел, осторожно прикрыв ее за собой.

«Ты безмозглый болван», — подумал о себе Конар. Затем подошел к очагу и стал греть руки над сумрачно тлеющими углями. — «Интересно, что же последует теперь? Может, Мелисанда, уже воспользовавшись моментом, убежала и теперь рассказывает Рианнон о какой-то страшной болезни, постигшей ее, и уверяет, что ей нужен покой?»

— Ах, женщина! Но это должно произойти, и произойти этой же ночью, — прошептал он.

И все же Конар не двинулся с места, утомленный и измученный, мечтая лишь об одном, — чтобы все эти проволочки побыстрее кончились.

Его лицо покраснело от жара, исходящего от пламени. Наконец он отошел от огня и, задумавшись, взглянул на дверь. Конечно, она ушла. И теперь ему придет силком возвращать ее обратно. Он не знал еще точно, что собирается для этого предпринять, но знал только одно — Мелисанда должна быть здесь, и с ним. С Конаром.

Его сердце казалось вот-вот выпрыгнет из груди, даже затаил дыхание, входя в комнату.

Она была там. Она переделалась в легкое платье и с яла спиной к вошедшему Конару, глядя на огонь. Она распустила длинные волосы, и они шелковой волной покрыли ее спину.

Конар быстро подошел к ней и нежно коснулся плеч. Потом стал медленно и ласково перебирать пряди ее шелковистых волос. Но она все еще дрожала, и это приводило его в бешенство. Он приник губами к ее шее и почувствовал, как бешено стучит ее кровь. Он развязал мягкий розово-лиловый шнурок туники и отступил на шаг: ее одежда с тихим шелестом упала на пол. Она слегка вскрикнула, но продолжала стоять спиной к нему. Он прижался губами к ее плечу, его руки ласкали спину, повторяя все ее изгибы.

— Я думал, что ты сбежишь, — сказал он, осторожно поворачивая ее к себе лицом. Мелисанда тяжело дышала ее соски упирались ему в грудь, ее обнаженное тело остро чувствовало его близость.

— Я всегда держу свое слово, — холодно произнесла она.

— Правда? А может быть, тебе просто некуда было бежать?

Ее фиалковые глаза дико сверкнули из-под густых ресниц.

— Пожалуйста, не мог бы ты... закончить со всем этим поскорее.

— Как угодно, любовь моя, как угодно.

Ему было все же досадно, что она так спокойно приняла это решение без его помощи.

Он положил ее на кровать и лег рядом, чувствуя ее дрожь.

Все кончилось довольно быстро.

— Ну, теперь, милорд, вы довольны? Все — ваше, женитьба законная, а, следовательно, окончательная. Теперь-то оставите меня в покое, а?

Он молча гладил ее волосы. Прикосновение к ним было похоже на прикосновение к шелку.

Он улыбнулся.

— Я же говорил тебе, Мелисанда, что я хочу только тебя.

— И все то, что полагается вместе со мной?!

— Тебя, — повторил он твердо. Потом сел и наконец-то снял с себя рубаху. Мелисанда посмотрела на его широкую мускулистую грудь, перевела взгляд ниже и увидела длину и мощь его вновь напряженной и растущей прямо-таки на глазах плоти.

— Нет, — пробормотала она, отодвигаясь.

— Да, — возразил Конар, склоняясь над ней. Она твердо уперлась руками в его грудь. Но губы ее...

Но губы ее нежно приоткрылись в ожидании его поцелуя.

Наконец она заснула. Но и во сне ее не покидали сладостные ощущения от его рук, ее обнимавших, губ, прижимавшихся к ее губам, пальцев, ласкавших ее кожу; его ласки, казалось, пронизывали до самой глубины! Как отчаянно она боролась! И какая же это отрада — уступить, подчиниться, отдаться полностью, до конца! И сквозь сон она не переставала изумляться всему, чем одарила ее ночь: их чудесной близости, нежности, на которую оказались способны его грубые руки, сладости его поцелуев. В этом сне можно было забыть, что ей следовало бы дать отпор — не только ему, но и самой себе. Следовало остаться твердой, сохранить достоинство, уважение к себе, уберечь от него свою гордость — словом, остаться недостижимой для него. Она вспомнила, как возмутили ее сначала его дерзкие прикосновения, все, что он позволял себе и требовал от нее, но снова и снова, даже во сне ее захлестывало море желаний, горячая волна радости. Она могла сопротивляться ему, но не могла победить в этой борьбе. Для этого нужно было победить себя.

«Я откажу ему раз и навсегда», — мысленно пообещала она себе. Но это звучало неубедительно, ибо он снова и снова будил ее — так медленно, так чувственно, что она подчинялась ему, не успев проснуться.

В какой-то момент она вдруг открыла глаза и увидела, что он пристально рассматривает ее. Она лежала неподвижно, как замороженная, и вдруг ее поразила выразительная и резкая красота его лица. Потрясенная до глубины души, она не хотела этого видеть, не хотела признать, что его взгляд пробуждает в ней ответное желание. Но, тем не менее, это было так. И теперь всегда будет пользоваться своей властью над нею. Да, все переменялось, и ей уже не спастись от него.

Меньше всего она хочет думать о Конаре. Спал ли ночью? Ей все равно. Должно быть все равно. Он получил то, чего добивался, и это только начало. Она даже знает, зачем он приехал.

Разве что за этим?

Но почему именно сейчас? Ведь он так долго оставлял ее в покое.

Он взял ее за подбородок и резко сказал:

— Все, Мелисанда! Брак действителен. Никакой отмены не будет.

Кажется, она никому не говорила, что брак можно попытаться отменить? Во всяком случае до вчерашнего дня, когда она так опрометчиво шепнула об этом Грегори. С тех пор как будто вечность протекла. Она стала другая, и все кругом другое. Она закрыла глаза, все еще дрожа, и подумала, что он все равно нашел бы ее нынешней ночью. Если бы она не осталась, если бы не сдержала слово, все равно он достиг бы ее где угодно. Он бесповоротно решил осуществить их свадебные обеты. В ушах звучал его голос: «Теперь вам все ясно, миледи, так ведь?»

Она повернулась к нему спиной. Но это его не остановило. Рука его легко, но властно стала гладить ее обнаженное бедро. Сила и нежность ощущались в его прикосновении. Странно, но после всего, что было, от этой ласки у нее на глазах навернулись слезы.

— Отмены брака не будет, — повторил он спокойно, но твердо.

Надо что-нибудь отвечать, иначе его рука не остановится, и тело ее опять ответит.

Стиснув зубы, она сказала:

— Да, милорд викинг, теперь мне ясно, что отмены не будет.

Она надеялась, что такой ответ его удовлетворит. Но пальцы по-прежнему гладили ее бедро, и даже лежа к нему спиной, она остро чувствовала его мускулистую грудь и мягкое касание золотистых волос внизу его живота. Его она тоже ясно ощущала. Такой притягательный даже в покое, он жил, казалось, своей собственной жизнью. В любой момент он мог проснуться, вырасти и оказаться таким властным, жадным и требовательным.

Она поняла, что от одного его прикосновения в ней разгорается пламя. Она совсем не ждала этого, совсем. Она не была готова к этому томлению, этой боли. К этой неодолимой жажде.

И теперь, когда Конар получил все с такой легкостью, она ненавидит его еще больше.

Он молчал, но она знала, что он не спит. Он лежал рядом, она слышала его дыхание, чувствовала скользящее касание его тела. Она снова закрыла глаза. Но спать было невозможно, пока он тут.

Но и заставить его уйти она не могла.

Однако все пересилила усталость, и смежив утомленные веки, она крепко уснула.

Когда она окончательно пробудилась, было позднее утро. В комнате она была одна. Ни разу не доводилось ей просыпаться такой измученной, с таким смятением в душе. Вокруг нее еще витал его запах, на пуховой подушке остался отпечаток его головы.

И все тело ее хранило память о нем. Она все еще чувствовала на себе его прикосновения. Как она была обессилена! И все же, как это было прекрасно! Она вздрагивала и замирала, вспоминая все, что он заставил ее пережить. Он был великолепен: он принуждал, покорял, соблазнял. Она собиралась держаться стойко! и терпеливо, но не могла и предположить, какое блаженство ей принесет эта ночь.

Ах, но теперь ее озаряет дневной свет! Никогда она не была так измучена, так потрясена, так напугана, — думала она, натягивая простыню на обнаженные груди. Какой странный, мучительный клубок чувств!

Уже давно она размышляла о своей будущей судьбе. Возможно, что она, став совершеннолетней, сумеет добиться отмены брака, вернется домой и там, может быть, в конце концов, выйдет замуж по собственному выбору.

Оставался, конечно, и другой выход. Конар и в самом деле придет за ней и возьмет ее в жены. Всегда она боялась его, восхищалась им, ненавидела его. Быть может, всегда ее влекло к нему, быть может, здесь-то и таились истоки ее враждебности. Временами она даже сознавала, что ее негодование необходимо Конару, как острая приправа, возбуждающая его, — он хорошо знал, чего он хочет и от кого. Она должна была ждать его невинно и целомудренно, а он тем временем развлекался по-своему: женщина в Дублине, женщина во Франции. И Бренна. Постоянно при нем. Вот она кивает своей светлой головкой, смеясь его словам, а вот — хватает его за руку, нашептывает ему советы. Беда, бывало, подтрунивала над ней, когда она возмущалась несправедливостью жизни. Она напоминала ей, что жребий женщины в ином, ведь она должна родить своему мужу наследника. И значит, ей положено всегда оставаться при муже, даже если тот знает ее не хочет.

Но ведь она принесла Конару огромное наследство. Так что все это очень несправедливо.

Недаром Беда предупреждала, что мир несправедлив. Другого и ждать не приходится.

И все же до поры до времени ей было не так уж плохо. Хотя она и тяготилась своим браком, положение ее нельзя было считать невыносимым — Конар мало общался с ней и не предьявлял своих прав.

До вчерашнего дня.

А теперь вот он обрел над ней совсем новую власть, о которой она раньше не имела и понятия.

Она тихо застонала и снова зарылась головой в подушку. Как она хотела бы все забыть, притвориться, что ничего не было. Что она осталась чистой, нетронутой, даже не подозревающей, что такое бывает. «Нет», — тихо шепнула она в подушку. И ударила по ней кулаком. Простыни соскользнули на пол. И когда она потянулась за ними, внезапно бросились в глаза пятнышки крови. Настроение ее резко изменилось. Стараясь отодвинуться подальше от этих пятен, она села на кровати и перебросила пуховую подушку к ногам.

— Ненавижу тебя! — закричала она яростно и обеими руками стала бешено колотить подушку. — Ненавижу тебя!

И вдруг с изумлением услышала его голос:

— Любовь моя, мне очень жаль.

Повернувшись, она увидела, что он снова незаметно вошел через дверь, скрытую гобеленом. В словах его проскользнул истинно северный холодок, и от одного только их звука по телу ее пробежала дрожь. Как легко его можно задеть! Но заставить его страдать она была не в силах.

К тому же сейчас у него было еще одно преимущество перед ней: он был полностью одет, по своему обыкновению, в штаны, льняную рубашку и плащ, заколотый на плече застежкой. Все его люди носили штаны, самые разные: короткие и длинные, свободно сидящие поверх чулок и облегающие. Она давно уже заметила, что он предпочитает облегающую одежду. В ней он двигался уверенно и свободно.

Меч в ножнах висел у пояса. Меч этот был совсем особенный — с кельтским узором, но исполнен в манере викингов. Кинжал он держал в сапоге. Казалось, что он неуязвим, и все же ее сердце слегка сжалось: смертельная стрела может поразить любого, все люди из плоти и крови. Она это знала. Она видела, как умирал ее отец. И вдруг неожиданно для себя поняла, что не хочет смерти Конару. Да, он для нее — заноза, помеха, она мечтает от него избавиться, она даже ненавидит его. Но ни за что на свете она не хочет, чтобы он умер.

«Но этому он никогда не поверит», — подумала она устало, да это и неважно, она вовсе не собирается ему это рассказывать. Она поймала на себе его пронзительный взгляд — ледяной голубой огонь, от которого веяло холодом. И вдруг она заметила, что сидит перед ним обнаженная. На мгновение закрыв глаза, она вцепилась в простыню и резко дернула ее на себя, прикрывая грудь. Пытаясь изо всех сил сохранить достоинство, она бросила на него такой же ледяной взгляд и сказала:

— Вам не приходило в голову, милорд, что прежде чем войти в дверь, полагается постучать.

Лицо его оставалось непроницаемым. Что у него на уме? Об этом можно было только гадать.

— Миледи, когда я оставил вас, вы спали как убитая! Я не хотел вас будить, — произнес он тихо, затем прибавил, усмехнувшись: — Мне очень жаль, что я невольно оказался свидетелем вашей своенравной вспышки. Я не собирался нарушать ваше уединение.

— Зачем же нарушили?

— Сегодня отплывать уже поздно — прилив не позволит. Мы отправимся завтра на рассвете. Извольте быть готовы, Надеюсь, уложиться вы успеете. Во всяком случае, сюда вы добрались быстро.

— Я всегда успеваю уложиться, когда мне нужно ехать. Но раз вы даже не сочли нужным посвятить меня в свои планы, — она пожала плечами, — то и я не вижу смысла потакать вашим капризам.

С минуту он задумчиво молчал, глядя на нее, затем! прошелся по комнате и остановился перед ней, подавляя! ее одним своим присутствием.

— Вы можете и не укладываться, миледи. Вы можете даже не одеваться, а ехать, как есть, голая! Но ехать!!!

— Титул и состояние принадлежат мне, — напомнила она, и глаза ее сверкнули, смело выдерживая его взгляд. — Вы ошибаетесь, если думаете, что можете мне приказывать, как своей прислуге.

— Я этого и не думаю, миледи. Таких строптивых; слуг я не держу. Вам бы следовало знать меня лучше. Я сказал, что вы отправитесь со мной завтра утром, и так оно и будет.

«Как с ним бороться? Как все это переменить? И сколько он с ней пробудет, прежде чем исчезнет, уйдет к своей золотоволосой Бренне, или еще к кому-нибудь?» Она опустила глаза. Нельзя допустить, чтобы он разгадал ее мысли!

— Никогда вы ни о чем не попросите, викинг, — прошипела она сквозь зубы. — Вы только распоряжаетесь, словно кнутом щелкаете. Быть может, вам повиновались бы охотнее, если бы вы, хоть изредка, сами слушали других.

Он сел рядом, наклонился к ней, но она отодвинулась, прижимая простыню к грудям.

— Я слушал тебя, Мелисанда. Слушал, как ты распоряжалась и приказывала. Я даже позаботился предупредить тебя специальным письмом, что приеду за тобой. Это была ошибка. Следовало написать не тебе, а моему отцу. Ты получила мое письмо, поулыбалась моему глупому братцу и немедленно сбежала сюда. А здесь начала плести интрижку с этим бедным дурачком Грегори. Благодарите Бога, миледи, что нынешняя ночь подтвердила вашу невинность. Ведь из-за этого вы так бесновались сегодня утром? А иначе пришлось бы, пожалуй, перерезать глотку этому юнцу.

Она густо покраснела и сжалась под простыней. Затем, вздернув подбородок, сказала:

— В следующий раз, милорд, я уж постараюсь очутиться как можно дальше от ваших семейных владений. Ну что я сделала такого ужасного? Приехала сюда, вот и все. И зря.

— И что ты этим надеялась выгадать? — рявкнул он с такой силой, что ей пришлось собраться с духом, чтобы не дрогнуть.

— Я надеялась, — сказала она очень тихо и спокойно, — что вы, может быть, просто уедете.

— А тебя оставлю здесь. С молодым Грегори. Невольно она опустила глаза.

— Милорд, я уже сказала, в следующий раз я уеду от вас подальше, — и она снова посмотрела ему в лицо.

— Следующего раза не будет, Мелисанда. — Он встал и пошел к двери. — Завтра на рассвете я отплываю к французскому берегу.

— Домой? — изумленно ахнув, она вскочила и кинулась за ним, совершенно забыв про свою наготу. Она догнала его и схватила за руку. — Ты заберешь меня домой?

От волнения она не могла говорить. Он тоже молчал. Взгляд его голубым огнем охватил ее сверху донизу и там, где он задерживался, она почувствовала жжение.

— Домой? — повторила она тише, вспомнив о своей наготе и отступая от него. — Ты возьмешь меня домой?

Он не отвечал. Взгляд его не отрывался от ее обнаженного лона.

— Конар! — закричала она и бросилась в постель, пытаясь прикрыться простыней.

Мгновенно простыня была сорвана, и она тихо вскрикнула, поняв, что беззащитна и что он опять хозяин положения. Она попыталась подняться, но он всем телом прижал ее к кровати. Глаза его искрились насмешкой и лихорадочной страстью. Она уже знала это выражение. Руками она уперлась ему в грудь, но это ее не спасло. Он навис над ней, опираясь на одну руку, другая ласкала тело, гладила, дразнила и мучила.

— Ты очень рвешься домой, Мелисанда? — прошептал он ей на ухо. — Это меняет дело, верно? Помиришься с проклятым викингом, если он увезет тебя домой?

Теперь он смотрел на нее и взглядом удерживал крепче, чем мог бы удержать руками. Она хотела что-то сказать, но не в силах была произнести ни слова. Рука скользила по всем изгибам ее тела, лаская бедра, живот, медленно поднимаясь к груди. Она попыталась оттолкнуть его руку, и пальцы ее невольно переплелись с его пальцами.

— Вы приказали мне укладываться. Глаза его по-прежнему смеялись.

— И ты вдруг решила послушаться? Она залилась краской, напрасно пытаясь отвести его» руку.

— Уже поздно. На дворе совсем светло.

— Совсем светло, правда, это-то меня и возбуждает.

Ничего нельзя было поделаться с его рукой. Теперь он ласкала ее груди, и соски терлись об его грубую, жесткую ладонь. Тонкий огонь пронизал ее, она запрокинула голову, и по ее телу волнами прошло неистовое, ненасытное желание, из самой глубины ее существа поднималась неутолимая жажда, какая-то сладостная боль. Она стиснула зубы, пытаясь справиться с подступающими слезами. Ужасно было не то, что он делал с ней, что держал ее силой. Ужасно было, что она уже сама страстно желала его прикосновений.

Она снова попыталась бороться, вырваться из-под его тяжести, изо всех сил отталкивая его руку. Мгновение — и ей это удалось.

— И вы думаете, что можно годами не замечать меня, пренебрегать мной, а потом требовать?.. — крикнула она в отчаянии.

— Увы! — усмехнулся он. — Я так стараюсь не пренебрегать вами!

— Милорд! Вы же одеты!

— Ну, миледи, дело поправимое. Если это вас так стесняет...

Она хотела убежать, но он поймал ее. Губы его горячие, жесткие, настойчивые, прижались к ее губам. Близость его возбуждала ее, сердце бешено колотилось, дыхание пресекалось.

Наконец он оторвался от ее губ и встретился с ней взглядом. В его глазах она опять увидела насмешку и вызов.

Она ударила его кулаком в грудь, но он, рассмеявшись, поднял ее легко, как перышко, и бросил на постель.

Она смотрела на него, задыхаясь, беспомощно лоя ртом воздух. Его перевязь, расстегнутая, валялась на полу, рубашку и плащ он стянул через голову. Она попыталась приподняться, но не успела — он был уже с ней в постели. Губами он нашел ее губы, нежно дразнил, тербил, сосал.

В вихре огня потонуло ее сопротивление.

— Домой, — услышала она его шепот. — Помните, миледи, только я могу доставить вас домой.

Это уже не имело никакого значения. Он сжимал ее в объятиях, целовал ее шею и груди.

Все закружилось вокруг нее, и она полетела в пропасть. Потом они лежали рядом, Конар нежно гладил ее плечо. Наконец, он вздохнул, словно бы и в самом деле жалел, что пора расставаться, и приподнялся с постели.

— Уже поздно. — Минуту он молчал, затем положил ей руку на бедро. — Любовь моя, я правильно понял? Если я повезу тебя домой, ты готова спать со мной?

И снова он как будто смеялся над ней.

Она рассердилась и не ответила.

— Мелисанда, я с тобой говорю.

— Да!

— Ты согласна спать с викингом? В бешенстве она повернулась к нему и прошипела в лицо:

— Я согласна спать хоть с сатаной.

— А викинг и сатана — это одно и то же, правда?

— Да! — закричала она в исступлении.

— Ах, бедная моя Мелисанда, — вздохнул он, наматывая на палец ее черную, блестящую прядь. — Никак мне не удастся сделать тебя счастливой. Я в отлучке значит, я тобой пренебрегаю, я возвращаюсь за тобой значит, принуждаю тебя спать с дьяволом. Но ты как будто не очень из-за этого страдаешь?

Стиснув зубы, она отводила голову, стараясь высвободить свою прядь, а он улыбался и не думал ее отпускать. И, склонившись к ее лицу, он опять взглянул на нее с насмешкой и вызовом.

— Мелисанда, я уже сказал тебе и повторяю. Я не отпущу тебя. Никогда. И ты больше не будешь жаловаться на мое невнимание к тебе.

Она только застонала в ответ и прикрыла глаза, чтобы не видеть его. Когда он отпустил ее волосы, она быстро повернулась к нему спиной.

— Укладывайся в дорогу, — приказал он. — А я пойду вниз к брату — еще одному проклятому дьяволу-викингу.

И, недолго помолчав, он тихо прибавил:

— А ты, кажется, неплохо поладила с Брианом и Брайсом! Не позволяй себя провести: у них темные волосы и зеленые глаза моей матери, но в душе они — самые настоящие дьяволы-викинги.

— Уходи, — пробормотала она со стоном.

Он засмеялся и встал. Она слышала, как он одевается. И с бессильным возмущением вдруг ощутила как бы ожог — это он звонко шлепнул ее по заду, отпечатав свою ладонь на ее нежной плоти.

— Пора вставать, Мелисанда. Так можно и целый день проспать.

И он вышел через маленькую дверь, еще одним взрывом смеха встретив брошенную ему вдогонку подушку.

Оставшись, наконец, одна, она, вся дрожа, выбралась из кровати, налила воды из кувшина в таз для мытья и, схватив полотенце, стала яростно растираться, полная решимости смыть с себя следы того, что произошло. Лучше всего бы принять ванну, но она не хотела дожидаться, пока подадут воду и лохань. Еще и еще раз омыться с головы до ног! Закончив, она осталась стоять с закрытыми глазами, покусывая губу.

Она все еще чувствовала его. Ощущала его прикосновения.

И тут она поняла, что так будет всегда.

Она бросила на пол мокрое полотенце и потянулась за одеждой. Собраться будет нетрудно. Сундук с вещами, который она привезла с собой, до сих пор стоял нераспакованный. Она успела вынуть только кое-что из одежды, духи, масло для растираний и зубную мяту.

Она быстро оделась и стала спускаться по лестнице. Сердиться ли на Мергвина за то, что он, похоже, отвернулся от нее ради Конара? Но ведь Мергвин — хороший друг. Чем-то он напоминает Рагвальда, хотя они такие разные и так по-разному занимаются своими «науками».

Мергвин никогда и не пытался отрицать, что верит в колдовство. Он считал, что мир населен духами, и при необходимости охотно прибегал к древним друидическим обрядам и заклинаниям. Силу нордических надписей на камнях он также признавал, если, конечно, их правильно читать.

А Рагвальд изучал звезды на небесах. Его исследования не имели ничего общего с суеверием, они были по-настоящему научны.

И все-таки кое в чем они были очень похожи. На упреки в язычестве они тут же с возмущением возражали ей, что они как-никак христиане и служат христианским правителям, а если Мелисанда сомневается в Олафе, правителе Дублина, так что ж из этого? Ведь, в конце концов, на все воля Божья!

Она спускалась по лестнице, и сердце ее стучало! домой! Может быть, Конар и не понимает, как это было жестоко — заставить ее покинуть родину. Может быть он и вправду не желает ей зла. Что там ни говори, а Олаф и Эрин обращались с ней по-родственному, и она ни в чем не знала нужды, если рядом был кто-нибудь семьи Конара.

И только одного ей недоставало — родного дома. Недоставало Рагвальда, Филиппа, Гастона, даже отца Мэтью — всех, кто остался из ее семьи.

На мгновение она остановилась, чтоб перевести дыхание, затем опять двинулась вниз, надеясь, что встретит там Мергвина или Дариа, Рианнон или детей Бриана и Брайса. Но внизу она услышала только голоса Эрика и Конара.

— Я бы охотно здесь еще пожил. Право, брат, я остался, если бы в этом была нужда. Но у вас тут как будто все спокойно.

— Пока все спокойно. Но мы начеку, — ответил Эрик!

Стараясь не шуметь, Мелисанда спустилась еще на несколько ступенек и остановилась, увидев обоих братьев. Они беседовали наедине, сидя в громадных кресла перед пылающим очагом с чашками эля в руках, как две капли воды похожие друг на друга, — сыновья Норвежского Волка: могучие, широкоплечие, золотоволосые, уверенные в себе победители.

— Вот дома сейчас тревожно, — сказал Эрик брату.

Мелисанда вздрогнула, ей показалось, что они говорят о ее доме, но она тут же сообразила, что речь идет Ирландии.

— Отец всегда сумеет защититься, — продолжал Эрик. — Город огромный, стены крепкие. Правда, после смерти деда Найал не очень-то хорошо справляется с малыми королями — все время раздоры и стычки. Но что важно, — решительно предупредил он Конара. — Отовсюду идут вести, что датчане готовят вторжение. Пора вспомнить о наших викингских обычаях! Если бы, скажем, здесь началась война, я созвал бы родичей со всего света, и мы бились бы вместе, плечом к плечу. Датчане не удовольствуются тем, что захвачено, они пойдут дальше и дальше. Их тысячи и тысячи, — так гласит молва, — и скоро они окажутся в самом сердце франкских владений.

— Но крепость неприступна, — возразил Конар. — Не хуже отцовского Дублина. Стены такие мощные, что, сидя за ними, нетрудно отбить и самую крупную армию.

— Крепость — пожалуй, — согласился Эрик. — Но главные бои развернутся в окрестностях. Подумай, брат, где только ни сражались викинги, взять хотя бы нас — Вестфолдов! — Он широко повел рукой. — От русских равнин до Средиземного моря. Даже в землях ислама. И если датчанам хватит отваги, они сумеют пробиться в глубь страны. Кто-нибудь должен дать им отпор.

— Меня тревожит, — сказал Конар, — что франкские бароны недооценивают противника. — Он задумчиво смотрел в огонь, как бы пытаясь заглянуть в прошлое. — Когда отец прибыл в Ирландию, он сразу же стал захватывать лошадей и использовать их в бою. Принято считать, что викинги — просто морские разбойники, что мы только и способны ударить с налету. Кто не видел своими глазами, тот и представить не может, как быстро мы всему обучаемся. К примеру, отец поселился в Ирландии, и теперь наши корабли несут на борту хорошо обученных боевых коней. Многие викинги, правда, и сейчас доверяют только морю да своим кораблям, но есть и такие, кто готов использовать завоеванное. Они станут драться верхом и будут обращать против своих врагов то, чему у них же научились.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — откроешь глаза своим союзникам.

— Еще бы. Потому-то я и одержал тогда победу над Джеральдом. Ему и в голову не могло прийти, что на помощь Мэнону появится целая армия, наполовину состоящая из викингов, явившихся из-за моря со своими собственными верховыми лошадьми!

— Мой тебе совет, брат, — остерегайся! У твоего врага длинные руки, и с годами его ненависть не остыла. Будь настороже и берегись получить удар в спину.

— Единственное, что нас может спасти, — прочный союз баронов. Король в Париже слаб, от захватчиков предпочитает откупаться. А цена все растет.

Эрик пожал плечами.

— Помни, Конар, мы здесь всегда готовы тебе помочь. Молю Бога, чтобы все у тебя наладилось: привезешь Мелисанду домой, там торжественно возобновят брачные обеты, и это даст тебе желанный перевес. Если граф Одо так считает, значит, так оно и есть. А такому союзнику, как граф Одо, цены нет.

— Я тоже так думаю, — согласился Конар.

Он продолжал говорить, Мелисанда слышала его глубокий, звучный, волнующий голос, но слов она больше не разбирала: лицо ее запылало, колени подогнулись. «Так вот в чем дело!» И ее охватил внезапный безудержный гнев.

Он виделся с графом Одо! И получил предупреждение — ему не сохранить своих владений, если остальные бароны не признают его брака законным.

Он попросту вынужден был приехать за ней! И не доброте своей он забирает ее на родину. Все, что ему было нужно, — чтобы она торжественно, при всех повторила свои обеты. Да, но теперь, когда их брак осуществился на деле, что она может возразить?

Но она не смирится, нет, не смирится! Стоит только ей захотеть — и она помешает его планам!

Она схватилась за резные деревянные перила и взлетела наверх, в свою комнату. Там она прислонилась к двери, с трудом переводя дыхание, сердце ее колотилось.

Так. Теперь она точно знает, чего он хочет.

Это меняло все, кроме одного. Она по-прежнему рвалась домой. Всем сердцем — домой!

Что ж! Она и едет домой. И не с пустыми руками. Наконец-то у нее есть то, о чем она мечтала, чего добивалась, что так хорошо служило ему, а теперь будет служить ей. То, что ей принадлежит по праву. Свое собственное.

Власть.

И будьте уверены, она ей воспользуется.

Вечером, успешно миновав пустующий холл, она поспешила в конюшню. Она хотела взять свою лошадь и отправиться к ручью, посидеть в лесной тишине, наблюдая за мирным бегом струящейся воды и поразмышлять над тем, что с ней происходит. Но грум, извинившись, объяснил, что это невозможно. «Однако Конар себе слишком много позволяет, — подумала Мелисанда, — пожалуй, он злоупотребляет своей властью, ограничивая мою свободу».

— Я пока что имею право ездить на своей лошади, — упрямо отрезала она. — Можешь доложить своему хозяину, что я не собираюсь отказываться от прогулок верхом из-за его прихотей.

Но не успел парень сделать и двух шагов, как появился Мергвин.

— Приведите лошадь для леди и пони для меня. Она поедет со мной.

Мелисанда подумала, что юноша будет против, но тот, взглянув на Мергвина, молча кивнул и поспешил за лошадьми. Она изумленно посмотрела на почтенного старца и слабо улыбнулась:

— Признайтесь, Мергвин, вы ведь знали, что он хочет отправить меня домой?

— Знал, — согласился друид. — Мне явилось знамение. Я бы мог вам, кстати, рассказать кое о чем, но боюсь, что вы неправильно истолкуете мои слова.

— Вполне может быть, — немного смущенно проговорила она. — Вы не знаете, где сейчас Грегори?

— Он вроде собирался вернуться к Альфреду в Вексхэм. Здесь на побережье ему стало жарковато.

Тут появился мальчик с лошадьми. Он почтительно помог Мелисанде сесть в седло, и она благодарно улыбнулась ему.

— Может быть, вы и мне поможете в этом, мой юный друг! — обратился к нему Мергвин, — ведь леди легка, как горная нимфа, а я стар, как холмы.

Мелисанда улыбнулась, наблюдая за дряхлым старцем, с трудом забирающимся на лошадь с помощью молодого человека.

Наконец он все же удобно устроился в седле и оглянулся на нее.

— Ну? Мы можем ехать?!

Она кивнула, и они тронулись медленной рысью, потом перешли в галоп.

До поля она летела, прижавшись к шее лошади, с восторгом слушая ветер, свистящий в ушах, но по полю, сквозь густо разросшую траву, лошадь снова пошла рысью. Когда же вдаль показался гребень горы в пятнах; зелени, она замедлила шаг, и Мелисанда услышала прерывистое сопение за спиной.

— Это прогулка, а не состязание в скорости, — раздражение сквозило в голосе Мергвина.

Оглядываясь на окружающую красоту, она ласково посмотрела в суровые глаза старика и извинилась, быстро и горячо:

— Простите меня, я забылась!

— Да, именно так. Вы думаете, что если вы столь быстры и проворны, то вам легко удастся убежать от такой развалины, как я?!

— Вы не справедливы ко мне. Зачем мне сейчас бежать, если я скоро поеду домой?

Он замолчал.

Мелисанда осторожно дотронулась до его сухой узловатой руки.

— Я скоро поеду домой, — повторила она твердо и решительно.

Минуту он внимательно глядел в ее глаза, словно пытался прочесть в них что-то, потом тяжело вздохнул:

— О леди, так вы все же уезжаете от нас — домой. Так, значит, это началось!

— Что началось?

— Колеса Судьбы завертелись.

— А-а, ты про датчан, — небрежно буркнула она. — Что ж, датчане нападали на нас много раз.

— И, тем не менее, вам грозит теперь не просто набег, а целое нашествие.

— Единственное, что мне грозит — это Конар! — резко ответила она. — И надо быть совсем слепым, чтобы этого не замечать.

— Я не слепой, — с негодованием возразил ей Мергвин.

Они выехали на тропинку, ведущую к ручью. Мелисанда соскочила с лошади и пошла пешком вниз. Дойдя до ручья, она остановилась и освежилась его ледяной водой.

Мергвин молча наблюдал за ней.

— Тебя подстерегает опасность, — неожиданно произнес он.

— Опасность? — тихо переспросила она. Он медленно приблизился к ней и, неожиданно упав перед ней на колени, с мольбой в голосе проговорил:

— Прошу тебя, прислушайся ко мне, самая большая опасность для тебя, если ты разлучишься с Конаром.

Мелисанда почувствовала, что он вложил в эти слова всю свою душу. Она была тронута.

Мягко высвободив руку, она помогла Мергвину подняться. Внимательно взглянув ему в глаза, она погладила его по щеке.

— Я буду скучать по тебе, — прошептала она. — Я буду скучать по тебе всем сердцем.

Может быть, ты все же поплывешь с нами?

Он отрицательно покачал головой.

— С вами поплывет Бренна.

— Бренна, — задумчиво повторила Мелисанда, провожая взглядом плывущий по воде листок.

Потом повернулась к нему, чувствуя лихорадочное биение сердца — наверное, из-за того, что он упомянул имя Бренны.

— Не расставаться с Конаром? Но я не хочу потерять свой дом, свою страну. Он заставил меня уехать оттуда, а это была моя земля!

— И ты подвергалась постоянной опасности, находясь на ней.

— А теперь он хочет, чтобы я вернулась...

— Потому что вам пришло время править землей вместе.

— ...потому что ему пришло время понять, что я совершеннолетняя, ему надо обновить наши брачные ты, и он не может уже править моей землей один.

Мергвин печально покачал головой.

— Мелисанда, ты была так юна, когда стала его женой! И ему ничего не оставалось, как отвезти тебя в Ирландию и ждать.

— А теперь, что изменилось теперь?

— Ну, сейчас все по-другому.

Она с удивлением нахмурилась и посмотрела на него.

Мергвин пожал плечами.

— Прошлой ночью...

— Так вы все знаете, да? — ее лицо залила краска. Мергвин опять пожал плечами, и чуть заметная улыбка скользнула по его губам.

— Только слепой может этого не знать, Мелисанда!

Она покраснела еще гуще и, поджав колени, стала всматриваться в свое бегущее отражение в воде ручья.

— Леди, вы упрямы, вы слишком упрямы, — предупредил он, — но ради вашего счастья, ради вашего будущего — не забывайте о том, что я вам сказал!

Он выглядел очень взволнованным и бледным. И снова она ласково погладила его по щеке и обняла. Но тут же резко отшатнулась, увидев через его плечо на поляне Повелителя Волков, с интересом глядящего в ее сторону. Из-за его спины выглядывали о чем-то шептавшиеся Дариа, Бриан и Брайс. Она быстро поднялась и помогла встать старому друиду. Мергвин молчал.

К ним быстро подходила Дариа, глаза ее сияли, но улыбка казалась печальной. Мелисанда крепко обняла невестку, затем Бриана и Брайса, с которым особенно подружилась. Бриан и Брайс, поочередно немного неловко прижали ее к груди.

— Мы будем скучать без тебя! — сказала ей Дариа. — Особенно я. Без твоих лихих скачек, книг, стихов и скабрзных песенок!

— Дариа! — с упреком вздохнул Брайс. Дариа криво усмехнулась и продолжала:

— Мы все будем скучать — и Рианнон и дети, — ты не представляешь, как они любят тебя!

Мелисанда чувствовала, что слезы подступают ей к горлу. Она чувствовала любовь этих людей и знала, что это — ее друзья.

— И я буду скучать без вас, — сказала она с надрывом, — да, очень!

Ее отрезвил пристальный взгляд Конара, внимательно наблюдавшего за ней. Не говоря ни слова, он повернулся и медленно зашагал к лесу.

Дариа снова взволнованно заговорила.

— Куда бы тебя ни занесло, милая моя, мы тебя отыщем, ты же знаешь, какие у нас в роду моряки. Так что мы расстаемся ненадолго.

— Я буду ждать нашей встречи с нетерпением! — искренне обрадовалась Мелисанда. Она опустилась на торчавшую корягу, чувствуя внезапную усталость. Дариа присела рядом с ней. Брайс и Бриан устроились рядом.

— Мы обязательно приедем к тебе из Вессекса.

— Или из Дублина, — добавил Брайс.

— Спасибо, — смущенно пробормотала Мелисанда, — спасибо вам всем. Я надеюсь, что мы скоро увидимся. Здесь так хорошо, и Дублин прекрасен, и замок прекрасен... Мне не хочется уезжать отсюда. И я надеюсь, вы сдержите свое слово и приедете!

— Как только представится удобный случай, — заверил ее Брайс.

Они говорили очень долго, и Мелисанда не заметила, как ушел Мергвин. Она надеялась, что старый друид пошел разыскивать Конара.

Уже сгустились сумерки, а они все еще сидели у ручья. Наконец они решили, что пора бы и им отправиться домой. Но когда Мелисанда отвязывала свою лошадь, она заметила рядом пони Мергвина. А неподалеку стояла еще одна, неизвестно откуда взявшаяся лошадь.

Мергвин был где-то здесь, в лесу.

И он был не один.

Дариа, вскочив на лошадь, сообщила Мелисанде:

— Бренна поплывет с тобой. Мергвин прощается с ней, это их последние минуты.

Мелисанда смутилась. Неужели эта элегантная блондинка, находящаяся на побегушках у ее мужа, может вступить в интимные отношения с Мергвином, старым друидом? Бред!

Дариа весело махнула рукой в сторону леса.

— Они спорят о земле, звездах и небесах, и пытаются предвидеть, что нас ожидает в будущем. Пошли скорее! У Рианнон сегодня вечером будет роскошный праздничный стол.

— Да, пойдём, — согласилась Мелисанда.

Когда они вернулись в замок Эрика, хозяева ждали их в большом зале.

Эрик обнимал свою очаровательную жену. Огненно красные блики от огня вспыхивали в ее волосах.

Мелисанда шла, задумавшись, ничего не замечая вокруг. Но Рианнон при виде ее быстро высвободилась объятий супруга и обратилась к ней:

— С тобой всегда было хорошо, Мелисанда. Помни ты всегда желанный гость в нашем доме!

— Спасибо! Теперь я вас покидаю и молю Бога, чтобы он послал мне в будущем не одну встречу с вами.

— Конечно. Мы обязательно приедем, обязательно встретимся, — засмеялась она. — Дети наверху, я думаю, они обрадуются тебе, если ты перед отъездом зайдешь к ним попрощаться.

— Конечно, я сейчас же поднимусь к ним!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она побежала по лестнице. У дверей детской ее уже встречал Гарт.

— Мама сказала, что ты ни за что не уедешь, попрощавшись с нами!

— Конечно!

Мелисанда приподняла его с пола, присела к нему на кровать и, держа его на коленях, начала укачивать, хотя он был уже большой мальчик.

— Мне скоро разрешат обедать в зале, — сказал он, — я уже достаточно взрослый, чтобы обедать вместе со всеми. Скоро я уже смогу сопровождать в поездках моего папу и дядюшек.

— Ты не должен особенно торопиться, — сказала ему Мелисанда, подмигнув молоденькой служанке, присматривавшей за детьми Эрика и Рианнон.

— Ты женщина. Тебе этого не понять.

— Я женщина, но, тем не менее, я сражалась в битве. И все же ты не должен так торопиться, — еще раз повторила Мелисанда.

Она встретила внимательный взгляд Гарта. Все-таки как он похож на отца!

И на дядю.

Тут она вздрогнула, и даже Гарт почувствовал это.

— Ты дрожишь, ты чего-то боишься? Она покачала головой.

— Нет, нет. Я просто взволнована. Он слез с ее колен.

— Я думаю, ты хочешь покачать мою малышку сестру.

— Да, я хотела бы взять ее на руки.

Она наклонилась над маленькой и изящной колыбелькой и осторожно взяла на руки

воркующего младенца.

— Это бесценное создание, Гарт. И незащищенное. Ты должен присматривать за ней.

— Хорошо, — пообещал он, и вдруг, в порыве нежности, прижался к ее локтю. — Если у тебя будут дети, я обещаю, что буду присматривать за моими маленькими кузинами.

Дети... Она опять почувствовала какую-то тревогу, и взгляд ее обратился мимо юной служанки на дверь. Там стоял Конар и глядел на нее голубыми, суровыми глазами.

Дрожь пробежала у нее по спине.

Гарт обернулся и, радостно вскрикнув, бросился к дяде. Конар весело подкинул его в воздух, потом бережно опустил на пол и серьезно пожал детскую руку.

— Я надеюсь, мы еще увидим тебя на берегу?

— Да, дядя, я обязательно приду!

Мелисанда положила малютку обратно в колыбельку и, мягко скользнув по ее щечке нежными пальцами, направилась к выходу. Конар был занят с Гартом;

Мелисанда тихо сказала им «пока», пытаясь незаметно проскользнуть мимо них.

— Мелисанда! — позвал Гарт.

Она остановилась и медленно обернулась к ним. Он быстро подбежал к ней и обнял ее. Она наклонилась и ласково поцеловала его.

— Прощай, Гарт!

И вышла из комнаты, оставив их вдвоем.

Она почти бегом спустилась вниз по ступенькам.

Спокойная мерная музыка лютни лилась по залу. Слуги неспешно сновали взад-вперед, уставляя праздничный стол огромными блюдами с разнообразной снедью: тут был и зажаренный кабан, и красочные фазаны, и корзины со спелыми ягодами и фруктами.

Рианнон обернулась, легкая улыбка скользнула ее губам. Мелисанда обошла длинный стол, направляясь к своему месту.

Вдруг она услышала у своих ног странные звуки. Одна из гончих ворвалась в зал и теперь, тихонько поскуливая, тыкалась в ее руки влажным носом. Собаку звали Даг.

— Я ведь уже попрощалась с тобой, а? — прошептала Мелисанда, глядя собаку по жесткой шерсти.

Даг снова заскулил и дробно застучал хвостом полу. Она увидела, что он смотрит куда-то поверх весело повиливая хвостом в разные стороны.

Конар. Он все-таки настиг ее.

— Сядем? Рианнон и Эрик уже садятся.

Обняв ее за плечи, он повел ее к их местам. О, как она мечтала в этот момент избавиться от рук этого викинга.

Когда все они оказались вместе за праздничным столом — Эрик и Рианнон, Конар и Мелисанда, Дариа Бриан и Брайс, Мергвин и Бренна и еще несколько человек из свиты Эрика, норвежцев и англичан, — перед Конаром и Мелисандой оказался один кубок на двоих. По обычаю, они должны были есть из одной посуды и пить из одного сосуда. Холодно улыбнувшись Конару, Мелисанда осушила кубок до дна.

Но Конар промолчал. А она начала рассказывать Брайсу о Герое — роскошном гнедом жеребце из конюшен ее отца.

— Он уже в годах, но я представляю его молодым, как он скачет и резвится на наших полях... Я думаю, он еще помнит меня.

— Нельзя сказать наверняка, — заметил Брайс, — ты так давно его не видела... Хотя,

может, он и не забыл твоей ласки.

— Вам не понадобится такая лошадь, — внезапно вступил в разговор Конар.

Он хочет сказать, что ей нельзя ездить на отцовском коне?

— Герой выращен для битвы. Это вам не какая-нибудь кляча для прогулок верхом в близлежащий подлесок, — это настоящий боевой конь!

— Так вы хотите сражаться? — воскликнул Брайс. Несколько восхищенных взглядов обратились на Мелисанду.

Она немного смущенно пожала плечами.

— Мой отец умер в бою, защищая свой край, мои люди остались без военачальника, и я должна...

— О, как это смело! — воскликнула Дариа.

— Великолепно, — сухо подтвердил Конар. — Однако я не слышу продолжения. Именно тогда мы и познакомились с моей горячо любимой женой. Она попала прямо в лапы злодея-родственника, убившего ее отца.

— Но, Конар, иногда нет выбора! — заметила Рианнон.

Внезапно наступила мертвая тишина, и Мелисанда покраснела, чувствуя на себе многочисленные взгляды.

— Моя жена — прекрасный стрелок и очень часто попадает в цель, — весело объяснил Эрик, — правда иногда целью являюсь я.

— Может, вы воздержитесь от дальнейших советов Мелисанде, как полагается себя вести образцовой жене? — спросил Конар.

Все засмеялись.

— Нет, оружие Мелисанды — меч. Неужели ты никогда не видел, как она ловко владеет мечом, Конар? — воскликнул Брайс.

— Пока не приходилось, но если ты, брат, говоришь, что она талантлива, то я верю тебе.

— Она упражняется в этом почти каждый Божий день.

— До сих пор?

Мелисанда сделала вид, что внимательно изучает надпись на их кубке. Однако она чувствовала взгляд Конара, чувствовала, что сейчас что-то произойдет...

— Ты собираешься ринуться в битву, моя дорогая?

— Я надеюсь на мир.

— Тогда почему же с мечом?

Вино придало ей храбрости, и она с самой невинной улыбкой ответила:

— Я хотела бы потушить вас на медленном огне с овощами и приправами, милорд!

За столом раздался смех. Но она видела только кривую улыбку мужа и его глаза, излучающие ледяной свет. Она чувствовала, как гнев пробуждается в нем.

Она выпила слишком много вина.

Он положил свои пальцы на ее, держащие кубок, и требовательно спросил:

— За мужество?

— Нет, милорд, вряд ли, — она покачала головой, — во всяком случае, не сегодня.

Сегодня у меня есть несколько вопросов.

— Так, может быть, ты их задашь? — спросил довольно тихо.

— Действительно, почему бы и нет?

— Ну и?

— Дело в том, что вы, милорд, заинтересованы сейчас во мне. Вам кое-что от меня

нужно. Но в обмен я хочу кое-что для себя.

— И я вижу, мне лучше повеситься на бушприте^[6] собственного корабля, чем не уступить тебе?! — усмехнулся он.

Она попыталась взять кубок, но он крепко держал его.

— Если ты планируешь сделку, любовь моя, то научись скрывать свои мысли!

— Посмотрим, посмотрим, однако, ты заинтересовался сделкой!

— Почему бы и нет? — мягко ответил он, — лучше открой мне, чего ты от меня хочешь?

— Не здесь и не сейчас. Между прочим, кроме нас на банкете присутствует твоя горячо любимая невестка. Не дай нам Бог попасться ей на язык.

— Тут также сидит и ее заботливый муж.

— Который стал таковым, благодаря полезным урокам Рианнон.

— Может и так, — задумчиво ответил Конар, — а может и нет.

Внезапно он поднялся, резко отодвинув стул и протянул ей руку. Мелисанда изумленно поглядела на него, но он, не обращая на это внимания, рывком поднял ее из-за стола.

— Но Конар, — начала было она и замолкла, увидев, что он уже обращается к Рианнон.

— Рианнон, твой стол, как всегда, великолепен. Большое спасибо тебе за этот прекрасный ужин. Теперь нам, пожалуй, надо идти, ибо мы хотим отплыть с утра пораньше.

— Да, конечно, — сказала Рианнон, — жаль только, что вы нас покидаете.

— Ага, — согласился Эрик, обнимая жену за плечи, — но я думаю, мы скоро встретимся.

— Мы обязательно проводим вас завтра, — добавила Рианнон, — Бог в помощь, Мелисанда.

— Спасибо, — пробормотала та, абсолютно потерянная и ошеломленная.

Конар быстро пожелал всем спокойной ночи и вышел из зала, продолжая крепко сжимать руку Мелисанды.

Наконец, когда они уже поднимались по лестнице, Мелисанда, обретя дар речи, спросила:

— Послушай, что с тобой стряслось? Я даже толком не успела поесть. Между прочим, Рианнон сделала такой стол в твою честь!..

— Я глубоко сожалею, моя дорогая, — сказал он равнодушно, — но ты ведь сама настаивала на раннем отплытии.

— Я?..

— Да, ты меня очень возбуждаешь. Я просто не смог больше усидеть за столом...

— Я не понимаю...

— Однако возбуждаешь...

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я понимаю только, что ты отвратителен, мерзок и груб. И ведешь себя, как...

— Викинг?! — закончил он. Он остановился у ее двери и приоткрыл ее. Дверь в ее комнату. Это была только ее комната!

Она вырвалась из его рук и, проскользнув в комнату быстро, захлопнула дверь — прямо перед самым его носом. Тяжело дыша, она налегла на нее всем телом, пытаясь задвинуть щеколду. К сожалению, она опоздала.

Конар ворвался следом и, толкнув ее вглубь комнаты захлопнув за собой дверь, резкий визг которой резанул слух Мелисанды.

— Давай поговорим, любовь моя. Что за торговлю ты ведешь со мной?

Она твердо решила поставить на место этого человека и не поддаваться ему. Она многозначительно сказала:

— Ты приходишь ко мне, если только во мне нуждаешься.

— О чем ты говоришь? — нахмурился он.

— Ты привык брать то, в чем нуждаешься, силой.

Он раздраженно махнул рукой.

— Я никогда не сломаю стену непонимания между нами! Я как был для тебя мерзким викингом, так и остался, Ты когда-нибудь прекратишь надо мной издеваться?

Она не обратила внимания на эти слова.

— Сейчас, например, я тебе нужна. Помнишь, Одо сказал тебе, что повторная свадьба необходима, чтобы закрепить твою позицию среди этих знатных баронов. И сейчас ты вернулся за мной как раз за тем, чтобы я повторила свою клятву всенародно.

— Ну и что ты от меня хочешь потребовать за это?

— Я уже не дитя малое, Конар. Ты не можешь заставить меня плясать под твою дудку так, как это делал Рагвальд. Но если попробуешь повести меня в церковь, то это тебе дорого обойдется.

— В каком смысле дорого?

— Все самое важное я тебе уже сказала, — ответила она.

Он вышел в свою комнатку и подошел к еле горящему очагу. Ночь была сырой и холодной, сквозняки гуляли по замку.

С минуту он смотрел на огонь. Потом вернулся к ней. Он подошел сзади и нежно дотронулся до ее волос.

Она обернулась.

— Так чего же ты хочешь? — тяжело дыша, спросил он.

Его близость опять волновала ее: она чувствовала, как огонь пробегает по ее телу, и оно наливается приятным теплом.

Он стоял за ее спиной — и это действовало ей на нервы. Она резко повернулась, высвободившись из его рук.

— Свободы, — тихо, но твердо ответила она.

— Тогда ты ошибаешься, считая, что клятва перед алтарем — это верный путь к свободе; боюсь, это не совсем то, чего тебе хочется.

— Я хочу свободы. Хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Я, конечно, поплыву с тобой завтра, но это просто из-за того, что я безумно хочу домой.

— У тебя здесь теперь тоже много друзей, — напомнил он ей.

— Это не меняет дела. Больше всего на свете я хочу вернуться домой, — тихо ответила она, — и я всегда хотела этого.

— Продолжай!..

Он был слишком близко от нее, и по-прежнему гладил ее волосы.

Она попыталась освободиться, но он крепко держал ее.

— Продолжай, — твердо произнес он. Она облизнула пересохшие губы, и вдруг почувствовала неожиданный прилив сил...

— Ты, идиот! — закричала она. — Я поеду с тобой во Францию, я подтверждаю все обеты, но я хочу остаться после этого одна! Спать одна! Я буду жить в отцовской комнате, и ты не посмеешь в нее входить.

Конар замолчал, и в комнате воцарилась мертвая тишина. Единственным звуком, который она слышала, было его дыхание, частое и прерывистое.

Он продолжал задумчиво гладить ее волосы. Его голос был бархатным и чуть хриловатым, — такой спокойный, но она знала, что в любой момент Конар может сорваться.

— Я должен сказать, что никогда не отпущу тебя!

— А я и не собираюсь просить об этом. — Она попыталась вырваться, но он неожиданно сжал пальцы с намотанными на них волосами в кулак.

— Ты посмел причинить мне боль! — закричала Мелисанда.

Он медленно покачал головой.

— Нет, леди, вы сами себе причиняете боль. Стойте спокойно, и с вашими волосами не случится ничего плохого.

На мгновение она застыла, внимательно разглядывая его, пытаясь забыть про недавнюю боль.

Сейчас речь идет о будущем. Не противоречь ей и все кончится хорошо. Перестань сопротивляться желанию, и твои нервы успокоятся.

— Я не могу справиться с тобой сейчас! — выкрикнула она. — Я не умею издеваться и таскать тебя волосы, но я смогу причинить тебе множество неприятностей и другими способами. И я постараюсь сделать...

— Не стоит угрожать мне!

— Ты первый начал...

— Но я думал, ты собираешься заключить какую-то сделку.

Тут она дала волю своим чувствам.

— Называй это как хочешь, но я останусь наследницей своего отца, и никто не в силах изменить этого.

— Ты ошибаешься, Мелисанда. Я стал лордом этой страны не потому, что женился на тебе, меня призвал твой люди, и ты это знаешь, Мелисанда!

— Пусть даже и так! — крикнула она. — Но сейчас ты здесь только лишь потому, что Одо предупредил тебя, что я тебе понадоблюсь!

Внезапно он отпустил ее и, шагнув к очагу, протянул озябшие руки над огнем.

Она напряженно наблюдала за ним, молясь, чтобы победа в этот раз оказалась за ней.

Он обернулся к ней:

— Будь добра, повтори еще раз свои слова, я хочу удостовериться, что не ослышался.

— Ты не ослышался!

— Даже самый мерзкий викинг имеет право услышать твой ответ дважды, — сказал он, медленно шагая по комнате из угла в угол. — Ты так часто клялась мне в вечной любви, верности... и так хочешь теперь, чтобы мы расстались. Что ж, иди, собирай свои вещи. Давай, милая, ты будешь жить в целомудрии и непорочности.

Она промолчала — ее жутко злил его тон.

— Что с тобой?

Эта фраза всколыхнула в ней утихший было гнев.

— Ты настолько неотесан, что не замечаешь ничего!

Через мгновение она уже жалела о сказанном... В гулкой тишине он схватил ее за руку и резко развернул лицом к себе. Потом неистово обнял ее, глубоко запрокинул ее голову. Она смотрела на него с болью и тайной надеждой.

— Замолчи! — грубо отрезал он.

— Я сделаю адом твою жизнь в Руане! — вырываясь, крикнула она.

— Я не боюсь твоих детских угроз, Мелисанда!

— Да будь ты проклят сейчас! — воскликнула она, продолжая вырываться из его рук, — ты способен только на грубое насилие!

— Ты сама в этом виновата, — возмутился он и громко выругался: ей удалось сильно ударить его под коленку. — Вот видишь, ты сама вынуждаешь меня к этому!

С этими словами он сжал ее еще крепче и легко поднял на руки; она почувствовала себя целиком во власти его сильных напрягшихся рук, его горячее дыхание обжигало ее нежную кожу.

— Отпусти немедленно! — крикнула она в отчаянии. И вдруг он послушался ее, осторожно опустил на кровать. Их глаза встретились, и Мелисанда удивилась с такой нежностью смотрел на нее викинг.

— Я уже говорил тебе, Мелисанда, я хочу толы тебя! — он ласково провел пальцами по ее губам.

— Как ты смеешь говорить мне это сейчас? — сдавалась она.

— Может, это и безрассудно... — предположил он.

— Это жестоко! — отрезала она.

Он улыбнулся и нежно потрепал ее по щеке. Она отвернулась и с тоскою поглядела на дверь. Больше всего на свете ей хотелось сейчас уйти, убежать отсюда. Ей та хотелось этого!

— А, дверь! Свобода! — пробормотал он. Их взгляды встретились.

— А если я убегу?

— Ну что же, если ты убежишь, то я тебя, конечно, найду и притащу обратно за волосы, — насмешливо произнес он.

Нет, он не притащит ее сюда за волосы. Она просто сумеет убежать отсюда.

— А если я не убегу? — спросила она, затаив дыхание.

— Ну, в таком случае... — он неожиданно прикоснулся к ее телу у выреза туники. Она хотела склониться, но он поймал ее; туника скользнула ниже, обнажая грудь. Конар с удивлением посмотрел на Мелисанду.

— Я попросил бы тебя сидеть спокойно, я вовсе не хочу с тобой бороться, — объяснил он.

— Чем дальше, тем хуже! — возмутилась Мелисанда.

— Нет, леди, нет же! — чем дальше, тем лучше! поправил он.

Его губы нашли ее, он начал медленно ласкать тело, разжигая в нем уже знакомый Мелисанде пламень.

...Она немного поспала, пока он собирался в дорогу.

Потом сквозь сон почувствовала, что он дотронулся до ее руки. Она тяжело вздохнула и отвернулась.

— Оставь меня.

Но он притянул ее к себе и начал целовать; она возмущенно вырывалась.

— Если ты снова начнешь это издевательство, я клянусь, ты будешь жестоко наказан!

— Клянитесь, леди, но подымайтесь. Мы зря теряем время. Пора ехать. Море не всегда бывает благосклонно — лучше бы нам воспользоваться отливом!

С этими словами он вышел. Скоро она услышала звуки льющейся воды — граф изволил умываться.

Внезапно ей в голову пришла мысль, от которой она окончательно проснулась. Его слова... они были нежные и теплые. И дышали любовью.

И она возвращается домой.

Она так соскучилась по дому, что готова была отдаться хоть дьяволу, лишь бы оказаться на родине.

Ей было очень жаль расставаться с людьми, к которым она уже успела привязаться, но радость возвращения домой настолько переполняла ее, что все остальные чувства казались незначительными.

Ладьи Конара все еще находились в удалении от берега, но она больше не в силах была терпеть. Он остановил ее возле самого борта.

— Сударыня, не спешите! Вы испортите платье!

— Что-то ты не очень заботился о нем в спальне, когда рвал его в клочья, — возмущенно парировала она. — Ничего не случится, если я замочу подол.

Он громко выругался, а потом вдруг подхватил ее на руки, легко перемахнул через борт ладьи и перенес через мелководье, доставив, наконец, на родную землю.

В крепости давно уже заметили их прибытие, и на берегу собралась толпа встречающих. Как только Конар опустил ее на песок, она, не чуя под собой ног, побежала навстречу Мари де Тресси, ожидавшей ее с распростертыми объятиями.

— Мелисанда, Мелисанда, сударыня, а как выросла — совсем взрослая стала!

— Ах, Мари, как я соскучилась по тебе!

Однако ей не долго пришлось обниматься с Мари, следом за ней прибежали и Филипп, и Гастон, и многие другие — старые друзья и слуги ее отца.

Поприветствовать ее явился Свен, и она поздоровалась с ним хотя и сердечно, но несколько скованно, гадая, как он хозяйничал здесь в ее отсутствие. Однако она постаралась отбросить грустные мысли, равно как и не обращать особого внимания на то, что следом за ними на берег высадились Бренна, тоже совершившая это плавание.

— А где же Рагвальд? — нарочито громко спросила она у Филиппа. Тот улыбнулся и подался в сторону, уступая дорогу ее старому наставнику, который со слеза ми на глазах прижал Мелисанду к груди.

— Крепость показалась мне пустыней в твое отсутствие, дитя мое, — воскликнул он, не выпуская из объятий.

— Весь мир казался мне без вас пустыней, дорогие мои, — отвечала она.

— Давайте же поскорее вернемся, друзья, — предложил Рагвальд, продрогший на холодном влажном ветру. — Мы привели с собой еще одного твоего старого друга, с чьей помощью ты легко преодолешь любое расстояние, — восторженно добавил Рагвальд. Он обернулся в сторону молодого груга, одетого в костюм грубой домотканой шерсти. Мальчик выступил вперед, ведя под уздцы Героя.

Невольно вскрикнув от радости. Мелисанда подошла к скакуну и погладила бархатную морду. Благородное животное отшатнулось от неожиданности, но тут признало свою хозяйку. Подавшись вперед, жеребец потерся мордой о ее плечо. Она радостно рассмеялась.

— Ах, Герой, ты все еще помнишь меня!

— Не похоже, чтобы он тебя позабыл, — послышалось за ее спиной.

Конар. Он снова стоял вплотную за ней. Как всегда. Она скрипнула зубами, вспомнив его заверения за пиршественным столом прошлым вечером, что отныне ей понадобится боевой конь.

Внезапно глаза ее наполнились слезами обиды. Можно подумать, что она сию минуту собирается отправляться на войну! Неужели непонятно — она наконец-то вернулась домой.

И больше всего нуждается в мире и отдыхе. Пусть только попробует после всего, что было с ними, попытаться лишиться ее счастья прокатиться на жеребце.

Она невольно опустила отяжелевшие от слез ресницы и вся напряглась, снова услышав его голос:

— Ну же, сударыня. Позвольте подать вам стремя.

— Благодарю, — осторожно отвечала она, с недоверием взглянув на него.

И вот она уже в седле. Она с нетерпением ждала, когда же, наконец, бросит якорь шедшая самой последней ладья Конара — он построил ее специально для того, чтобы везти в ней своих лошадей. Подобному тому, как он не желал пускаться в путь без Бренны, он не желал пускаться в путь и без Тора. Наверное, в этом и заключалась главное отличие привычек Конара от привычек его отца, грабившего когда-то побережье Ирландии. Однако еще со времен их прародителя, Олафа, Норвежского Волка, у викингов повелось перенимать обычаи покоренных народов. Так, Конар стал использовать в боях верховых лошадей, которых возил за собой. И его не волновало, с какими трудностями придется столкнуться его людям при перевозке живого товара через морские просторы.

Экипажи его ладей были достаточно многочисленны и состояли из выносливых проверенных ветеранов — они быстро причалили и разгрузили свои суда. И вот уже кавалькада стремительно несется по направлению к крепости.

Здесь почти ничего не изменилось!

Вот они, каменные стены, которые воздвиг ее отец, по-прежнему охраняют фермы и усадьбы предместья. Вокруг стен раскинулись тучные угодья, а жители предместий и замка: прачки, кузнецы — словом, весь мастеровой люд — столпились у ворот крепости, приветствуя Мелисанду. Она сердечно поздоровалась с ними, въехала в ворота и спешила с помощью отца Мэтью. Боже правый, какая суета поднялась вокруг их кортежа! Словно и не было этих долгих шести лет разлуки.

Но вот она, наконец, прошла сквозь толпу встречающих, поднялась по лестнице в цитадель и устроилась возле камина в просторном зале своего замка. Рагвальд трогательно настаивал на том, что ей непременно нужно согреть ноги, хотя нуждался в тепле сам. Несмотря ни на что, ей так приятно было ощущать снова его заботу, видеть его преданное обеспокоенное лицо! Мари тут принесла ей кубок сладкого подогретого вина, однако поговорить им так и не дали: каждый из вновь приходящих считал своим долгом произнести приветственный тост, вино и эль лились рекою.

Улучив минутку, она огляделась, и отметила про себя насколько уютнее выглядел зал у Рианнон, благодаря украшавшим его маленьким светильникам. Солома, устилавшая пол, была отнюдь не первой свежести, а голые, без занавесок, окна легко пропускали внутрь комнат ночной холод. Она дала себе слово, что раз уж вернулся домой, то должна позаботиться о былой славе и великолепии детища своего отца.

Но тут же Мелисанда вспомнила о том, насколько важно, прежде всего, привести в порядок внешние укрепления замка — и лишь потом можно будет заняться внутренним убранством. Даже при беглом осмотре было ясно, что стены требуют основательного обновления. Кроме того, она должна быть уверена в том, что стража на стенах достаточно надежна.

Она оглянулась. Конар не спускал с нее глаз, словно читал ее мысли. Его взор как будто предупреждал ее, что впереди их ждет немало сражений.

Она с трудом отвела от него взгляд.

— Вы должны рассказать мне абсолютно обо все что случилось здесь в мое отсутствие, — обратилась она к Мари и Рагвальду, а потом требовательно посмотрела на стоявших за ними Филиппа с Гастоном. — Как чувствуют себя наши вассалы? Кого мы потеряли?

— В последнем сражении погиб Вильям из южного удела, — сообщил Гастон, почтительно кланяясь. — Жаль его — он был хорошим арендатором и доблестным воином. Его сын, тоже Вильям, принес клятву верности вам и графу Конару. Но поскольку вы были в отъезде, принял молодой Свен.

Она кивнула, потупив глаза. Свен! Слуга ее мужа. Она по-прежнему относилась с недоверием к этому человеку.

Им нужно было сделать и обсудить так много, что Мелисанда не заметила, как промчался этот день. Как только разнеслась весть о ее возвращении, в замок потянулись один за другим ее вассалы, желавшие продемонстрировать свои верноподданнические чувства. Она еще раз убедилась в том, что лишь угроза вторжения викингов в их христианский мир заставила укрепиться это феодальное государство — ведь они клялись в верности не столько ей или Конару, сколько крепким стенам их цитадели. Они приносят ей присягу, они работают на нее три дня в неделю, они повинуются ей как сюзерену. Они живут на ее землях. Она вольна даже распорядиться их жизнями. А взамен она гарантирует им свое покровительство.

За окнами уже сгущалась ночная тьма, когда поток верноподданнически настроенных мастеровых, воинов и горожан, наконец, иссяк, и в пиршественном зале остались лишь обитатели цитадели. Для них накрыли роскошный стол — и каких только яств на нем не было! Хотя теперь она смотрела на родной замок немного иначе — несомненно, он не в силах тягаться с Дублином в размерах, роскоши или числе жителей. И все же, вспоминая изящно украшенный зал Рианнон, Мелисанда не без гордости созерцала мощные укрепления своего замка и безыскусную преданность, и силу его защитников.

Светильники уже почти погасли — вероятно, и час был поздний — когда Мелисанда вдруг ощутила, насколько утомил ее этот суматошный день.

— Мари, ты не могла бы проводить свою хозяйку в постель? — спросил вдруг Конар, и она взглянула на него, пораженная его способностью читать ее мысли и угадывать желания.

— Я еще не настолько утомилась... — начала было она, возмущенная тем, что он без ее участия обсуждает со Свеном, Гастоном, Филиппом и другими мужчинами особенности укреплений вокруг ее замка. Но усталость взяла свое. В конце концов, он сегодня не стал препятствовать ее поездке верхом на Герое. Завтра, когда она не будет такой усталой, она позаботится о том, чтобы восстановить свой авторитет, а сейчас у нее нет для этого сил.

— Хотя, возможно, ты и прав, — произнесла она, утомленно прикрыв глаза, и Мари торопливо поднялась следом за ней. О, как же она была рада вновь оказаться дома. Она снова пожелала спокойной ночи слугам, преданно охранявшим ее отца, обняла Рагвальда и следовала по лестнице, ведущей во внутренние покои замка.

— Мелисанда!

Она услышала этот негромкий оклик и обернулась, недовольно прикусив губу. Она намеренно не хотела с ним прощаться, но все же наклонилась и запечатлела легкий поцелуй на его челе, обрамленном золотистыми локонами. Он постарался поймать ее взгляд.

— Я скоро приду, любовь моя.

— Ну что вы, сударь, вам незачем спешить. Можете провести здесь всю ночь, если того

потребуют дела.

— Нет, миледи, я не перенесу столь длительной луки. Я уверен, что ваше одиночество не затянется.

Стиснув зубы, она заставила себя улыбнуться и шла из зала.

И вот Мелисанда поднялась в опочивальню своего отца. Комната была и вправду огромной — в точности такой, какой она ее помнила — и после промозглого зала в ней показалось очень тепло. Возле очага ее ожидала теплая ванна, а на кровати была приготовлена рубашка из мягкой ткани. С помощью Мари она погрузилась в воду, без конца болтая о том, что успела повидать время долгих странствий — но при этом почему-то гая упоминать в своих рассказах имя Конара.

Однако про себя она не переставала думать о нем. В отцовскую опочивальню был перенесен весь ее багаж.

И его тоже.

Наконец она выбралась из ванны. Мари завернула в теплое пушистое полотенце, а потом подала ей мягкую рубашку. Мелисанда никогда раньше не видела ее.

— Откуда эта рубашка? — спросила она у Мари.

— Граф Конар привез ее в своем багаже, Мелисанда, — ответила та.

— Ах, вот как? — пробормотала Мелисанда, пока Мари помогала ей одеться.

Они поцеловались и обнялись на прощанье, и Мелисанда в который уже раз пообещала, что отныне и вовеки они больше не расстанутся. Наконец Мари удалилась. Сидя в одиночестве в отцовской опочивальне и бездумно глядя на огонь в очаге, Мелисанда прикидывала, когда же это Конар успел купить эту рубашку и предназначалась ли эта покупка именно для нее.

Или для Бренны? Или еще для какой-то другой женщины?

Мелисанда собралась было снять с себя эту рубашку, по услышала за дверью шаги Конара и поспешила юркнуть в постель под одеяло. Она закрыла глаза и притворилась спящей.

Вот его шаги замерли возле кровати. Прошло несколько томительных мгновений; он стоял неподвижно. А потом она услышала, как он раздевается.

Вот он откинул одеяло. Она почувствовала возле себя его нагое тело.

— Взгляни же на меня, Мелисанда.

Она не отвечала.

— Я знаю, что ты не спишь.

Он улегся на нее, и она почувствовала, как тепло, исходящее из его тела, проникает в нее. Она невольно открыла загоревшиеся ответным пламенем глаза. Она старалась не видеть его литого, жаждущего любви тела.

И в особенности она старалась не видеть того, что в ожидании любви столь охотно поднималось всякий раз, стоило им оказаться наедине.

Она отважилась заглянуть ему в глаза, которые в эту ночь не полыхали мрачным огнем, а были темными и загадочными.

— Почему ты так поступаешь со мной? Почему отворачиваешься от меня, избегаешь меня? Почему ты без конца борешься со мной?

— Я вовсе не борюсь с тобой...

— Неправда! И я не могу этого понять, поскольку знаю, что мои ласки тебе не противны. И меня приятно удивило, как ты на них отвечала.

«С какой готовностью я на них отвечала», — мысленно добавила она.

С трудом переведя дыхание, она постаралась не отводить в сторону взор.

— Я борюсь с тобой, — еле слышно произнесла она, — потому что ты отобрал у меня все, что я когда-то считала своим.

— Я взял лишь то, что ты не в состоянии была удержать, — покачивая головой, возразил Конар.

— Конечно, ты же викинг, — фыркнула Мелисанда. — Ты только и умеешь, что отнимать!

— Ну что ж, увы, значит, мне снова придется взять тебя, хочешь ты того или нет!

И она приготовилась бороться с ним хоть до самого утра, отталкивать его и изворачиваться, но напрасно. Он и не собирался прибегать к силе. Он просто обнимал. Он гладил ее и ласкал.

Он целовал ее.

Пока ее пальцы не стали ласкать его в ответ, пока руки не сомкнулись в объятии.

Пока он снова не одолел ее.

Как это было чудесно — оказаться дома! Слышать повсюду родную речь, гулять по окрестностям, проводить время в обществе Рагвальда, Мари, Филиппа, Гастона и других слуг, которые так любили ее. Ей было не так уж трудно избегать в течение дня Конара — тем более что он вплотную занялся укреплением стен. Однажды вечером он сообщил ей, что нашел несколько точек, весьма уязвимых для штурма.

Мелисанда горячо стала защищать творение своего отца, и Конар нетерпеливо возразил ей, что дело не в ошибках строителей, просто время и непогода сделали свое разрушительное дело. Им придется заняться укреплением стен, как только они вернутся из Руана.

Однако когда они туда отправятся, он ей не сообщил. Он по сути дела вообще ничего не сообщал ей.

А если ему вдруг хотелось просто побыть в женском обществе, он разыскивал Бренну, с которой мог беседовать часами.

Это произошло на четвертый день после их возвращения. Мелисанда рано удалилась в опочивальню, но прошел не один час, а Конара все не было.

Окончательно разозлившись на него и подозревая, что могло быть причиной столь длительной задержки, Мелисанда решила спуститься в зал, но на полпути остановилась.

Наконец-то все стало ясно. Бренна. Он сидел подле нее у очага и беседовал. Блики пламени играли на их золотистых шевелюрах. Сначала она хотела ошеломить их своим неожиданным появлением — спустилась якобы для того, чтобы выпить бокал вина или эля на ночь — но вместо этого ринулась прочь, проклиная эту парочку.

Мелисанда уже стала засыпать, когда, наконец, услышала его шаги. Это несколько утешило ее. Как всегда, Конар быстро сбросил с себя одежду и скользнул под одеяло. Несколько мгновений спустя он заговорил, причем голос его прозвучал непривычно холодно и сдержанно.

— Если тебя так интересуют мои разговоры с другими людьми, ты могла бы не скрывать этого, а принять в них участие, и извлечь кое-какую пользу для себя.

Она не отвечала, и он продолжил:

— Тебе незачем было нас подслушивать, Мелисанда.

— Я и не собиралась вас подслушивать, — наконец заговорила она. — Просто я надеялась, что в зале никого нет, и я смогу насладиться одиночеством, сидя возле очага.

— Но, миледи, если меня не было в опочивальне, то где же я еще мог находиться в это время, как не в зале возле очага?

— Одному Богу известно, куда тебя может занести нелегкая!

К ее удивлению, он лишь молча вздохнул и повернулся на другой бок.

В эту ночь он так и не прикоснулся к ней.

Утром следующего дня она почувствовала какое-то беспокойство и решила, что ей необходимо прокатиться верхом. Она вспомнила, какой чудесный ручей протекает в поместье у Эрика, и подумала, что неподалеку от замка есть местечко ничуть не хуже.

Она не стала разыскивать Конара, да к тому же ей претила сама мысль о том, чтобы отчитываться перед ним в своих действиях. И она поехала на прогулку одна, так что ни Рагвальд, ни Мари не знали, куда она собирается.

Лишь мальчишка-конюх видел, как она брала в конюшне Героя.

Она и не думала, что поступает опрометчиво. У нее в мыслях царил такая сумятица, что единственным желанием было устроиться где-нибудь в укромном уголке и спокойно разобраться во всем. Она быстро добралась до памятного ей ручейка, соскочила с Героя и легко перебежала на другой берег по каменистому броду, оставив жеребца пастись на чудесной сочной траве. Она нашла уютное местечко на берегу, скинула туфли и уселась, опустив в воду ноги.

Давным-давно, еще маленькой девочкой, она приходила сюда со своим отцом.

Им постоянно приходилось держаться настороже из-за возможности нападения викингов. Но ведь эти морские волки рыскали лишь по побережью, и их ладьи издалека можно было заметить со стен крепости. До того, как не объявился Джеральд, никто и не слышал об угрозе со стороны внутренних земель.

В детстве она очень любила играть у воды. Возможно, именно поэтому она так полюбила и ручей в Вессексе.

Щеки ее вспыхнули при воспоминании о том, как настиг ее Конар возле того ручья, что протекает в далекой Англии, и она прижала к лицу холодные от ледяной воды руки. Она никогда не забудет, как вспыхнули его глаза, когда он увидел ее, стоявшую на берегу в обществе Грегори.

Она потрясла головой, словно стараясь избавиться наваждения, и плеснула себе в лицо несколько пригоршней свежей воды. И тут ей все стало ясно.

Несомненно, все дело в Конаре.

Недаром она с самой первой их встречи относилась к нему с настороженностью, тщетно пытаясь сохранять между ними дистанцию. Наверное, она уже тогда предчувствовала, что может оказаться в зависимости от него, позволить себе чересчур привязаться к этому человеку, безрассудно подчиниться его влиянию...

Хотеть его. Бешено ревновать его к другим женщинам. Из-за этой ревности проклинать всех других женщин, желать им отправиться хоть на дно морское, на съедение рыбам. Потерять голову от любви к нему.

Она невольно выпрямилась, скрестив руки на груди, и тут же принесла себе клятву, что никогда не полюбит его, что надо быть уж совсем безмозглой дурочкой, чтобы влюбиться в такого мужлана, как он.

Но в следующее мгновение она уже проклинала минувшую ночь. Проклинала его холодность. Что же ей теперь делать? Ведь это невыносимо — знать, что он является к ней от Бренны или еще от какой-нибудь из его бесчисленных любовниц. Что могло бы помочь

ей? Ведь не будет же она открывать перед ним свое сердце и изливать на него тепло своей души! Ни за что на свете! Что же это будет за жизнь?

О, каким мрачным будет отныне ее существование, даже несмотря на то, что она дома, что она любит всех, кто окружает ее, и они дарят ей ответную любовь. И все же жизнь ее будет пуста. Ни в Дублине, ни в Вессексе она не чувствовала этой пустоты. Обитатели этих твердынь не чуждались ни веселого смеха, ни нежной любви — той особенной, неповторимой любви, которая может возникнуть лишь между мужчиной и женщиной.

Нет, она не может позволить себе полюбить его, она должна бороться с этой любовью, бороться беспощадно, пусть эта битва испепелит ей сердце, иссушит ей душу — и тело.

— Мелисанда!

Она услышала, как кто-то окликнул ее пугающе знакомым голосом. Она посмотрела на другой берег ручья, и душа ее ушла в пятки.

Жоффрей Сюр ле Монт. Сын Джеральда, такой же кареглазый, темноволосый, он сильно возмужал за эти годы и стал очень похож на отца. И взгляд его стал таким же лживым и алчным.

Она в ужасе вскочила на ноги.

Он остановился возле самой воды, не сводя с нее глаз, не делая попыток приблизиться.

— Не надо бояться, — торопливо заявил он.

— А я и не боюсь, — так же торопливо соврала Мелисанда. Она вдруг поняла, что стоит босая в ледяной воде, что туфли лежат в траве, а Герой пасется по ту сторону потока.

— Я слышал, ты недавно вернулась, — продолжал Жоффрей. Он по-прежнему стоял неподвижно. Как и его отец, он был высок, хорошо сложен, а продолговатое лицо с чистыми чертами было даже привлекательным.

Если бы не этот предательский алчный блеск в глазах, не двусмысленная усмешка, кривившая его рот. При виде этого выражения лица у нее возникало ощущение, что он раздевает ее глазами, что она стоит перед ним совершенно голая, а он бесстыдно разглядывает ее.

— Ну да! Как ты можешь заметить, я действительно вернулась, — машинально пробормотала она в ответ.

— Ты чудесным образом изменилась, Мелисанда.

— Да неужели?

— Я еще не встречал такой соблазнительной женщины, как ты.

— Не преувеличивай, Жоффрей.

— Но я правда так думаю.

— Наверное, ты просто плохо знаешь женщин, — в смущении пролепетала она.

Он сделал шаг вперед, балансируя на скользких корнях, как незадолго перед этим делала она сама.

— Ты ошибаешься, — возразил он. — Я отлично разбираюсь в женщинах.

Она торопливо натянула туфли, не заботясь о том, что может их намочить. В любой момент ей, возможно, придется спасаться бегством, и она не хотела делать это босиком.

— Постой! — торопливо окликнул ее Жоффрей. — Я не причиню тебе зла. Я хочу только поговорить с бой, — она замерла в нерешительности, и он заговорил медленно, словно в раздумье. — Ты знаешь, нас когда-то должны были обручить.

— Прости, Жоффрей, — сердито тряхнула она головой, — но я не верю ни одному твоему слову. Твой отец заманил моего отца в ловушку, бесовестно предал его и убил! И ты

не докажешь мне, что это неправда.

— А в отместку твой викинг прикончил моего отца.

— Он не викинг, — услышала она свой ответ.

Жоффрей иронически приподнял одну бровь, его губы искривились еще больше. Он приблизился к ней на шаг.

— Этот союз не принесет тебе счастья, Мелисанда. Предки твоего мужа были дикарями, и как бы они ни прикидывались цивилизованными христианами, в душе своей они продолжают оставаться кровожадными викингами, неподвластными голосу разума и любви. Конар бился с моим отцом только ради того, чтобы обладать тобою. Вот посмотришь, когда его народ вернется сюда, это будет все те же бешеные псы, что и прежде. Ты просто еще не знаешь, их так, как я.

— Жоффрей, мне очень жаль...

— Я никогда не откажусь от тебя, Мелисанда. И ведь твой отец прочил тебя мне в жены.

— Жоффрей, но ведь церковь никогда не освятит такого союза.

— Церковь лишь подтверждает то, что устанавливается с помощью силы!

— Жоффрей, — решила она наконец, — но ведь твой отец приберегал меня для себя, он скорее умертвил бы меня, чем позволил принадлежать тебе.

— Ты всегда была мне желанна, Мелисанда, и помани мое слово, я еще отвоюю тебя у этого норвежского ублюдка! Отвоюю — или освобожу тебя от него. Чем прикажешь это считать, Мелисанда?

— Я никогда не забуду, что твой отец убил моего отца! — вскричала она. — И я не желаю иметь с тобой никаких дел!

В ответ он решительно двинулся через ручей. И тут со стороны замка раздалось лошадиное ржание и топот копыт. Жоффрей застыл на месте. А в следующий миг Мелисанда увидела, как сквозь заросли на том берегу Ручья несется Конар верхом на Торе, в сопровождении Свена и Гастона.

Он был грозен, словно бог войны. Встряхнув золотистой шевелюрой, он, не спешиваясь, полоснул Жоффрея холодной сталью синих глаз.

— Ах, а вот и досточтимый Повелитель Волков соизволил явиться к нам собственной персоной! — злобно пробормотал себе под нос Жоффрей. Он отвесил Конару шутовской поклон и громко воскликнул: Я слышал, что ты вернулся, Конар, и что ты привез с собою мою родственницу. А когда я натолкнулся возле ручья на Героя, решил позаботиться о ее безопасности. Но — как ты и сам можешь убедиться — она пребывает в полном порядке, нетронутая, живая и здоровая.

— Ого, да мы вовремя подоспели! — гневно воскликнул Гастон.

— Если я должен отвечать за дела своего отца, равным образом отвечать должен и ты. Твой родитель корчит из себя повелителя Дублина, но по моим понятиям он захватил свои нынешние владения в диких набега незаконно присвоив себе права сюзерена. Ну а потом захотел приобрести некоторую респектабельность и женился на дочери Ард-Рига, не так ли?

— Я прикончу тебя, не сходя с этого места! — холодно произнес Конар. В его спокойном голосе слышалось бешенство.

Мелисанда злорадно заметила, как побледнел Жоффрей, и все же Сюр ле Монт пытался сохранить достоинство.

— Ты убьешь безоружного, ни в чем не повинного человека! — провозгласил он, подняв

руки, чтобы убедились, что в них не было оружия. — Нет, милорд Повелитель Волков, такой поступок не прибавит вам уважения в глазах французского дворянства, — ехидно закончил он.

— Ну так убирайся, куда цел, — приказал ему Конар. — И учти, если я снова застану тебя с моей женой...

— Меня с твоей женой или твою жену со мной? — издевательски переспросил Жоффрей.

Конар вдруг послал Тора вперед. Огромный, черный как ночь, боевой конь ринулся на Жоффрея, и Гастон, не выдержав, вскричал:

— О Боже, граф, придержите жеребца, ведь он затопчет этого негодяя!

Конар заставил Тора остановиться всего в нескольких дюймах от Жоффрея.

— Убирайся! — взревел он, не в силах больше сдерживать ярость.

Жоффрей проворно выскочил на берег ручья, но, удалившись на приличное расстояние от Конара, не преминул послать Мелисанде глубокий поклон. Затем он вскочил на своего коня и воскликнул:

— Желаю приятно провести день, графиня!

Дав шпоры скакуну, он поднял его в галоп и быстро скрылся из глаз. Мелисанда смотрела ему вслед, ощущая на себе суровый взгляд Конара. Она еле заставила себя поднять на него глаза, опасаясь гневной вспышки.

— Ты сама виновата во всем, Мелисанда! — упрекнул он ее.

— Виновата в чем?

— Садись на лошадь.

— Но...

— Я не собираюсь ничего обсуждать с тобой здесь и сейчас! — рявкнул он.

Она невольно перевела взгляд на Свена с Гастоном. Оба слуги — и золотоволосый юноша, и седобородый ветеран — чувствовали себя крайне неловко.

Вне себя, оттого что Конар позволяет себе так грубо командовать ею в присутствии слуг, она, оступаясь на скользких камнях, поспешила к Герою и вскочила в седло.

Герой был на диво резвым скакуном. Она легонько тронула стремяна, и он рванулся вперед быстрее птицы, вперед, вперед, через поля, по направлению к замку. И хотя Конар изо всех сил понукал своего Тора, тот все равно остался далеко позади.

Возле южной башни она грациозно соскочила с седла и бросила поводья подбежавшему груму. Торопливо поднявшись вверх по лестнице, она юркнула в свою комнату и захлопнула было дверь, но в ту же минуту дверь резко распахнулась, так что Мелисанда едва успела отскочить в сторону. В комнату ворвался Конар. Он взглянул ей в глаза, а потом невольно опустил взор на ее грудь, трепещущую от быстрой ходьбы и волнений. Сердце Мелисанды сжалось.

— Напрасно ты пытаешься спрятаться от меня! — грозно произнес он.

— Сударь, ежели вам угодно, чтобы я не пряталась от вас, то потрудитесь не распускать язык, когда говорите со мною в присутствии слуг. Совершенно ни к чему рявкать на меня и понукать так, словно я малое дитя!

Он двинулся внутрь комнаты, и она отскочила, испугавшись, что он прибежит к силе. Однако он лишь прошел в дальний угол и, к ее удивлению, принялся рыться в одном из ее сундуков — причем не в том, что был привезен из Вессекса, а в старом, который слуги принесли из ее бывшей девичьей комнаты.

В нетерпении он вынимал и отбрасывал в сторону одну вещь за другой.

— Я не могу не говорить с тобой, как с ребенком коли ты постоянно ведешь себя, как ребенок, притом не самый умный.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что ты очертя голову ускакала невесть куда одна без охраны, не предупредив ни одну живую душу!

— Но... — от гнева она на секунду онемела. — Я не пленница!

— Тебе нельзя выезжать за стены!

— Ты не имеешь права говорить мне такие вещи! — гордо вздернув подбородок, она приблизилась, чтобы видеть, что он вытаскивает из ее сундука. — Там, в чужих землях, ты годами держал меня на положении пленницы. Но никто не вправе запретить мне прогулки верхом, когда я нахожусь в своем собственном доме...

Он повернулся к ней резко, и она замерла, замороженная его взором, не заметив поначалу, что он держит в руках.

— Мелисанда, тебе нельзя отныне и впредь выезжать на прогулки одной. И я могу и должен сказать тебе об этом.

— Но... — начала было она, и в этот момент ее глаза, уловили тусклый блеск предмета, который держал в руках Конар. Присмотревшись, она узнала кольчужную рубаху, удивительно тонко сработанную каким-то искусным кузнецом, — подарок ее отца.

— Что ты делаешь? — вскричала Мелисанда.

— Смотрю, добротна ли она сделана, — отвечал он. — Боюсь, что впредь тебе можно будет выезжать за стены крепости лишь в этой рубахе.

— Нет! Нет! — и она с неожиданной яростью набросилась на него, молотя кулачками по его груди, так что он даже попятился при виде столь сильного натиска. — Нет!

Он отбросил кольчугу в сторону и поймал ее руки, стараясь успокоить ее. Она в бешенстве уставилась ему в глаза.

— Ты не посмеешь! Это его последний дар, это последний подарок моего отца. Если только ты еще прикоснешься к моей кольчуге, я возненавижу тебя до конца дней! Клянусь тебе, клянусь!

— Ха, да ты и так меня уже ненавидишь! — возразил он.

— Ты еще не знаешь, что тебя ждет! — мрачно пообещала она.

Похоже, что ее угрозы все же подействовали. По крайней мере, Конар на миг задумался.

— Хорошо, я больше не прикоснусь к твоей кольчуге, но пообещай и ты мне...

Конару явно претила эта торговля, однако он твердо решил добиться своего.

— Что я должна пообещать?

— Что ты больше не выедешь за стены крепости без моего ведома. Что ты отныне будешь прогуливаться либо со мной, либо с теми провожатыми, которых я тебе назначу.

— То бишь с твоими дружками-викинами, — ледяным тоном добавила она.

— Я жду твоего обещания, Мелисанда.

— Обещание недолго и нарушить, — съязвила она.

— Но не по отношению ко мне. Я позабочусь о том, чтобы ты все исполняла в точности.

Она упрямо прикрыла глаза. Он отпустил ее руку и наклонился, чтобы поднять с пола кольчугу. Взяв ее у него из рук, она, не спеша, направилась обратно к сундуку и аккуратно уложила отцовский подарок на место.

— Я все еще жду, — напомнил он. Напряженно выпрямившись, она повернулась к нему

спиной.

— Можете считать, что вы получили мое обещание милорд викинг, — неохотно буркнула она.

«Ну, теперь-то он уберется отсюда, — подумала она. — Ведь он добился своего». Однако, обернувшись Мелисанда увидела, что Конар все еще стоит возле двери.

— Завтра на рассвете мы отправляемся в Руан, — был ответ на ее вопросительный взгляд.

Сердце замерло у нее в груди. Губы скривились горестной улыбки.

— Ах, Руан! — едва слышно произнесла она. — Если не ошибаюсь, милорд, вы выбрали именно это место для того, чтобы я повторила данные вам обеты перед Богом и толпой вассалов?

— Вы не ошиблись, сударыня, именно этого я от вас и жду.

— Ну что ж, посмотрим, что у вас выйдет, — мрачно прошептала она.

— О да, посмотрим, что у вас выйдет, — согласился он, отвесил ей глубокий поклон и удалился.

В этот вечер он вновь допоздна засиделся в зале у очага. Она лежала одна в опочивальне, не смыкая глаз, ожидая, борясь с накатившей на нее волной горя и отчаяния.

Огонь в очаге начал угасать, глаза у нее наконец-то закрылись, и она погрузилась в легкую дремоту.

Поначалу ей показалось, что она все еще спит. Она почувствовала, как кто-то с величайшей нежностью коснулся ее губ, стал ласкать ее плечи, нежно целовать ее напрягшиеся груди, ложбинку между ними; он спускался все ниже и ниже, скользил языком по ее животу и бедрам и наконец медленно стал раздвигать ее ноги... Тут она поняла, что это не сон, и распахнула глаза.

В отблесках пламени угасавшего очага он показался ей отлитым из золота. Под тускло блестящей кожей переливались тугие мышцы, глаза горели синим пламенем.

— Я уже заснула, — прошептала она, протестуя, стараясь скрыть от него ответный огонь, зажегшийся в ее молодом, жаждавшем любви теле. Она ни в коем случае не хотела, чтобы он заметил, как напряглось от нетерпенья и жажды ее тело.

Каждая клеточка ее тела, каждая частица ее души жаждала отдаться этому мужчине.

— Клянусь тебе, — все еще пыталась настоять на своем Мелисанда. — Я давно заснула! О, я умоляю тебя, будь милосердным, цивилизованным лордом, не мучь меня!

— О да, сударыня, сегодня вы уже успели заснуть. И поверьте, я долго колебался, прежде чем решился нарушить ваш чудный сон. Но как вы изволили неоднократно замечать ранее, я скорее викинг, чем милосердный лорд, и сегодня это имеет особенное значение, поскольку я намерен вам кое-что напомнить.

— И что же это ты хочешь мне напомнить? — высокомерно поинтересовалась она.

— Что ты — моя супруга, сударыня. Ты — моя жена.

— Нет!..

— Да!

Ее дальнейшие возражения он заглушил поцелуем. Его руки заставили ее тело гореть тем же пламенем любви, что сжигало и его самого.

Похоже, что поездка в Руан должна была превратиться в праздничное путешествие.

Сам Одо явился со свитой в крепость, чтобы сопровождать их. Не преминул присоединиться к ним и отец Мэтью, тоже в сопровождении свиты. Грандиозные приготовления, затеянные без ее ведома, очень разозлили Мелисанду. Поначалу она удивилась, но потом поняла, что вся эта пышность и торжественность лишают ее малейшей возможности контрдействий. Она даже не могла толком перемолвиться с Конаром чтобы высказать ему все, что по этому поводу думает. Люди Одо ждали под стенами крепости, готовые отправиться в путь. Лошадей уже вывели из конюшни, багаж погрузили, а старый граф ждал ее внизу, в зале, готовый прижать ее к груди с той же непосредственной любовью, с какой делал это в ее детские годы.

— Мелисанда! О дитя мое! Мы все как один говорили твоему отцу, что ты затмишь своей красотой всех женщин в мире, когда вырастешь. И вот сегодня я мог сказать, что ты полностью оправдала наши надежды.

При упоминании об отце Мелисанда почувствовала, что в глазах ее стоят слезы.

— О, он бы гордился тобою! Он был бы просто счастлив сегодня! — не унимался Одо. — Тебе предстоит участвовать в церемонии, которую ты запомнишь на всю жизнь, дитя мое, ведь, хотя ты и вступила в брак по закону, в тот момент ты была слишком подавлена свалившимся на тебя горем. А сегодняшнее торжество должно наполнить тебя ничем не омраченным счастьем!

Она прикрыла глаза, чтобы ее не выдал их блеск. И это Одо, лучший друг ее отца, ее милый всемогущий покровитель, старается уверить ее в том, что она станет счастливой отказавшись от свободы и власти в пользу своего супруга.

— А, по-моему, граф Одо, моя жена не будет настолько счастлива, как вам бы хотелось, во время предстоящей церемонии, — раздался голос за спиной Мелисанды. Она обернулась и увидела Конара.

Он был празднично одет.

Плечи его пурпурной мантии украшала роскошная вышивка из волчьих шкур, которыми также был оторочен верх кожаных ботфуртов. Мантия подчеркивала его безупречное сложение, и его фигура выглядела на редкость внушительно. Чистый и яркий голубой цвет туники спорил с синевой его глаз. Надетые поверх доспехи сияли полированным металлом. Остроконечный круглый шлем он держал на сгибе локтя, на уровне груди.

— Не будет счастлива? — растерялся Одо. — Невозможно, ведь каждая девица втайне мечтает о подобной церемонии.

— И вы уподобляете графиню Мелисанду всем остальным девицам? О нет, милорд, уверяю вас, что моя очаровательная супруга — исключение, и вполне способна превратить меня в посмешище, коли того пожелает, в самый разгар праздника.

Наступила неловкая тишина, пока наконец Одо не разразился громким смехом.

— Да, Мелисанда с юных лет знала, как надо выигрывать битвы, как надо прожить свою жизнь и сохранить при этом свои владения. Не скрою, что вы, молодежь, часто удивляете меня. А теперь нам пора отправиться, ведь путь предстоит долгий и весьма утомительный.

Мелисанда, словно замороженная, не спускала глаз с Конара, чувствуя, как в ней пробуждается ничем не объяснимый страх. Как во сне, она ощутила на своих плечах руки

старого Одо: он развернул ее и направил к выходу из зала. Легонько подталкивая, он проводил ее до самых дверей.

А Конар неотступно следовал вплотную за ними, Выйдя во двор и помогая ей сесть на Героя, он словно пытался что-то сказать ей своим взглядом. Наконец он отвернулся, легко взлетел на Тора и возглавил праздничный кортеж.

Ворота были распахнуты настежь, пропуская участников шествия. Здесь были сотни и сотни вооруженных воинов из гарнизона крепости, из дружины Конара, из свиты Одо, а с ними Мари де Тресси с множеством других фрейлин, служанок и слуг, не считая довольно внушительной группы служителей церкви.

Какое-то время Одо молча ехал рядом с Мелисандой. Потом он потихоньку пробрался ближе к началу колонны, чтобы иметь возможность представить Мелисанде свою кузину, леди Женевьеву, которая должна была исполнять отныне обязанности компаньонки при молодой графине. Мелисанда милостиво побеседовала с этой дамой и успела убедиться, что леди Женевьева ставит обязанности женщины перед Всевышним выше ее обязанностей перед земным мужем. Мелисанду быстро утомили нравоучения сей дамы, и она слегка придержала Героя, чтобы отстать от нее. Она знала, что где-то в составе колонны едет и Рагвальд, и ей очень захотелось поболтать со старым наставником или хотя бы с Гастоном. Из близких ей людей один Филипп остался позади, в крепостном гарнизоне.

Она вновь поравнялась с Женевьевой и осторожно стала пробираться в голову кортежа, высматривая Рагвальда, пока наконец не обнаружила его.

Он ехал в переднем ряду, бок о бок с Одо.

А рядом с ними ехал Конар. И Бренна.

Лошади этой парочки шли рысью шаг в шаг, их колени то и дело соприкасались. Конар наклонился, прислушиваясь к ее словам. Вот он тихонько рассмеялся и тепло улыбнулся ей.

Мелисанда чуть не потеряла равновесие, ей пришлось уцепиться в луку седла, чтобы не упасть. Она поспешила вновь затеряться в задних рядах кортежа.

И после этого у Одо еще хватает смелости утверждать, что она должна стать счастливой в этом браке. Хотя, скорее всего, старик вовсе и не думает об этом. Ведь Конара когда-то избрал ей в мужа отец Мелисанды; Конар доблестно отомстил за его смерть. И Одо, естественно, ни на секунду не сомневался, что выйти замуж за Конара — долг как дочери и наследницы графа Мэнона. И слишком хорошо понимает, что такое долг, чтобы нарушить его, чтобы предать интересы рода и местных феодалов.

— Леди Мелисанда!

Она обернулась и увидела, что к ней обращается Бишоп ле Клерк, самый авторитетный священнослужитель их графства. Именно он был выбран для того, чтобы освятить ее бракосочетание с Конаром в пышном соборе города Руана.

Увы! В сей миг, когда сердце ее замирало от отчаянья ей только и оставалось, что искать утешения у Бога. Правда, Мелисанда никогда не считала себя ревностной христианкой, особенно в последние годы, когда Господь, казалось, отвратил от нее свой лик. Ведь после смерти отца ей пришлось перенести такие испытания, что она усомнилась в Его покровительстве.

Однако сейчас она вежливо улыбнулась, придерживая Героя и позволила Бишопу догнать ее. Великолепной седой шевелюрой и добрым морщинистым лицом он чем-то напоминал ей старого Рагвальда. Глаза его светились глубокой мудростью, но в то же время ему не был чужд и простой житейский юмор, несколько неожиданный для священника с

такой серьезной репутацией.

— Сударыня, чувствуете ли вы себя полностью готовой к предстоящей перемене в вашей жизни?

— Я чувствую себя превосходно, — попыталась отшутиться она.

— Что ж, поблагодарим за это Всевышнего, — так же весело отвечал он, но глаза его оставались серьезными. — Но, дорогая миледи, я ведь спросил совсем про другое: готовы ли вы к предстоящему браку?

Она невольно потупила взгляд, не зная, что ответить.

— Любите ли вы своего супруга?

Она в замешательстве глянула на него, и тут же снова потупила взор. Губы священника раздвинулись в ласковой улыбке.

— Дитя мое, если это так, вы можете считать себя любимицей фортуны. Если же и он отвечает вам тем же чувством, можете считать, что на вас снизошла Божья Благодать.

— Я уверена, что моя свадьба полностью отвечает интересам графа Одо, — невпопад пробормотала она.

— О, да, на свете нет человека, который пекся о благополучии нашей земли и ее жителей больше, чем старина Одо. В этом с ним мог соперничать лишь ваш батюшка. Итак... — он пожал плечами. — Брак, подобный вашему, большая редкость, и он действительно заключается на небесах, перед лицом Господа нашего. Возможно, вам, миледи, необходимо еще раз обдумать обеты, которые вы произнесете перед Ним в церкви. Во время путешествия вы, сударыня, можете оставаться по вечерам среди моей свиты, чтобы без помех предаваться молитвам.

Мелисанда не сразу поняла, какие возможности содержатся в предложении отца Бишопа. Ведь их неповоротливый кортеж будет ползти до Руана не один день, и на протяжении этой поездки она сможет проводить ночи в полном одиночестве! Не хватит же духу у Конара идти против церкви, к которой он относится с таким почтением.

Мелисанда еле сдержалась, чтобы не расплыться в радостной улыбке. Скромно опустив очи долу, она церемонно прошептала:

— Возможно, серьезные размышления на божественные темы станут для меня неоценимой поддержкой в эти трудные дни.

— Решайте сами, Мелисанда. И если надумаете, дайте мне знать.

В этот вечер процессия остановилась в небольшом монастыре — единственном месте в округе, способном принять столь многочисленных постояльцев. Те, кто поместился внутри, раскинули шатры вокруг монастырских стен, и здесь смогли расположиться и рыцари, и жены, и их свита. В течение дня Мелисанда почти видела Конара — он по-прежнему ехал в голове корте в компании Бренны и Рагвальда.

Чаще Бренны, чем Рагвальда.

Даже возле монастырских ворот, окруженный монахами, выбежавшими навстречу знатным гостям, он все не расставался с Бренной. Мелисанда встретила с ним лишь за столом. Быстро покончив с едой, он взял ее руку и сказал:

— Идем же. Нам предложили занять самые роскошные апартаменты в этом богоугодном заведении.

Она прикусила губу, отдернула руку и, наконец, отважилась взглянуть ему прямо в глаза.

— Я не могу быть с тобой в эту ночь, — заявила она.

— Что?!

— Бишоп ле Клерк полагает, что мне необходимо как следует помолиться, ведь нам предстоит столь важный шаг!

— Но ведь мы уже не первый год женаты... — склонился к самому ее уху, так что она одна могла слышать его слова. — Признайся, ведь ты сама решила предаться молитвам, Мелисанда?

— Да. И ты должен подчиниться...

— Ну уж нет, сударыня! Я вовсе не должен подчиняться! И тебе прекрасно это известно. Я один вправе решать, где и как я проведу ночь, и никто не смеет мне в этом препятствовать!

Он наклонился еще ниже. Его хриплый шепот обжигал ей ухо.

— Однако может статься, что нам обоим необходимо всерьез подумать над создавшейся ситуацией. Что ж наслаждайся своим вожденным одиночеством! А я буду надеяться, что во сне сподоблюсь увидеть женщину, которая не будет столь жестока и не станет превращать в кровавое побоище каждую брачную ночь!

Он неожиданно отпустил ее, и она, к своему удивлению, обнаружила, что ноги не держат ее: колени подогнулись, и она безвольно опустилась на грубую скамью.

Придя в себя, Мелисанда поспешила удалиться в тесную убогую монашескую келью, столь галантно предложенную ей Бишопом.

Она даже попыталась молиться в эту ночь.

Но как назло, из головы улетучились все молитвы, которые она когда-то знала. Всю ночь она пролежала без сна, орошая слезами жесткую подушку и гадая, где провел эту ночь Конар.

Если бы Мелисанде сказали, что она упрямая и заносчивая, она ни за что бы не поверила этому. И все же именно родовая спесь и упрямое нежелание хоть в чем-то уступить Конару заставляли ее сохранять напряженными их отношения.

По дороге к Руану они еще три раза останавливались на ночлег, и все три ночи она провела в келье, правда, страдая от одиночества и просыпаясь по утрам со страшной головной болью. При этом всякий раз она отыскивала Бишоп ле Клерка и на протяжении нескольких часов старательно убеждала его в том, что провела предыдущую ночь в усердных молитвах. Больше всего времени она проводила в обществе верной Мари, а иногда даже пыталась наладить отношения с неподкупной мадам Женевьевой, хотя всякий раз быстро начинала тяготиться ее занудным ханжеством и старалась поскорее найти приличный повод для бегства.

Невольно она продолжала следить за Конаром, который подолгу находился в обществе Бренны; эта женщина, пережившая вместе с Конаром столь многое, наверняка знала его гораздо лучше, чем она, Мелисанда.

Наконец они добрались до Руана. Наступила последняя ночь накануне их брачной церемонии, которая должна была начаться рано утром. Одо снял для них огромное здание, полное расторопных слуг, и впервые за все путешествие они смогли прилично пообедать и разместиться на ночлег.

В этот вечер Мелисанда засиделась возле очага, болтая со Свенном и старым Одо. Находившаяся здесь Бренна достала кожаный мешочек, в котором хранила руны, и собралась погадать на них.

Таинственные очертания рун были с великим искусством выгравированы на полированных плоских камнях которые полагалось бросать на землю перед очагом.

Мелисанда сидела возле гостеприимного хозяина, угощавшего ее сладким вином, и заморожено следила движениями гадалки — она ни на минуту не забывала, что ей следует опасаться этой женщины.

Вначале Бренна бросила камни для молоденькой фрейлины. Ей выпал хороший муж и дом, полный детворы. Раскрасневшаяся Женевьева пробормотала, что она вообще-то никогда не верила подобным предсказаниям, однако не стала возражать, когда Бренна бросил камни для нее. Гадалка заглянула ей в глаза.

— Ну что там, мне тоже суждено супружеское счастье. Бренна не обратила внимания на ее вопрос и задумалась, прежде чем ответить:

— Руны говорят, что ваша жизнь сложится так, как вы того пожелаете. Вы, леди, со своей добротелью и отзывчивым сердцем с радостью будете приняты среди невест Христовых.

— И я стану членом религиозного братства?

— О, да, — тихо произнесла Бренна, и Женевьева вздохнула с облегчением.

— Ну, а теперь моя очередь! — не утерпел Одо. Он низко поклонился Бренне, — если, конечно, на то будет ваша воля, сударыня.

Огонь в очаге с треском запылал, разгоняя тьму. Гадалка сидела на мохнатой медвежьей шкуре, ее светлые локоны свободно рассыпались по округлым плечам а глаза цвета морской волны пристально изучали то лица сидевших вокруг нее людей, то загадочные знаки, выгравированные на ее камнях.

— Конечно, граф Одо, — прошептала она еле слышно, и камни со стуком упали на пол.

Все присутствующие замолчали. Лишь трещало и шипело пламя в очаге.

— Ну? — не смог более сдерживать свое любопытство Одо.

— Вам, милорд, суждено войти в историю своего народа. Не однажды вы явитесь единственной надеждой и опорой края, которому впоследствии суждено будет стать одним из прекраснейших городов мира, гордостью нации. Но я предупреждаю вас, милорд: заключайте союз лишь с теми силами, чья мудрость и могущество окажутся сродни нашему, чтобы предательство не коснулось вас.

— Вот как, весьма недурно! — произнес довольный Одо. Он положил руки на плечи Мелисанды. — Ну, а теперь погадайте для миледи...

— Нет! — горячо воскликнула та.

— Я не стану бросать камни, если вы сами того не захотите, — уверила ее Бренна.

— Ну же, не упрямясь, — не унимался Одо. — Надо нам хоть немножко развлечься сегодня или нет? А то все эти святоши кружат возле нас с мрачным видом, подобно стае воронья. Пусть подождут до завтра — это будет их день. А сейчас бросьте руны и для Мелисанды.

Бренна собрала камни в мешочек и вопросительно взглянула Мелисанде в глаза:

— Миледи?..

— Как хотите, — пожала плечами Мелисанда.

Камни упали на пол. Поленья в очаге вдруг затрещали и вспыхнули с новой силой, и в реве пламени Мелисанде послышались странные гневные ноты. Бренна обратилась к Мелисанде, указывая на камень с символом, напоминавшим большое «X»:

— Эта руна называется Гебо, и она означает такое партнерство, которое можно считать даром судьбы. Если учесть, какое событие ожидается завтра, это весьма многозначительная руна, миледи. И тут не может быть другого толкования, ибо этот символ означает свободу, и

все преимущества, которыми пользуется свободный человек. И если Гебо говорит о союзе мужчины с женщиной, это поистине великое предзнаменование.

Бренна поколебалась, а потом продолжила, указав на следующий камень:

— Однако на пути вашем встретятся и опасности. Эту руну именуют Хагалаз, и она означает разрушительные силы, грубые силы дикой стихии, посланные или с помощью богов или по желанию людей. Вы должны быть осторожны и опасаться... — тут голос ее перешел в неразборчивый шепот.

— Стало быть, вокруг моей супруги сгущаются тучи.

Конар, как всегда, незаметно присоединился к компании возле очага. Его появление смутило не только Мелисанду, но и Бренну. Она уже было протянула руку к следующему камню, чтобы растолковать выпавший на нем знак, но теперь решительно смешала руны и собрала обратно в мешочек. Она внимательно посмотрела Мелисанду и сказала:

— По правде сказать, мы сами творим свою судьбу. Руны могут лишь предостеречь нас от камней, лежащих на тропе жизни. Я очень устала сегодня и прошу позволения удалиться.

Она отправилась было в отведенные для нее покои, Мелисанда краем глаза заметила, что Конар остановил Бренну и принялся расспрашивать о чем-то. Не могло быть сомнения в том, что он хотел в подробностях знать что предсказали Мелисанде руны.

Но Бренна лишь отрицательно покачала головой и Конар отпустил ее восвояси. Взгляд его вновь обратился к Мелисанде.

— Уже довольно поздно. Позвольте проводить вас в ваши апартаменты, миледи, где вы сможете провесит ночь, соблюдая строгость и целомудрие.

— Я...

— Уже поздно, — с нажимом повторил он, подкрепляя свои слова решительным жестом.

Он вежливо поблагодарил за гостеприимство старого Одо, а потом повел жену в опочивальню. Дом Одо поражал своими размерами и многочисленными лестницами и переходами, он был весьма вместителен благодаря многочисленным комнатам для гостей, расположенным на одном этаже с большим пиршественным залом. К тому же в отличие от грубых каменных построек этот деревянный дом был гораздо теплее и уютнее, правда менее безопасен.

Конар привел Мелисанду в роскошно убранную комнату, в которой ей как новобрачной полагалось спать в одиночестве накануне свадьбы и которую она на завтра должна будет разделить со своим супругом.

В первый момент Мелисанде показалось, что, несмотря ни на какие обычаи, Конар не намерен оставить ее одну. Он вошел следом за ней, плотно захлопнул дверь и привалился к ней спиной, не сводя с Мелисанды настороженного взгляда.

— Итак, я желаю знать, что ты собираешься делать дальше, Мелисанда? Неужели ты действительно рада той пропасти, что возникла между нами в эти дни?

— Возможно, — отвечала она, по обыкновению потупив взор, но тут же заставила себя прямо взглянуть в лицо мужу, принимая его вызов.

— Не собираешься ли ты опять поторговаться со мной? — спросил он.

— Мне гораздо приятнее думать о том, как завтра перед алтарем я во всеуслышание заявлю, что не желаю выходить замуж за викинга, — ехидно улыбнувшись, ответила она.

Он улыбнулся не менее язвительно, двинулся к ней, схватил ее за руки и притянул к себе.

— У тебя никогда не хватит на это духу! — поддразнил он ее.

— Почему ты так уверен?

— Среди гостей наверняка будет крутиться и Жоффрей. Услышав твои слова, он тут же примется преследовать тебя.

— Для меня нет большой разницы между вами.

— Ну уж нет, сударыня, какой бы ничтожной тварью я ни был, я не убивал и не предавал твоего отца!

— На свете найдется немало других мужчин! — не сдавалась Мелисанда.

— Но ни у кого из них нет моих преимуществ. Ведь я уже предъявил свои права на нашу крепость и на тебя. Она гневно прищурилась.

— Эта ночь должна была стать моей последней ночью без тебя...

— О да, это действительно твоя последняя ночь... — весело рассмеявшись, перебил ее Конар.

Мелисанда прикусила губу, стараясь вырвать у него свои руки.

— Не хочешь же ты сказать...

— Нет, Мелисанда, — покачал он головой, — тебе да же не придется торговаться. Сегодня я не прикаснусь к тебе, ведь и у меня могут быть кое-какие понятия о чести! Но я не устану повторять тебе снова и снова: я позволю тебе сбежать от меня, никогда! И я овладею тобою всякий раз, когда у меня возникнет на то желание.

— Если только ты перестанешь цепляться мои руки...

— Но ведь ты можешь упустить такую возможность. Неужели нет ничего, что ты хотела бы выторговать у меня, ни одного желания, которое я бы выполнил взамен тех обетов, что тебе придется произнести завтра?

Она застыла, не спуская с него загоревшихся глаз.

— И ты обещаешь мне все, что я захочу?

— Конечно.

Она задумалась, опустив ресницы. От возбуждения била дрожь, а во рту пересохло.

— Ну же? Выкладывай, что у тебя на уме, я ведь чувствую, что ты что-то задумала.

Она снова не в силах была поднять на него глаз Мелисанда попробовала освободиться, и его пальцы разжались. Она отошла в глубину комнаты, к кровати, и конец решительно обернулась.

— Я хочу...

— Да?

— Я хочу, чтобы ты больше не спал с Бренной.

— Что? — переспросил он донельзя удивленным голосом.

Мелисанде же показалось, что сердце ее вот-вот выпрыгнет из груди. Но она смело продолжала:

— Я хочу, чтобы ты поклялся, что больше не будешь проводить свои ночи с Бренной.

— Спать с ней?

— Разве ты никогда не проводил с нею ночей?

— О, да, и не одну.

— Клянись!

— Так ты ревнуешь!

— Меня не устраивает, что любовницы моего мужа постоянно путаются у меня под ногами.

— Ты ревнуешь.

— Конар, ты ведь сам начал этот разговор. Так я дождусь твоей клятвы или нет?

Скрестив руки на груди, он стоял возле двери и довольно улыбался. Потом он приблизился к ней, взял ее за подбородок и заставил поднять лицо, несмотря на ее слабое сопротивление, а потом запечатлел на ее губах нежный поцелуй.

— Я клянусь. Если только ты пообещаешь мне кое-что взамен.

— Да, да, завтра я отправлюсь в церковь и во всеуслышание назову тебя моим мужем и повелителем по праву, — с отчаянием выпалила она. — Ты получишь это.

— Но этого мало.

— Что же ты хочешь?

— То, что я хотел всегда. Тебя.

— Ты ведь только заверял меня, что овладеешь мной всякий раз... — стыдливо потупившись, начала она.

— О да, и я непременно это сделаю. Но хотя бы одну ночь — а может быть, и не одну — я бы хотел обойтись без борьбы и пререканий. Окажи мне такую милость в честь наших обновленных брачных обетов. Не торопись, я скажу тебе больше. Я хочу, чтобы ты сама пришла ко мне. Ласкала меня. Возбуждала и заигрывала со мною.

— Ты издеваешься!

— Я требую! А, кроме того, я требую, чтобы ты не вела себя со мною, словно монашенка.

Она попыталась отвернуться от его горящего взгляда. Он погладил ее по спине, а потом развернул к себе лицом.

— Свежая, благоухающая... — едва слышно прошептал он. — И ты будешь с готовностью ждать меня. Ты будешь готова ласкать меня, дразнить меня, а после покоришься мне.

Ее щеки полыхали от стыда.

— Я жду твоего обещания, Мелисанда.

— Обещание недолго и нарушить...

— Но не по отношению ко мне. — Напомнил он их недавний спор, победоносно улыбаясь. Неожиданно отвесил ей низкий поклон и исчез прежде, чем Мелисанда собралась с духом ответить.

Она торопливо заперла дверь на щеколду. Кое-как добравшись до кровати, она рухнула на нее, дрожа, как в лихорадке.

Боже, что за бесстыдство он требует от нее!

И все же, снова лежа в постели без сна, она мысленно пыталась подгонять время, чтобы поскорее минула и наступил новый день.

А его сменила другая ночь.

Наутро все были поражены пышным убранством церкви, залитой светом множества факелов.

На празднество собралась вся округа.

Жоффрей, конечно, тоже не преминул явиться сюда, Мелисанда успела заметить краем глаза его постную физиономию, когда Одо вел ее сквозь толпу зрителей к Конару, ждавшему у алтаря.

Сердце замерло у нее в груди. Он напомнил юного Бога в белоснежном костюме, отделанном мехом белой лисицы, и небесно-голубой мантии, украшенной тем же мехом.

Казалось, силы оставили ее, когда он преклонил колени перед Бишопом ле Клерком. Священник внятно и неторопливо напомнил им, что они явились сюда, муж и жена, чтобы обновить данные когда-то друг другу обеты перед лицом собравшегося здесь народа и их небесного Владыки, чтобы еще раз заверить Господа в своей любви к нему. Тайнство брака между мужем и женой свершается на небесах, и нельзя относиться к нему легкомысленно.

И не в силах смертных разрушить сей союз.

Затем он приступил к богослужению, и Мелисанде показалось, что эта месса длится целую вечность, что она не дожидается ее конца.

Но вот Бишоп ле Клерк обратился к Конару, и произнес свои обеты ясным, звонким голосом.

Теперь пришла пора говорить Мелисанде, но от волнения она не могла выдать из себя ни слова.

Она почувствовала, как рядом с ней Конар напрягся всем телом. Увидев сегодня свою жену, когда ее вел к алтарю граф Одо, он словно впервые был поражен в самое сердце ее неотразимой красотой.

На ней было серебристое шелковое платье. Конару оно показалось легким облаком, колыхавшимся вокруг ее точеной изящной фигуры. Нежно позванивали чудесные серебряные украшения. Бриллиантовая диадема сверкала в ее черных, цвета эбонита, волосах. Нежный овал лица, обрамленного воздушной вуалью, был безупречен. Живо блестевшие глаза-фиалки сегодня казались особенно темными и бездонными.

И вот, перед лицом всей Франции, она застыла подле него на коленях в напряженной тишине собора.

Невольно он сжал ей руку чуть ли не до боли.

Она перевела дыхание.

И наконец нашла в себе силы нарушить молчание, довольно громко повторив данные ему когда-то клятвы.

Он снял с ее большого пальца свое старое кольцо, которое она носила в течение всех лет их супружества, и снова надел его на свою руку. Вместо этого на среднем пальце ее левой руки засияло золотым блеском гладкое обручальное кольцо, заказанное у ювелира. Их глаза встретились. Довольный, счастливый взгляд Конара резко отличался от внезапно потускневшего взгляда сужившихся глаз Мелисанды.

Конар прятал улыбку, игравшую у него на губах при мысли об их брачной ночи.

Он мгновенно перестал гневаться на Мелисанду за то, что с помощью ханжеских уловок ей удавалось избегать его, и что из-за нее он чуть не придушил Бишоп ле Клерка, этого святого человека, известного во всем графстве.

Все это уже позади. Ему нужно лишь иметь терпение, чтобы дождаться нынешней ночи.

Он почувствовал, как тело его сжигает огонь невыносимого желания, и стоять на коленях в таком состоянии ему показалось смертной мукой. Уголкем глаза он снова окинул фигуру стоявшей подле него женщины, и ее красота вызвала в нем новый прилив страсти. Он ее властелин, она принадлежит ему. И перед ними лежит долгая, полная приключений и опасностей жизнь. Несомненно, он привязался к этой женщине.

Нет, его чувство глубже, гораздо глубже.

Он знал, что никогда не позволит ей покинуть его потому что сам будет не в силах перенести разлуку. Для него невыносима даже сама мысль о том, что кто-то может обидеть ее или что она может принадлежать другому мужчине.

Конар честно признался себе в том, что не сможет жить без нее. В ней заключалась его преисподняя, в ней же цвел и его райский сад.

Потому что он любит ее. Ее облик давно сроднился с его душой. Даже когда она отвергала его, погружая в безнадежное отчаяние, твердость ее духа и отвага несвойственная другим женщинам, покоряли его сердце.

. «Безрассудная, опасная отвага», — подумал он в который раз.

Однако теперь, кажется, нет больше оснований для страха. Ей ничего не может грозить за стенами крепости хотя по окрестным лесам все еще рыщет Жоффрей. Конару просто надо повнимательнее относиться к ней и почаще вывозить ее на прогулки, чтобы она не чувствовала себя пленницей в собственном замке. А временами они смогут вместе отправляться в плавание по морю.

И все же, к своему удивлению, в глубине души продолжал испытывать смутное беспокойство, не в сила понять его причину. Она была, есть и будет его женой, и он до конца дней своих будет заботиться о ней. И он любит ее.

Возможно, что в один прекрасный день он скажет ей об этом.

Мелисанде? Нет, кажется, он слишком далеко зашел в своих мечтах. Эта дама постоянно ищет возможность взять над ним верх. Не стоит давать ей в руки такой оружие, которое будет разить его в самое сердце.

«Лучше пусть повелевает своими слугами», — подумал он.

И все же он продолжал смотреть на нее с великой нежностью, страстно желая, чтобы поскорее кончилась вся эта суета, чтобы поскорее наступила ночь.

Сдержит ли она данное ему обещание? Так или иначе, он не силах больше позволять ей держать его на расстоянии. Он без конца грезил о ней все эти ночи, страдая от неразделенной страсти и одиночества.

Но тут он почувствовал некоторую вину. Ведь он дал ей совершенно ничего не стоившее ему обещание, а она с таким жаром добивалась его. И все же то, что она ревнует его к Бренне, не могло не порадовать Конара.

«Ох, леди!» — думал он, ловя взгляд ее глаз-фиалок и ощущая в себе столь сильный порыв страсти, что, не стой он на коленях, его могли бы заметить и окружающие.

Наконец-то церемония подошла к концу. Они встали, и к восторгу толпы зевая он на миг позволил прорваться наружу с недавнему его нетерпению и так жадно обнял свою супругу, что та отшатнулась, а потом запечатлел у нее на губах долгий страстный поцелуй, выдавая кипевшие в нем чувства. Когда он оторвался от нее, все еще не сводя взгляда с ее припухших губ, в ее широко распахнутых глазах загорелся тайный огонь.

— Сегодня ночью, — тихонько шепнул он, и почувствовал, как она вздрогнула.

Но она ничего не ответила ему, и пока они шли через праздничную толпу к выходу, принимая поздравления от друзей и союзников, упорно смотрела в сторону. Однако Конар не мог не обратить внимания, что их свадьба соберет за пиршественный стол множество влиятельных феодалов с побережья и из глубины страны — все получилось так, как того хотел граф Одо.

На какое-то время они с Мелисандой были разлучены. По пути из церкви до самого дома Одо Конар все время был окружен толпой рыцарей, с искренним интересом выпрашивавших у него подробности его походов в Ирландии и в краю викингов. Они хотели, чтобы он без конца рассказывал о битвах, в которых сражался верхом на верном Торе, о своих боевых приемах и тактике ведения боя. Всякий раз, когда он отыскивал

взглядом свою жену, он видел, что ее окружает точно такая же толпа. Бароны не желали упускать случая лишней раз поболтать с такой обворожительной красавицей, а поскольку многих из них связывала с графом Мэноном старая дружба, они с удовольствием старались заверить ее в том, каким чудесным человеком был ее отец. Временами до Конара доносились обрывки ее разговоров. Бароны не скрывали, насколько их благополучие зависит от защиты, которую гарантирует им ее крепость. Они дружно восхищались тем, что ей удалось найти себе в мужа такого доблестного воина.

— Увы, миледи, — говорили они. — Нынче мы можем полагаться лишь на себя да на соседей, ведь из Парижа помощи ждать не приходится!

Речь Мелисанды не уступала им в находчивости и остроумии. Она на равных обсуждала с баронами, какие места на побережье наиболее уязвимы для нападения с моря и какую опасность могут представлять для местных жителей достаточно полноводные реки.

Позже он увидел ее в обществе Одо и Жоффрея и в сердце его вспыхнула жгучая ревность. Нет, он не сомневался, что Мелисанда ненавидит Жоффрея всей душой. Она поздоровалась с ним, поскольку Одо не допустил бы сегодня свары в своем доме, но Конару были понятны и ее ледяной тон, и гордо поднятый подбородок.

Он даже подумал с иронией, что сей муж, по всей видимости, вызывает в ней все же большее отвращение чем он сам.

Но вот пришло время трапезы, и новобрачные рука руку уселись во главе стола. Они почти не разговаривали друг с другом, так как все их внимание было поглощено окружающими. Одо щедро заплатил сенешалям из Ирландии, которые в подробностях рассказали присутствующим славную историю породнившихся сегодня семейств, а после них публику развлекали певцы, жонглеры, шуты и даже дрессированные медведи.

Пир близился, к завершению, когда Мари де Тресси появилась позади кресла своей хозяйки; Мелисанда встала и покинула зал. Гости мгновенно заметили ее отсутствие, и в адрес Конара посыпались многочисленные шуточки, причем далеко не всегда пристойного содержания. Но они лишь подогревали в нем нетерпение. Он больше не в силах был ждать.

Когда он вошел в опочивальню, комната была погружена в полутьму. Лишь тускло светились угли в очаге.

В какой-то момент он с ужасом подумал, что ее здесь нет.

Но вот его глаза уловили легкое движение возле очага. Она сидела в кресле перед огнем, судорожно вцепившись в подлокотники. Она ждала его.

Он нарочито громко стукнул щеколдой, давая ей знать, что уже пришел, и прислонился к двери.

Он увидел, как Мелисанда поднялась с кресла. Она снова была в серебристых одеждах, но теперь эта тончайшая рубашка лишь едва прикрывала ее восхитительное тело. На мгновение она замерла, глядя на него с другого конца комнаты. Ему показалось, что ее все еще бьет дрожь.

Она грациозно изогнулась, собрав на затылке волосы. Он заворожено следил за каждым движением ее тела. словно во сне она распустила узел на вороте своей рубашки, которая бесшумно соскользнула на пол.

Она перешагнула через нее и направилась к нему, в двух шагах от него она вдруг остановилась, но в следующее мгновение она уже прижималась к нему всем телом.

Он почувствовал, с какой ответной готовностью напряглось его тело, но постарался овладеть собой, сжимая ее в объятиях. Ее губы имели вкус сладчайшего вина.

Он с трудом оторвался от них.

— Сколько тебе пришлось выпить, чтобы решиться на это? — нежно прошептал он.

Она обожгла его огнем своих фиалковых глаз.

— Не так уж и много...

— Ну что ж, продолжай.

— Продолжать?

— Раздень меня.

Она заметно побледнела, но не собиралась идти на попятную. Он решил, что может немного облегчить ее задачу, и сам снял перевязь с мечом, мантию и рубашку. Затем он вновь прижал ее к себе, весь горя от страсти, ощущая такой же огонь в ее трепещущем теле. Она мягко высвободилась, помогая ему раздеться до конца. Она легко прикасалась к его телу, целовала его плечи, шею, ее нежные соски то и дело возбуждающе касались груди, вздымавшейся от учатившегося дыхания. Ему казалось, что он не выдержит этой сладостной муки, что сердце вот-вот выскочит из груди. Едва сознавая что он делает, Конар сбросил сапоги и панталоны. Она замерла перед ним.

— Свежая, благоухающая, покорная и возбуждающая, — прошептал он.

— Я не могу...

— Леди, вы уже прошли половину пути!

Она стала нежно гладить его плечи, целовать лицо и грудь. Потом страстно прильнула к нему всем телом, не переставая ласкать его.

Когда пальцы ее нежно коснулись его мужского орудия, готового к любви, и осторожно сжали его, он не в силах был сдержать хриплого стога; его тело судорожно напряглось в ожидании приближающегося наслаждения. На мгновение она расслабила пальцы.

— Господи Иисусе, нет! — быстро шепнул он. Колени его стали ватными, ему пришлось прислониться к двери, чтобы не упасть. — Господи Иисусе, не останавливайся!

Ее темноволосая головка склонилась перед ним, она опустилась на колени. У него снова перехватило дыхание, он вздрогнул, словно пронзенный молнией когда ее губы нерешительно коснулись его напряженной горящей плоти.

— Боже!

Его пальцы погрузились в теплый шелк ее волос. Она больше не колебалась. Ее влажный, теплый язык скользил по его напряженной плоти, лаская и будоража.

Он наслаждался этими мгновениями любовного экстаза. Но вот наслаждение стало таким острым, что причинило ему боль — так сильно он желал ее. С хриплым диким криком он подхватил ее на руки и с силой опустил ее на свою пылающую жаждущую плоть. Она широко распахнула глаза, испугавшись его необузданной силы, и тихо вскрикнула, обхватив ногами его талию.

Она подчинилась...

Никогда в своей жизни он не испытывал такого всплеска страсти. Никогда еще он так остро не жаждал обладать женщиной, как сейчас. Никогда еще с таким наслаждением он не погружался в мягкую женскую плоть. Сжигавшая его лихорадка заставила забыть обо всем. Он стал двигаться, все яростнее проникая в нее, все настойчивее желая утопить разбуженное желание, которое, словно лавина, стремительно несло его неведомо куда. Но вот еще несколько мучительных судорог — и его семя извергается во влажную, теплую ночь Мелисанды.

Она бессильно замерла в его объятиях. Ему оставалось молиться лишь о том, чтобы он

случайно не повредил ее, дав волю своим желанием. Осторожно, словно ребенка, он подхватил ее и отнес на кровать.

— Я больше никогда не буду сомневаться в том, что ты держишь данное тобою слово, — нежно прошептал он.

— А как насчет вас, милорд? — спросила она, наконец открыв глаза.

— Я не откажусь ни от единого слова, данного тебе, Мелисанда. Я никогда не позволю тебе покинуть меня.

Она утомленно закрыла глаза. Ему показалось, что в уголке ее рта прячется тень улыбки.

Он снова припал к ее губам, ему ужасно хотелось шепнуть ей кое-что на ухо.

Я люблю тебя.

Нет, он должен держать себя в руках!

Он не может говорить с ней об этом. Конар снова поцеловал ее губы, он очень хотел отблагодарить Мелисанду за то наслаждение, которое он только что испытал.

И он начал ласкать ее. Медленно, нежно. Пальцами, губами, языком. Постепенно он опускался все ниже, ниже, и вот уже его язык скользит по нежной шелковистой коже ее бедер. Он теребил тихонько ее соски, он снова и снова ласкал ее бедра...

Наконец он встал на колени возле кровати, властно взял ее за локти и вплотную придвинул к себе. А потом тихонько раздвинул ей ноги и припал губами к ее лону, влажному, ароматному. Дыхание ее участилось, она вся напряглась и тихонько вскрикнула от наслаждения, а его язык еще долго ласкал нежные, чувствительные складки кожи. Наконец он приподнялся над ней, желая добиться от нее в эту ночь еще одной вещи.

— Скажи, что ты хочешь меня, Мелисанда.

Она широко распахнула влажные, полные и укора глаза.

— Я...

— Не могу, — закончил он за нее. — Неправда, сударыня, вы можете сделать это!

Он провел ладонью по ее лицу, не сводя с нее требовательного взгляда. В ее глазах загорелся гнев.

— Я хочу тебя! — прошептала она.

— Имя, мое имя, Мелисанда.

— Я хочу тебя... викинг! Он хрипло рассмеялся в ответ и хрипло шепнул ей в самое ухо:

— Мое имя, Мелисанда. Она тихонько вскрикнула, вцепилась ногтями в его плечи и спрятала у него на груди лицо.

— Я хочу тебя, Конар.

И она снова почувствовала тяжесть его тела.

— Я иду к тебе, я иду к тебе!

Путь домой оказался намного приятнее, чем путешествие в Руан. Конар был необычайно внимателен и нежен с Мелисандой, и их отношения, казалось, способны были измениться в лучшую сторону.

Он проводил с ней гораздо больше времени, то развлекая ее разговором, то предлагая ей наперегонки доскакать до одного из холмов, а однажды заставил всю процессию устроить непредвиденную остановку среди дня, когда она наткнулась на особенно приглянувшийся ей ручеек. Он сидел подле нее на берегу, опустив, как и она, босые ноги в воду.

Однако вернувшись домой, они вскоре почувствовали дыхание неумолимого рока.

На следующее утро после прибытия в свой замок Мелисанда, спускаясь по лестнице в зал, заметила выходящую оттуда Бренну. Она поспешила за ней во двор, гадая, насколько честно выполняет свое обещание Конар. Однако она не могла решиться спросить от этого у него самого.

— Бренна.

Женщина остановилась, обеспокоенная тем, что Мелисанда неотступно следует за ней.

Медленно обернувшись, она отвечала:

— Да, миледи.

Мелисанда неожиданно поняла, как трудно ей будет решиться узнать правду.

— Твои руны, — пробормотала она. — Ты тогда собрала их так быстро. Почему? Что они показали?

— А вы не знаете? — иронически приподняв брови, спросила в свою очередь Бренна.

Мелисанда нахмурилась, отрицательно качнув головой.

— Что они показали? — повторила она.

— Там было две руны, сударыня, — поколебавшись, отвечала Бренна. — Инжус и Джера.

— Рагвальд хорошо знает руны, — растерянно отвечала Мелисанда. — Он учил меня им в детстве, но боюсь, что эти уроки вылетели у меня из головы. Что означают эти руны?

— Вы действительно не знаете?

— Я действительно не знаю!

Бренна прикрыла глаза золотистыми ресницами.

— Миледи, эти руны — знаки плодородия.

— Я не...

— Вы носите его ребенка! — не выдержала ее непонятливости Бренна.

Мелисанда замерла, словно от удара. А потом почувствовала себя полной идиоткой, так как лишь теперь сообразила, насколько задержались ее обычные недомогания.

Она упрямо качнула головой.

— Нет, не может быть! Ведь я ничего не чувствую!

Бренна пожалала плечами, слегка улыбнувшись.

— Значит, вам повезло, и вы легко перенесете беременность.

Она замолчала. Мелисанда тоже не знала, что сказать. Бренна озабоченно нахмурилась, наблюдая как от волнения сильно побледнела Мелисанда.

— Что вас так пугает? Ваш муж будет только рад. А кроме него, будет рад и граф Одо, и жители; нашей округи, ведь ребенок всегда делает брачный союз еще прочнее.

— А он знает? — внезапно спросила Мелисанда.

Не в этом ли кроется причина перемен в их отношениях? И этот его непонятный смех, который временами нападал на него, и необычная нежность в его обращении с ней?

— Ну, по всей вероятности, вы не сказали ему об этом, — рассудительно отвечала Бренна.

— А ты! — воскликнула Мелисанда. — Ведь ты давно это знала, а ты служишь ему и наверняка решила, что его надо поставить в известность.

Бренна долго молча смотрела на нее.

— Миледи, это ваше право, а не мое, сообщать ему о таких вещах.

Мелисанда остолбенела, силы покинули ее. По счастью, они стояли возле склада, и она смогла прислониться к его стене, чтобы не упасть.

— Так ты не собираешься рассказать ему? — бестолково переспросила она.

Бренна тихонько вздохнула, глядя в землю. Наконец она решительно встретилась взглядом с Мелисандой.

— Да, я служу Конару, — мягко согласилась она. — И если бы вам угрожала опасность, или угроза нависла бы над ребенком... — она пожала плечами, а потом резко добавила: — Я не враг вам, Мелисанда. И никогда им не была!

Прикусив губу, Мелисанда разглядывала привлекательную белокурую женщину, которой опасалась столько лет.

— Так ты действительно...

— Действительно что? — переспросила Бренна.

— Больше не спишь с ним?

— Больше не сплю с ним?

— Не хочешь же ты сказать, что ни разу не спала с ним? — в отчаянии вскричала Мелисанда.

— О, конечно, я спала с ним. Я сопровождала его во всех его странствиях. И я спала с ним во время долгих морских переходов, и под сенью деревьев во время наших путешествий по суше.

Мелисанде захотелось куда-нибудь скрыться. Еще бы, после таких новостей даже ей с ее завидным здоровьем, может стать дурно!

Боже, какой же разбитой она чувствовала себя сейчас!

Изящная ручка легла ей на плечо.

— Сударыня, я спала с ним. Но вы неправильно истолковали то, что я сказала. Ведь Свену тоже приходилось с ним спать, но я могу вас заверить, что ни у кого из них никогда не возникало интереса по отношению к другим мужчинам или молоденьким мальчикам! И я никогда не была его любовницей. Как же я могу прекратить то, чего никогда не делала?

Мелисанда в растерянности обернулась к ней.

— Что?

— Ох, да не смотрите вы на меня так. Конечно, я бы отдалась ему, стоило ему только пожелать... — ее голос угас до шепота. — Но это было невозможно. Ему никто не был нужен, кроме вас, он жаждал обладать только вами.

— Ну и дела, — пробормотала Мелисанда. — И он овладел — круглой душой!

— Простите, я не поняла?..

— Неважно, Бренна, — она скривилась, чувствуя, как на нее накатывают волны стыда и гнева. Этот его великолепный торг! Он готов выполнить любое ее пожелание! Как же он,

наверное, потешался над нею! А она променяла свое достоинство на обещание, что он больше не будет спать с женщиной, к которой он и пальцем не прикасался!

— Мелисанда...

— Спасибо тебе за то, что ты была честна со мной, — смущенно сказала она. А потом торопливо повернулась и поспешила в замок. Добравшись до зала, она плюхнулась в первое попавшееся кресло и задумалась, стараясь припомнить каждое слово, произнесенное в ту ночь в Руане. Она потребовала, чтобы он больше не спал с Бренной. Он поклялся ей, что больше не будет этого делать.

И она выполнила свою часть обещания.

А он, в свою очередь, не спал с Бренной, он никогда не спал с нею.

Он снова выставил Мелисанду круглой душой. А она пыталась быть с ним честной.

Она никогда, никогда не расскажет ему об их ребенке. Если только это правда. Если Бренна не обманула ее сейчас, подобно Конару.

Нет, Бренна сказала правду. Ей нетрудно было вспомнить, с какой регулярностью наступали дни ее недомоганий до той поры, когда Конар овладел ею.

Она опустила голову на стол. Он, наверное, хочет этого. Несомненно, он этого хочет, он будет требовать этого от нее. А она, как всегда, покорно выполнит его просьбу.

Но не сейчас, кричало что-то у нее в душе. Не сейчас.

Она попыталась поесть, но обнаружила, что у нее нет аппетита. Она отпила глоток эля и подумала, что теперь ей придется пить козье молоко. Мари де Тресси постоянно твердит о том, что козье молоко полезно беременным женщинам. И в то же время она не могла поверить, что беременна.

Поднявшись с кресла, Мелисанда вернулась в свою комнату, в комнату ее отца. Комнату Конара.

«Но прежде она была моей!» — подумалось ей.

Она улеглась на кровать и уставилась в потолок. Ребенок будет блондином, несмотря на ее темные волосы, несмотря на то, что у матери Конара волосы цвета воронова крыла.

Голубоглазый и светловолосый. Его. Ибо все и всегда случается так, как хочет он.

«Но отныне все пойдет по-иному!» — решила она.

Мелисанда уселась на кровати.

«Я рожу девочку с черными, как смоль, волосами!» пообещала она себе вслух, не замечая, что раскачивается взад и вперед, не в силах сидеть спокойно из-за с недавних ее нетерпения и любопытства.

Ребенок.

Ее.

Их.

Его.

Она вскочила и принялась мерить шагами комнату. Скажет она ему о ребенке? Нет, кричала ее душа. Особенно после той отвратительной шутки, которую он над ней сыграл!

Это будет ее дитя. Внук ее отца. О, если бы только Мэнон был сейчас жив!

Она застыла на месте, охваченная нестерпимым желанием бежать отсюда, Почти не понимая, что делает, Мелисанда ринулась вон из комнаты, сбежала по лестнице вниз и поспешила в конюшню. Не нуждаясь в услугах конюхов, она сдернула с крюка, вбитого в стену, отделанную серебром уздечку и в мгновение ока накинула ее на морду Героя. Через секунду она уже сидела на коне, не желая возиться с седлом. Ворота крепости оказались

открытыми, поскольку в дневное время через них постоянно сновали взад-вперед крестьяне и мастеровые, спешившие по своим делам.

Послав коня в галоп, она вихрем понеслась через поля. Она ехала без цели, однако по старой памяти очутилась возле знакомого ей ручья, совершенно забыв о том, что недавно именно здесь застиг ее врасплох негодяй Жоффрей. По правде говоря, она вообще ни о чем не думала в эти мгновения.

— Мелисанда!

Конар, догнавший ее верхом на Торе, не сводил с нее разгневанного взгляда. Голос его дрожал от сдержанной ярости.

— Ведь ты обещала, что не будешь так глупо рисковать своей жизнью!

Она лишь фыркнула в ответ, гордо выпрямившись и не отводя в сторону глаз.

— Ты обещала! — снова прогремел он.

Естественно, во время своего бегства она и не подумала о том, что нарушает данное ему обещание, хотя теперь, пожалуй, ей самой было бы нелегко разобраться в тех обещаниях, что она действительно дала Конару.

— Господи Иисусе, неужели тебе охота снова повстречаться с этим негодяем Жоффреем?

Она не думала ни о каких обещаниях, ни о каком Жоффрее, она лишь пыталась потушить огонь, бушевавший в ее груди.

— Оставь меня в покое, отродье викингов! — вскричала Мелисанда. Она рванулась было к Герою, но Конар мгновенно соскочил с Тора и перехватил ее.

— Ради всего святого, что с тобой творится?

— Мои обещания! А твои обещания? Ах ты ублюдок! — кричала она, молотя кулаками по его груди.

— В чем дело? — спросил он, несколько смутившись. — Какое обещание я успел нарушить?

— Можно подумать, тебе когда-то вообще требовалось давать обещание!

— Я... — начал было он, но в тот же миг все понял, Скрестив руки на груди, он свысока взглянул на нее. — Так вы, сударыня, соизволили отправиться к Бренне и расспросить ее о моих действиях?

— Да, да, я пошла к Бренне и выяснила, что ты обманул меня, как последнюю идиотку!

— Ну, как последняя идиотка ты вела себя сейчас сбежав из замка.

— Прекрасно, тогда я вернусь в замок, а ты можешь оставаться тут!

— Вот-вот, возвращайся в замок!

Его руки подхватили ее и посадили на Героя. Она с места пустила коня в галоп, нимало не заботясь о том, что Конар еще не успел вскочить на своего Тора.

Однако, несмотря на пресловутую резвость Героя, через несколько мгновений Конар уже догнал ее.

Она вихрем пронеслась через ворота, остановившись лишь возле конюшни. Швырнув поводья какому-то мальчишке, Мелисанда чуть не бегом промчалась обратно в свою комнату, и тут вдруг припомнила тот день, когда Конар дерзнул прикоснуться к ее драгоценным доспехам, к дару ее отца.

Она ринулась к сундуку, собираясь перепрятать их подальше, пока не явился Конар, но успела лишь схватить меч с инкрустированной золотом рукоятью, когда он ворвался в комнату.

Он застыл возле дверей, удивленно подняв брови.

— Ты угрожаешь мне мечом?

— Могу вас уверить, что я достаточно хорошо владею им, сударь, — холодно произнесла она.

— Неужели?

Он сделал несколько шагов в ее сторону. Отступая, она споткнулась о сундук и чуть не упала, но мгновенно выпрямилась, обнажив клинок.

— Я отниму его у тебя, Мелисанда.

Она упрямо вздернула подбородок.

— Не смей приближаться ко мне. Хотя ты и великий Повелитель Волков, но сделан из той же крови и плоти, что и другие люди, а я искусно владею этим оружием!

— О, да, ты искусно владеешь не только этим оружием, — быстро подтвердил он. — И все это ты затеяла только лишь потому, что я не сплю с другой женщиной? — голос его неожиданно сорвался на шепот.

— Потому что ты оказался лжецом! — вскричала Мелисанда.

— Я никогда не лгал тебе.

— Оттого что ты постоянно хочешь помыкать мною, оттого что вся эта твоя торговля — пустой фарс, оттого что... просто оставь меня в покое! — она угрожающе подняла меч.

— Ты никогда больше не поднимешь на меня меч, Мелисанда, — медленно покачал он головой. — Клянусь тебе в этом, — и вдруг в воздухе блеснул его собственный клинок. Она отскочила назад, в испуге осознав, что он будет биться с ней — сию минуту, в этой комнате.

— Оставь оружие, Мелисанда.

Она почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица, однако была достаточно уверена в себе и не желала сдаваться.

Он сделал выпад, и его клинок со звоном скрестился с ее мечом. Мелисанда ловко парировала удар, хотя и была поражена его силой.

Когда-то она упражнялась во владении мечом с его братом. Ей были известны кое-какие его приемы.

Она неплохо билась, вкладывая всю свою силу в наносимые ею удары, отбивая его выпады, ловко обороняясь.

О, ей удавалось противостоять ему! Но он был беспощаден, его горящие гневом глаза следили за каждым ее движением, его удары не становились слабее.

Она стала уставать, поднимать тяжелый меч становилось все труднее.

— Сдайтесь, сударыня? — высокомерно поинтересовался он.

— Никогда, сударь!

Неожиданно кто-то забарабанил в дверь.

— Конар! — взволнованно кричал Свен. — У вас все в порядке?

— О да, — отвечал Конар. — У нас все просто отлично.

— Мелисанда! — раздался голос Рагвальда.

— Все хорошо! — торопливо откликнулась она, при этом чуть не пропустив выпад Конара.

— Оставьте нас в покое! — гневно приказал Конар. Зловеще улыбнувшись, он снова стал наступать на нее.

Она с ужасом поняла, что все это время он играл с ней, как кошка с мышкой. Она неплохо отбивала его атаки, но лишь потому, что дрался он до сих вполсилы.

А вот теперь он взялся за нее всерьез, и его натиск ошеломил ее.

Она попыталась отбить очередной удар, но он умудрился выбить у нее из руки меч, отлетевший в дальний угол комнаты. Скрипя зубами от досады, она прикинула расстояние между нею и Конаром, между нею и клинком. Он снова улыбнулся и взмахнул мечом перед самым ее носом, при этом не поранив ее, не оставив ни единой царапины на ее коже.

Он рассек лишь ее платье от горла до пупка.

— Проклятый викинг! — выругалась она, а потом, неожиданно рванулась за своим мечом.

Он позволил ей его подобрать и тут же снова пошел в атаку, неутомимо нанося удары. Она пыталась парировать, и на какой-то миг их клинки скрестились.

Он был гораздо сильнее ее. И ее рука вместе с мечом стала клониться к полу.

— Оставь оружие, — посоветовал он.

Наконец ее пальцы не выдержали и разжались. Стремительно нагнувшись, Конар поддел острием своего меча ее клинок и отбросил его подальше за сундук.

— Довольно, Мелисанда! Довольно играть мечами и кольчугами! И хватит тебе бороться со мной.

В горле у нее пересохло, она с трудом переводила дыхание. Ее прекрасные обнаженные груди трепетали. Она опять ненавидела этого человека, ненавидела!

Но Бог ты мой, кровь так и бурлила у нее в жилах! Ей так хотелось продолжать драться, сцепиться с ним, прижаться к нему.

Она вся сжалась, увидав, что он опять взмахнул мечом — вне всякого сомнения, он просто рассечет ее сейчас напополам.

Но он всего лишь хотел стряхнуть с клинка лохмотья ее платья. Она отскочила назад, не сводя с него взгляда.

— Весьма достойно сына твоего отца, великого и могущественного короля — заставить свою жену шляться в голем виде!

— Именно наготы я от нее и добиваюсь, — парировал он.

— Нет! — вскричала Мелисанда, собираясь бежать.

Он ухватил ее за остатки платья, и материя с треском лопнула и сползла с ее плеч. Она застыла возле двери, и он вдруг расхохотался.

— Неужели моя дражайшая обнаженная супруга так поспешно решила сбежать к Свену и прочим викингам, которые сидят сейчас в зале?

— Да хотя бы и к ним! — крикнула в ответ она, действительно не зная толком, куда ей теперь скрыться. Единственное, что она сейчас знала очень хорошо, что стоит ему прикоснуться к ней, как весь ее гнев, вся ее ярость превратятся в ничто, в нуль. Она желала его в этот миг так страстно, как никогда еще женщина не желала мужчину.

Но стоило ему обнять ее, глаза ее наполнились слезами. Она изо всей силы ударила его по плечу.

— Ублюдок!

— Потому что я не сделал Бренну своей любовницей?

— Потому что ты сделал меня круглой душой.

— Должен ли я теперь спать с тобой, чтобы тебя утешить?

Она размахнулась было, чтобы влечь ему пощечину, но он перехватил ее руку и прижал ее к себе. Она, стала с бешенством вырываться из его объятий.

Он начал целовать ее.

— Нет, не сейчас! Не сейчас!

Но он уже разжег ее страсть. Его ласки были быстрыми и так возбудили ее, что уже через несколько секунд их тела переплелись на кровати, и он вошел в нее.

И лишь позже, много позже, когда в полном изнеможении она растянулась подле него, она вспомнила, что что-то должна была ему сообщить.

Ну уж нет!

После всего, что произошло сегодня, — ни за что!

Он уселся на краю кровати, играя ее локонами. Его взгляд неожиданно стал серьезным и пытливым.

— Ты можешь гневаться на меня, Мелисанда. Можешь ненавидеть меня. Обзывать меня, как тебе будет угодно. Но тебе нельзя выезжать из крепости одной. И мне неважно, что мы с тобой наобещали друг другу и твердо ли следуем своим обещаниям — ты не должна быть так неосторожна.

— Но ведь Жоффрей явился тогда на свадебный пир! Он прекрасно знает, что я твоя жена и что ему не видать моего замка, как своих ушей, — упрямо спорила она.

— Жоффрей по-прежнему опасен.

— Но это же смешно!

— Я знаю, что это правда.

Она обиженно отвернулась. Он погладил ее по плечу. Его голос прозвучал неожиданно мягко.

— Мелисанда...

— Оставь меня в покое, умоляю тебя!

— Мелисанда...

— Я не желаю с тобой ни о чем разговаривать. Ты обошелся со мной как с деревенской дурочкой!

— Но ведь ничего страшного из-за этого не случилось...

— Ха, представьте-ка себе на минуту, сударь, что я обставила вас подобным образом! — она задохнулась от гнева, перевела дыхание и продолжала: — Что, если нам поменяться местами, могущественный рыцарь? Что, если тебе придется гадать, с кем я сплю?

Он мгновенно вскочил с кровати. В следующую секунду он грубо развернул ее к себе и прижал к ее горлу острие меча.

— Сударыня, не испытывайте мое терпение. Я убью любого, кто позарится на вас, и сделаю то же с вами!

Он отшвырнул ее обратно на кровать, схватил свою одежду и одним махом натянул на себя панталоны. Она следила за ним, трясась от гнева.

— Ну да, ты сделаешь все по законам викингов! — прошипела она.

— Вот именно, по законам викингов, — подтвердил он, натянув через голову рубашку.

В дверь снова решительно постучали.

— Прочь отсюда! — взревел в ярости Конар. В ответ раздался нежный звонкий голос. Бренна.

— Простите, милорд. Прибыл корабль из Дублина.

Конар нахмурился. Мелисанда натянула одеяло до подбородка, испугавшись, что он может открыть дверь сию минуту.

Что он и сделал. В коридоре стояла Бренна и двое незнакомых рослых мужчин. На первый взгляд они не были похожи на викингов, это были темноволосые ирландцы. Она вся

вспыхнула, когда они взглянули в ее сторону, склонив головы в уважительном поклоне. Она была готова провалиться сквозь землю от стыда, но поняла, что их абсолютно не волнует ее вид. Ежели лорд Конар желает овладеть своей женой в дневное время — он имеет на то полное право.

Бренна на мгновение остановила на ней свой взгляд.

— Что случилось? — требовательно спросил Конар.

— Ваш отец послал к вам за помощью, сударь, — произнес с низким поклоном гонец помоложе, с минуту он колебался, а затем продолжил: — Ваш дядя, лорд Найалл, попал в плен к Мелмордену, королю западного побережья, и в Дублине собираются дружины ему на помощь. Ваш отец надеется, что вы присоединитесь к ним.

Мелисанда наблюдала, как Конар, глубоко взволнованный, с тревогой обратился к гонцу:

— Мой дядя жив?

— По крайней мере, так считает ваша матушка.

— А как она?

— Она не пала духом, ведь рядом с ней — ваш отец. Для дочери Ард-Рига не в новинку превратности войны! Найалл — ее родной брат, и ваш отец должен поспешить ему на выручку.

— И я тоже, — негромко продолжил Конар. — И я тоже.

— Король будет счастлив, — уверил его гонец.

Конар кивнул ему и захлопнул дверь. Глубоко задумавшись, он словно не видел Мелисанду, хотя и смотрел в ее сторону.

— Стало быть, нам снова предстоит плавание, — пробормотал он.

Она села, прикрываясь простыней.

— Что значит «нам»? Я останусь дома, Конар.

— Ты отправишься вместе со мной. Нет, она не перенесет новой разлуки с родным домом! Ведь она только успела вернуться!

— Я ненавижу тебя, понятно? — объявила она. От унижения у нее на глазах опять выступили слезы.

Она не хотела, чтобы он уезжал. Но еще больше не хотела уезжать она и проводить все свои дни взаперти в Дублине, в бесконечном ожидании. И не потому, что она не любила Эрин, нет, сейчас ее заботило другое.

В доме его отца, наверное, уже позабыли, что такое мир. Ирландия была постоянно раздираема войнами. А им с Конаром надлежит находиться здесь! Конар нужен Одо, иначе старик не сможет защищать побережье!..

Конар вдруг склонился над нею. Он нежно приподнял ее лицо и вытер слезы. На мгновение, но лишь на мгновение, ей показалось, что его решимость поколебалась.

— Я не смею оставлять тебя здесь, не смею! Ну как ты не можешь этого понять? Тебе придется отправиться в путь вместе со мной! У нас нет выбора.

С этими словами он покинул ее. Дверь за ним захлопнулась, и Мелисанда осталась одна.

Сборы были торопливыми, и Мелисанда даже не успела толком попрощаться с близкими ей людьми. Впрочем, решила она в тот день, дальние проводы — лишние слезы.

Вместе с ними отправились в плавание Свен и Бренна. Филипп с Гастоном остались дома, равно как и Мари де Тресси, несмотря на ее горячие уверения в том, что она прекрасно перенесет тяжести плавания, лишь бы не оставлять в одиночестве свою любимую хозяйку.

Но как ни приятно было иметь подле себя кого-то из близких, Мелисанда намеренно решила сопровождать Конара одна. Не исключено, думала она, что после отъезда Конара на войну, ей придется предпринять какой-нибудь отчаянный шаг, и тогда последствия его пусть лягут лишь на ее плечи.

Ничего определенного она пока не планировала. Она лишь выжидала, как повернутся события. Ведь она повзрослела и приобрела кое-какой опыт. Она побывала в родном замке. И хотя в нем уже сильно ощущалось влияние Конара, он как-никак продолжал оставаться ее родовым гнездом. Да и годы дальних странствий не прошли для нее даром. В Дублине она узнала, что такое человеческое тепло и радушие и познала законы гостеприимства по отношению к странствующим и путешествующим — если, конечно, эти странствующие и путешествующие не разоряют хозяйских владений.

У Рианнон она научилась вежливости и галантным манерам. Она знала теперь, как можно создать уют и тепло с помощью искусно расшитых занавесей на окнах в залах замка. Да, ее дом слишком давно не знал женской руки.

Она овладела ремеслом строгого, но справедливого судьи, призванного разрешать споры между крестьянами и арендаторами. Она знала, как можно припугнуть тех, кто готовит бунт, и усмирить тех, кто уже взбунтовался. Она не хотела покидать свой дом. Она приросла к нему всем сердцем, и с тоской думала о предстоящей разлуке.

Не хотела она и того, чтобы Конар участвовал в иноземных войнах.

Ей постоянно приходилось напоминать себе, что Конара эта война не является иноземной. Он отправился на помощь отцу и дяде — нынешнему Ард-Ригу. А, кроме того, Мелисанда искренне любила свою свекровь и желала ей счастья.

И все же мысль о том, что Конару придется опять отправляться в бой, причиняла ей ужасные муки. Он отправится в бой, он покинет ее. Но она ни за что не решится даже намекнуть ему о том, что будет скучать без него. По сути, она намеренно старалась поменьше общаться с ним в последние часы перед отплытием, благо ей необходимо было защищаться упаковкой багажа, а потом они долго стояли вдвоем с Рагвальдом на галерее крепостной стены, любуясь, над землей сгущаются сумерки и в небесах разгораются звезды. Рагвальд угрюмо указал на прозрачную дымку, сгустившуюся вокруг лунного диска, и предрек дождливую погоду на завтрашнее утро.

— На сей раз я не буду отсутствовать так долго уверяла она старика. — Я обязательно скоро вернусь!

Он лишь молча обнял ее, а она задумчиво смотрела на подступавшую к замку тьму, с которой едва справлялась бледная луна. Она сердито прикусила нижнюю губу. Если ей суждено родить ребенка, она родит его здесь. Если Конар надолго задержится в Ирландии, она вернется домой без него. И пусть себе является следом за ней, весь пылая от ярости — что ж, значит, быть по сему. А если он откажется от нее...

И сердце ее сжалось при воспоминании о том, что Бренна честно предупредила ее: она готова служить Конару и выполнять любые его желания.

Она лежала, забившись в угол кровати, когда совсем поздней ночью он явился в их опочивальню. Она не открыла глаза и не издала ни звука, притворившись спящей. Он долго молча стоял возле кровати.

Наконец, он вздохнул, разделся и скользнул под одеяло. В эту ночь он к ней не притронулся.

Ей показалось, что утро наступило слишком скоро.

Рассвет бы вялым и туманным, в точности, как предсказал ей Рагвальд. За окном слышался слабый звук падающих капель — шел дождь. Конар давно уже проснулся и лежал рядом не сводя с нее глаз.

Она удивленно и растерянно посмотрела на него.

Он легонько погладил ее по щеке.

— Мне уже пора отправляться, и я должен взять тебя с собой.

Она отвернулась от него, уставившись на сундук, в котором лежала ее кольчуга — теперь ей казалось, что в этом сундуке осталось уложенным ее детство.

Но ведь ее меч — настоящий. И кольчуга наверняка еще придется ей впору. Все-таки удивительно, почему он так и не отобрал у нее ни меч, ни кольчугу.

Он не оставит ее. Она в этом не сомневалась.

— Ты можешь в не брать меня с собой, — осторожно произнесла она.

Она почувствовала, как его пальцы пробежались по ее спине, и ощутила невольный трепет. Это прикосновение породило в ее теле странную волну тепла, странные желания. Ей захотелось обернуться к нему, обнять его, прижать к себе. Она знала, что, если он уедет, она будет тосковать без него. Тосковать по его ночным ласкам, тосковать по силе и теплу его тела. Тосковать по тем восхитительным снам, что снились ей в его объятиях.

Но она не повернулась к нему. Что бы она ни сказала, что бы ни сделала, он все равно отправится на войну. И не возьмет ее с собой — он возьмет Бренну. Он оставит ее ждать возле чужого очага — пусть даже с любовью относились к ней хозяева.

— Некоторые жены, — сказал он, — бывают рады находиться подле своих мужей.

— Но ведь я не буду подле тебя.

— Будешь, пока мы не поскачем на север.

— И ты оставишь меня.

— А ты готова расстаться со мной прямо сейчас, любовь моя?

Она молчала. Он гневно закончил за нее:

— Конечно, ты готова. Ты готова пойти на что угодно, продаться самому дьяволу, лишь бы остаться дома!

И там, в Ирландии, ты будешь считать часы, и молиться о моем благополучном возвращении — лишь бы поскорее вернуться сюда, — он отвернулся и вскочил с постели. Мелисанда невольно залюбовалась его мощной спиной, широким разворотом плеч, узкими мускулистыми бедрами.

— А что будет, если ты не вернешься? — прошептала она.

— Тебя бы устроил такой конец? — спросил он, обернувшись.

— Это могло бы быть причиной отмены поездки, — упрямо настаивала она на своем.

Он обошел вокруг кровати, приблизился к ней и поднял ее лицо за подбородок.

— Неужели ты хочешь, чтобы я предал своего отца Мелисанда?

Она не сразу нашлась, что ответить. А потом вздохнула и снова отвернулась от него.

— Нет, я этого не хочу. Но ты рискуешь собой, рискуешь мной...

— Неправда, сударыня, даже если я и не вернусь, ничего страшного не случится. Станешь ли ты оплакивать меня? Или радостно сбросишь с себя цепи, что так сковывают тебя сейчас, и поплывешь домой, чтобы наслаждаться безраздельной властью над своими владениями?

Она встретила с его взглядом и торопливо прикрыла глаза ресницами.

— Вы слишком жестоки, рассуждая таким образом милорд. Я никогда никому не желала смерти.

— Никому? Я что-то не заметил, чтобы ты убивалась по Джеральду!

— Ну, возможно, Джеральд был исключением — и лишь потому, что он убил моего отца.

— А как понимать то, — еле слышно произнес он, — что ты сама подняла на меня меч?..

Она отскочила от него, но он поймал ее и силой развернул к себе лицом.

— Я не собираюсь с тобой это обсуждать! — заявила она.

— А я собираюсь, — он крепко держал ее за плечи. — Может статься, ты зря боишься. Я вернусь, Мелисанда. Клянусь тебе! Я не погибну. И я никогда не позволю тебе сбежать, помни!

— Мой отец ни за что не покинул бы меня, — тихо промолвила она.

Золотистые его брови поползли удивленно вверх, холодные голубые глаза внимательно следили за ней.

— Не должен ли я это понимать так, что ты стала хоть немного заботиться обо мне?

— Не издевайся надо мной, Конар, — предостерегла она.

Его черты словно застыли.

— Я не издеваюсь над тобою.

— А ты? Ты сам? Даже тиран хоть немного, но заботится о своих рабах!

— Ну сколько раз я должен повторять, что за всю жизнь ничего не хотел, кроме обладания тобой.

— Хотел, — пробормотала она, потупив взор.

Его пальцы до боли сжали ее запястья.

— Я вернусь! — снова пообещал он. — Клянусь, я никогда не уступлю тебя ЖофFREЮ!

И я не умру, пока не дождусь наследника для этого замка.

«Скажи ему!» — кричало все у нее внутри.

Но она промолчала. Он обещал вернуться. Вот когда он снова доставит ее домой, тогда она и расскажет ему.

— Что с тобою? — нежно спросил он. Она лишь покачала головой.

— Мелисанда! Я умоляю тебя, не старайся скрывать от меня свои мысли за семью печатями! — промолвил он.

Мелисанда заглянула ему в глаза и увидела в них тревогу. Неужели он любит ее? Пока лишь несомненно одно — он хочет ее.

Его губы медленно приблизились к ее губам. Их поцелуй был страстным, возбуждающим, желание опять непреодолимо влекло их друг к другу. Вот она уже прижалась к нему, лаская тяжелое золото его волос, с уже привычным томлением ожидая прикосновения его рук...

С пронзительным скрипом отворилась дверь. Они отпрянули друг от друга, не в силах отвести горящие глаза.

— Милорд! — услышали они голос Свена. Он неловко прокашлялся. — Поторопитесь, пора подниматься на борт.

— Да, да! — откликнулся Конар.

Мелисанда больше не пыталась спорить. Она быстро умылась и оделась, ни говоря ни слова. На берегу предложил ей взять с собой Героя. Сначала она сомневалась. Но потом отрицательно покачала головой: она решила не брать Героя с собой, потому что боялась возможных трудностей с его доставкой обратно.

— Его дом — здесь, — пояснила она Конару. — Бедняга не приучен к твоей экстравагантной манере таскать лошадь повсюду за собой.

Вступая на борт корабля и прощаясь с Рагвальдом она уже решила, что не станет дожидаться Конара, что одна вернется домой задолго до него.

Она будет горячо молиться о его благополучном возвращении — но будет делать это дома.

Хотя на море слегка штормило, Мелисанда чувствовала себя прекрасно. Она уж стала думать, не могла Бренна ошибиться?

А та то и дело бросала на Мелисанду вопросительные взгляды, а однажды, когда их корабли шли борт о борт, даже поинтересовалась, как она себя чувствует.

Они сделали краткую остановку, чтобы пополнить запасы воды и провианта возле берегов Англии, а потом взяли прямой курс на Ирландию, в Дублин.

Встреча с семьей Конара могла бы быть гораздо более радостной, если бы Мелисанду не сжигало беспокойство об оставленном ею замке. Эрин встретила с распростертыми объятиями, требуя, чтобы ей рассказали обо всем, что произошло с ними за время их разлуки. Даже Рианнон и Эрик оказались здесь, так как и Эрик откликнулся на призыв отца и собирався тоже биться за свободу своего дяди.

Первый день, проведенный за городскими стенами Дублина, был в равной степени и радостным, и тревожным. Ведь несмотря на радость от встречи с любезными ее сердцу людьми, она ни на минуту не забывала, что собрались они здесь для того, чтобы отправить своих мужчин на войну.

Эрик провел этот день, не расставаясь со своим отцом, братьями, шуринами и многочисленными кузенами и дядьями. Мелисанда же пребывала в обществе Рианнон, Эрин и золовок, сидя в дамской гостиной — уютной, просторной комнате, полной воздуха и солнечного света. Эти покои Олаф Викинг возвел специально для своей жены — на удивление всей округе.

Рианнон, не в силах совладать с волнением, не находила себе место. Дариа тоже была в каком-то возбуждении. Однако Эрин и ее старшие дочери сидели спокойно, занимаясь вышиванием. Катерина, жена Конана, держа в руках томик в изящном переплете, громко читала вслух саги о древней Ирландии, о деяниях святого Патрика, принесшего на остров христианство и изгнавшего отсюда всех змей.

Мелисанда пыталась прислушиваться, но мысли ее витали где-то далеко. Внезапно она поняла, что Эрин давно уже не сводит с нее пристального взора своих все еще прекрасных изумрудно-зеленых глаз.

— Как вам это удастся? — тихонько шепнула Мелисанда. — Вы так спокойны, зная, что в этот миг мужчины уезжают на войну!

Эрин пожалала плечами и улыбнулась, взглянув на Мелисанду.

— Я спокойна, поскольку слишком много раз видела, как они уезжают на войну. Благодарение Богу, они всегда возвращались. Почти всегда... — голос ее дрогнул. — Мне также приходилось и терять любимых мною людей. И всякий раз, провозжая на войну милорда Олафа, я чувствовала, как во мне умирает какая-то частичка моей души. Лейв — мой старший сын, он первым удостоился чести сопровождать своего отца, и мне казалось, что я не перенесу его гибели. Но Господь был милостив. Он вернулся. И все же каждый раз, когда мои сыновья уезжают, повторяю, во мне умирает еще одна частичка моей души. Хотя я давно поняла, что не сохраню жизнь ни одному мужчине, если заставлю его цепляться за свою юбку.

Когда-то мой отец смог овладеть всем островом благодаря поддержке моих братьев и прочности союзов с другими феодалами. А когда стало ясно, что остров придется уступить Олафу — он выдал меня замуж. Мы сильны, пока мы едины, — она наклонилась поближе к Мелисанде, ласково глядя ей в глаза. — Ты знаешь, Конар вернется!

— Он тоже пообещал мне это, — пробормотала она.

Он обязательно вернется — ведь он еще не наградил ее наследником.

— Ты не обиделась на то, что его так быстро снова вызвали сюда, ведь ты даже не успела толком отдохнуть дома?

— Нет, — быстро отвечала она, и, опасаясь, что Эрин раскусит ее ложь, Мелисанда прикрыла глаза ресницами.

Мелисанда знала, что даже если она и вправду беременна, еще слишком рано для того, чтобы ребенок пошевелился у нее в утробе.

И все же...

Она ощутила какой-то трепет. Не был ли это ребенок? Если родится мальчик, будет ли он послушным, встанет ли на защиту своего отца и своих владений? Вот она сама бы всегда билась насмерть за своего отца, не пожалела бы для него ничего на свете!

Она посмотрела на Эрин и повторила:

— Нет, правда. Я... я счастлива снова увидеть в ведь я не хотела бы расстаться с вами надолго!

Эрин улыбнулась и отложила в сторону свое шитье.

— Ты всегда желанна в нашем доме. Ты стала так близка мне, как и мои родные дети, — она погладила Мелисанду по щеке. — Я воспитала прекрасное дитя, — тихонько произнесла она. А потом обратилась ко всем окружающим: — Прошу меня извинить, но в доме полно гостей, и мне необходимо присмотреть за приготовлениями к трапезе.

В замке, действительно переполненном гостями, кипела жизнь. Бриан и Грайс были в восторге от встречи с Мелисандой, равно как и Мелисанда обрадовалась озорному веселью: братья подхватывали ее и кружили в своих объятиях. В толпе то и дело попадались знакомые лица, и со всеми надо было поздороваться. Здесь собрались все дети короля и королевы, а они, в свою очередь, привезли с собою своих детей — словом, яблоку негде было упасть.

Однако еще до наступления трапезы вся мелюзга была отправлена спать, и в большом зале моментально накрыли столы, и за ними расселась вся семья. Стол ломился от всевозможных яств: свежие овощи и фрукты, домашняя птица, дичь, кабаньи и олени окорока, жареная рыба, копченый угорь — чего здесь только не было! Сменилось бесчисленное множество блюд. Все это запивалось огромным количеством вина, эля и меда.

Однако большого веселья не было, гости были серьезны, да и хозяйева явно не

собирались их развлекать. Во время ужина лишь один музыкант тихонько наигрывал на лютне, и Мелисанда вскоре догадалась, почему.

Они с Конаром прибыли в числе последних. Утром мужчины уезжают, и сегодняшняя трапеза закончится раньше обычного.

Сам Олаф поднялся из-за стола первым, предложив руку Эрин. Хотя они прожили нелегкую жизнь, годы пощадили их. Они все еще представляли собой привлекательную, достойную пару: он светлокожий, с золотистыми волосами, а она смуглая, темноволосая.

Рука Эрин переплелась с рукой Олафа, взгляды их встретились. Мелисанда вдруг смутилась, поняв, что, несмотря на все прожитые годы, на всех их рожденных и поднятых на ноги детей, эти двое все еще горячо любят друг друга, и всю нынешнюю ночь проведут в нежных объятиях.

— Мелисанда?

Конар склонился над ее креслом. Она на мгновение замерла, словно пронзенная болью. Ей тоже захотелось человеческой близости, ласки.

Ей захотелось оказаться в объятиях викинга. Ей захотелось испытать ту страсть, которой горели король и королева Дублина.

Она до боли прикусила губу и переплела свои пальцы с пальцами Конара.

Однако им не сразу удалось покинуть зал: надо было раскланяться со всеми многочисленными гостями и родственниками, пожелав им доброй ночи.

И уже на самом выходе из зала Конара зачем-то остановил его брат, Эрик. Ожидая, пока они кончат беседовать, Мелисанда заметила старого Мергвина, с которым до сих пор ей еще не удалось встретиться.

Мергвин!

Радостно вскрикнув, она поспешила к нему и повисла у него на шее.

— Я и не знала, что ты сегодня окажешься здесь!

— Я ненадолго, — отвечал Мергвин. — Ведь я слишком стар, чтобы отправляться на войну. У Бренны глаза острее моих — теперь ее очередь читать тайнопись божественных предсказаний. А меня повлекло к родному дому — вот я и отправился в плавание с Эриком и Рианнон. У нас еще будет время наговориться вдоволь, — уверил он ее.

— Я так рада! — и она чмокнула его в щеку.

— Твой супруг зовет тебя, — заметил Мергвин, Мелисанда обернулась: Конар поджидал ее и, увидев Мергвина, небрежно махнул ему рукой. Мелисанда внезапно поняла, что прорицатель весь день участвовал в военном совете с остальными мужчинами.

— Ну что ж, тогда желаю тебе доброй ночи, — сказала она. — Мы обязательно встретимся завтра.

Однако старик задержал ее еще на миг.

— Конар вернется, — со значением сказал он.

— Он говорит то же.

— И это правда. Так сказали руны.

— А они не могли ошибиться?

— Если их бросал я? Вряд ли.

— Благодарю тебя, — с улыбкой сказала она.

— Мелисанда, — тихонько окликнул он, когда та повернулась, чтобы уходить.

— Да, Мергвин?

— Это мальчик.

— Что?

— Твой ребенок. Это мальчик. Ты уже сказала ему?:

— Я сама еще не уверена! — возмутилась она, побледнев от гнева, но потом смягчившись, — а ты... ты сам не хочешь сказать ему?

— Нет, сударыня. Это...

— Да, да, это мое право! — перебила она, снова собираясь ретироваться.

— Мелисанда, — снова окликнул он.

— Да?

— Волки очень живучи.

— Прости, я не поняла.

— Волки, — отдельно повторил он. — И их щенки. И щенки их щенков. Они все очень живучи.

Она растерянно улыбнулась, пораженная, как легко Мергвин смог прочесть ее мысли; не хотелось бы ей, чтоб нашелся еще кто-нибудь, способный на это.

— Впрочем, похоже, на меня напала стариковская болтливость.

— Хм-м-м! — Мелисанда не нашлась, что ответить, поцеловала его еще раз в щеку и удалилась с Конаром в отведенную для них комнату.

Она оказалась весьма просторной. В распахнутое окно заглядывала луна, величаво плывущая по бархатному небу. Мелисанда принялась возиться со шнурками платья на спине, и тут же почувствовала, как ей помогают его руки. Не двигаясь, она позволила ему расстегнуть платье.

— Я знаю, что ты сердисься, — нежно прошептал он. — Но может быть, хотя бы эту ночь мы не будем превращать в битву? — она с трепетом ощутила его влажное, горячее дыхание на своей коже.

Она застыла на мгновение, а потом обернулась к нему, не разнимая его объятий.

— Нет, — едва слышно промолвила она. — Не будем.

Нет, не в этот вечер. Ведь потом ей предстоит провести в одиночестве так много вечеров.

Ведь потом она вырвется из-под его гнета.

Ведь потом он отправится на войну в сопровождении Бренны.

Нет, не в этот вечер. Сегодня она будет нежной. Она прижалась к нему, жадно отвечая на его поцелуи, лаская его тело руками, касаясь его мягким шелком своих волос, Целуя, покусывая, лаская языком каждый дюйм его кожи. Она спускалась все ниже и ниже.

Его пальцы запутались в ее локонах, он тяжело и часто дышал, совершенно расслабившись, позволяя делать все так, как она хочет. А она продолжала свою любовную игру с его телом. Встав на цыпочки, она целовала его плечи, она снова и снова будоражила его прикосновениями своих рук, своего тела, своих грудей. Ниже, ниже, и вот уже ее пальцы нежно сжали его сильный фал, она ласкает его языком, губами.

Больше не в силах переносить эти мучительные ласки, Конар подхватил Мелисанду и понес на кровать. Их взоры встретились. Обуздав распаленные в нем страсти, он не сразу овладел ею.

Он целовал ее так нежно, словно это была их первая брачная ночь. Он ласкал ее так, словно его пальцы старались запомнить каждый дюйм ее кожи, мельчайший изгиб ее тела. И лишь когда ее тело все напряглось охватившего ее острого желания, он вошел в нее, он слился с ней, так что они оба забыли обо всем на свете...

И еще не раз их пальцы сплетались, а губы сливались в бесконечном поцелуе, еще не раз медленно, неуклонно в них разгоралось пламя страсти, и их тела соединялись, содрогаясь от наслаждения.

Проснувшись, Мелисанда обнаружила, что Конар почти одет. С удивлением она поняла, что проспала до позднего часа, что все уже давно были на ногах, а крепостной двор шумел голосами, топотом и ржанием лошадей, звоном оружия.

— Скорее! — поторопил Конар, — мы вот-вот выступим!

Она вскочила, наскоро умылась, решив тщательно заняться туалетом в более удобное время, и оделась.

Обернувшись к Конару, она обнаружила, что он почти в полном вооружении: грудь его прикрывали сверкающий доспехи, на роскошной перевязи висел меч, в руках он держал круглый остроконечный шлем. Стараясь не причинить ей боль, он осторожно прижал ее к груди и нежно поцеловал.

— Я вернусь. Верь, что наша разлука не будет долгой, жди меня, я вернусь.

Она вздрогнула. Не сводя с него взгляда, она молча кивнула. Он коснулся ее щеки и удивленно спросил:

— Мелисанда, ты боишься за меня?

— Да, да! Ведь я должна дождаться тебя!

— Обещай мне это.

— Да! — воскликнула она.

— Что это — любовь или ненависть блеснули в твоих глазах? — требовательно спросил он.

Она потушила взор, но он заставил ее поднять голову.

— Мелисанда!

— Я умоляю тебя...

— Послушайся моих предостережений!

— Разве у меня есть выбор?

— Нет, — с чувством подтвердил он. И направился к выходу.

Мелисанда последовала за ним. Он вдруг остановился, обернулся к ней и взял ее за руку. Спустившись во двор, они увидели, что их ожидает Свен, держа в поводу Тора и свою лошадь. Конар взялся за уздечку, но задержался и, еще раз обнял Мелисанду. У нее перехватило дыхание, она испугалась, что может лишиться сил и упасть, как только он оставит ее.

Он попытался ободрить ее перед расставанием. Мелисанда чувствовала, что плачет.

— Господь да пребудет с тобой, — вдруг прошептала она. — Я буду молиться, Господь да пребудет с тобой!

— Да, и с тобой, — его ладонь коснулась ее лица, но всего лишь на краткое мгновение. И вот он уже вскочил на Тора. Она почувствовала на своем плече чью-то руку. Рианнон. Они отошли в сторону от всадников, и Мелисанда увидела, как строится семейная дружина.

Это было внушительное и грозное зрелище. Они образовали длинную, казалось, бесконечную, цепь. Строй возглавил Олаф, по обе руки которого заняли свои места его рослые златокудрые сыновья, Эрик и Конар, казавшиеся еще выше из-за остроконечных викингских шлемов. Даже с такого расстояния можно было разглядеть суровый блеск их ярко-голубых глаз. Рядом с ними находились остальные братья: Конан, Бриан, Брайс и Лейв. В следующем ряду Мелисанда увидела зятьев, Михеля и Патрика, а также многочисленных

братьев и кузенов Эрин, и еще одного Эрика, чистокровного викинга, брата Олафа.

На какое-то мгновение строй замер неподвижно, затем земля содрогнулась от дружного топота сотен копыт.

Длинная, грозная вереница вооруженных до зубов всадников, извиваясь, прошла сквозь городские ворота и скрылась из виду.

Недели сменяли одна другую, а Мелисанда все еще сидела в Дублине в ожидании вестей от мужа.

Каждый день от Олафа прибывали гонцы. Но ни один из них не принес сколько-нибудь значительных новостей. Они вступили в переговоры с Мелморденом, требуя освобождения Найалла. Эрин зачитывала все послания вслух в своей гостиной, и снова наступали часы ожидания.

Мелисанда по-прежнему чувствовала себя превосходно, но ведь прошло уже больше двух месяцев, а обычные недомогания так и не наступили.

И вот уже — вольно или невольно — она начала мечтать о будущем ребенке. И ей уже не казалось таким ужасным, что у нее может родиться мальчик, к вящей радости его отца.

Она регулярно получала письма из дому, и их содержание выводило ее из равновесия. Рагвальд сообщал о странных — если не грозных — событиях. В одно прекрасное утро на окрестных холмах были замечены всадники, внимательно изучавшие подступы к крепости. И это повторялось уже несколько раз.

— Ты обеспокоена? — спрашивала у нее Эрин.

Да! — кричало все у нее внутри. Но Мелисанда не смела откровенничать со свекровью, ведь она твердо решила вернуться домой до возвращения Конара.

— Нет, ничего особенного, — лгала она. — Обычные вести с родины: кто-то родился, кто-то умер. Рагвальд пишет, что от лихорадки умер наш пастух. Но в остальном там все спокойно, и дела у них идут хорошо!

Наконец Рианнон заявила, что собирается отправиться домой. Альфред присылает торговую флотилию, с которой она могла бы добраться до Вессекса.

Мелисанда решила, что ей представляется прекрасны! случай.

— Наверное, я поплыву с тобой, — шепнула Мелисанда.

— Вы что же, все решили покинуть меня? — спросила Эрин, не сводя пытливого взгляда с Мелисанды. — Ты собираешься отправиться с Рианнон?

Мелисанда не нашла в себе сил, чтобы снова солгать Эрин. Она молча потупила взор.

— Подождите еще неделю, — предложила Эрин.

Она осталась ждать. И Рианнон ждала вместе с нею. Но от Рагвальда пришли новые вести, тревожные вести. Старик просил Мелисанду уговорить Конара поскорее вернуться.

Всю ночь Мелисанда сочиняла письмо Конару. Она писала, что уважает его сыновние обязанности по отношению к Олафу, но что в данный момент он гораздо нужнее у себя дома. Она умоляла его оставить отцовскую дружину и вместе с нею вернуться в замок.

И снова потянулись дни ожидания.

Наконец к ней явился его личный гонец. Он уверен, что скоро вернется, но не сейчас.

Ей необходимо еще подождать.

В тот же вечер она условилась с Рианнон, что поплывет вместе с нею. Они отчалили на следующее же утро.

Она обманула Эрин, заверив ее, что всего лишь собирается повидаться с детьми Рианнон, и свекровь отпустила ее, не беспокоясь об их безопасности — ведь Рианнон

находилась под покровительством Альфреда, и вряд ли бы нашелся безумец, который попытался посягнуть на права повелителя Вессекса.

Добравшись до Вессекса, Мелисанда порадовалась тому, как ей удалось все удачно спланировать. Она предварительно известила Рагвальда о том, что личные лады Конара требуются в Ирландии для ведения военных действий. И Рагвальд прислал в Вессекс небольшое судно, чтобы привезти ее на родину.

Ей не доставило большого труда уверить Рианнон в том, что она имеет полное право по своему желанию вернуться домой. Она ни разу не намекнула золовке о беспокойной обстановке на побережье Франции, и хотя той очень не хотелось расставаться с Мелисандой, она понимала ее горячее желание поскорее оказаться дома.

Ей удалось вернуться на родину меньше, чем через месяц после их отплытия с Конаром. Однако, подплывая к родным берегам, глядя на все, что было так мило сердцу, она почему-то не ощутила, как обычно, прилива радости и жизненных сил.

Возможно, все дело было в том, что она наконец-то почувствовала признаки беременности. Ее чуть не вывернуло наизнанку, а ведь она никогда раньше не страдала от морской болезни.

Она подумала о Конаре. Наверняка он придет в ярость, когда обнаружит ее отсутствие. Он будет гневаться на нее, презирать ее. А может, даже станет искать утешения в объятиях другой женщины, во всем послушной ему Бренны.

Мелисанда ступила на родную землю. Хорошая половина обитателей замка высыпала ей навстречу: Филипп, Гастон, Рагвальд, Мари, кухарки, пастухи, фермеры, мастеровые. Народ приветствовал ее.

Воздавал ей почести.

Она вернулась, чтобы править ими в отсутствие своего мужа.

Она сердечно поздоровалась со всеми, отобедала в обществе Рагвальда, Филиппа и Гастона и досыта наслушалась новостей о собиравшейся на берегах шайке данов. Она разрешила спор между двумя крестьянами поводу издохшей коровы, разобралась с перепиской с Одо и прочими соседями. Была уже поздняя ночь, когда Мелисанда покончила со всеми делами и поднялась в свою комнату.

В их комнату. Где они спали с Конаром. А теперь покинул ее.

В конце концов, она обманула его. Она не стала сражаться с ним за свои права, а попросту сбежала из Дублина, а потом из Вессекса и добралась до дому.

Ее по-прежнему тошнило. Щеки были мокры от слез. Лицо горело так, словно кто-то надавал ей пощечин. Она вскочила и умылась холодной водой. Боже, как же она была несчастна и больна!

Ее первая ночь в родном доме. Она — графиня. Она взяла бразды правления в свои руки. Никогда прежде она еще не была в таком почете.

И никогда прежде она не чувствовала себя такой одинокой, всеми покинутой.

И никогда она еще так не страдала от разлуки с ним, хотя и не сомневалась, что отныне вправе ждать от него лишь справедливого гнева.

А возможно — и возмездия.

Родина! Она так отчаянно любит ее.

И ей не пришлось продаваться дьяволу, чтобы вернуться сюда. Ей просто пришлось убить в себе любовь к мужчине.

Олаф собрал многочисленную армию, но большую часть времени она бездействовала.

Переговоры с Мелморденом затянулись до бесконечности, их оживляли лишь мелкие стычки между враждующими группировками. Армия Олафа во много раз превосходила численностью армию Мелмордена, однако у того был в руках главный козырь — Найалл, носивший ныне титул Ард-Рига. Если бы во время этих неурядиц он умер, этот титул мог присвоить себе Мелморден. Хотя сын Ард-Рига наследовал титул отца, однако его обладателем мог оказаться и не прямой потомок последнего главы рода. Право на этот титул необходимо было доказать на деле.

Сыновья Найалла были еще слишком малы — они оставались дома, их не допускали пока к участию в войнах.

В христианских странах вошло в обычай откупаться от орд викингов, чтобы разбойники оставили народ в покое. Но Мелморден призвал к себе в союзники из извечных кровных врагов — данов, и потому здесь и речи не могло быть о выкупе. Мелморден жаждал власти, он хотел, чтобы менее могущественные короли склонили перед ним голову, подчинились его господству.

Недели сменяли одна другую, а Конар все так же стоял в боевом порядке вместе с Эриком, Лейвом, их отцом и остальными братьями на поле брани, а напротив него стоял Мелморден со своими берсерками. В который уже раз Олаф передал ему свое требование освободить Найалла. Он никогда не согласится с притязаниями Мелмордена и его сына на титул Ард-Рига.

Но ничто не действовало на Мелмордена, и он опять повторил свою клятву, что Найаллу недолго осталось жить на этом свете.

Страсти были разогреты, перчатки брошены, но настоящее сражение только предстояло.

Эту ночь Конар провел прямо под открытым небом. Глядя на звезды, он вспомнил о Рагвальде, а следом за ним и о Мелисанде — впрочем, она и без того редко покидала его мысли. Он слишком хорошо знал, как шатки их позиции на побережье, и для него не было новостью известие о высадке датчан на берегах Франции.

Он ругал себя, что не смог достаточно убедительно ответить на письмо Мелисанды, но тут же понимал, что понапрасну тратит время.

Он ужасно тосковал по ней. Несмотря на все их ссоры, Конар переживал разлуку с ней, и мысли об этой женщине не давали ему покоя ни днем, ни ночью.

Особенно ночью, ведь как только он закрывал глаза, он видел перед собой ее, он слышал ее шепот, она, обнаженная, приближалась к нему — стоит лишь протянуть руку, и он коснется ее.

В лагере, конечно, были женщины. Но, несмотря на то, что его молодое, сильное тело жаждало любви, он обнаружил, что не в состоянии найти облегчение в чужих объятиях. Маленькая ведьма, похоже, накрепко приворожила его к себе, околдовала его душу. Он любил ее. Любовь показалась ему странным чувством, отнюдь не всегда приносящим радость — чаще он испытывал почти физическую боль. Он грезил о ней, он желал ее, он думал о ней в течение всех этих бесконечных дней и ночей.

Он обретал покой лишь в те недолгие мгновения, когда она снилась ему, и сны эти были восхитительны. Однако в эту ночь ему пригрезилось, будто он мечется по темному

лабиринту, зная, что навсегда потерял ее. Сердце его билось бешено. Глухая тишина нарушалась лишь его собственным хриплым дыханием, тело его горело от боли. Он громко окликнул ее по имени, побежал еще быстрее, и откуда-то издалека услышал ее слабый голос, но так и не смог разглядеть ее.

Перед ним возникли грозные шеренги врагов. Он остановился, а потом вдруг стал частью огромного дерева, росшего рядом. В таком виде он сможет пробраться сквозь вражеский стан. Он снова ищет ее, ищет повсюду. Он слышит ее голос.

Они похоронили ее. Она погребена под толщей земли. Ее слабый зов еле слышен. Мелисанда... о, как жалостно звучит этот зов, она хочет вернуться домой, к нему.

И он подбирается к ней все ближе. Он слышит ее голос. Снова и снова. И он освободит ее — неважно, сколько врагов окажется на его пути.

Он резко повернулся во сне, ударившись головой о корень дерева, под которым спал, и — проснулся. Пасшийся рядом Тор обеспокоено глядел на своего хозяина. Поблизости ворочался Лейв, также не пожелавший спать в шатре и устроивший себе постель из конской попоны и седла в изголовье. С другой стороны от него лежал Эрик.

— Конар!

Он обернулся. Лейв, превратившийся во взрослого воина, сейчас мало напоминал мальчишку, постоянно задиравшего окружающих с тем, чтобы заставить их лишний раз биться с ним на мечях. Озабоченно нахмурившись, он глядел на Конара.

— Что случилось? Ты не болен?

Конар покачал отрицательно головой и спросил:

— С чего ты это взял?

— Ты все время вертелся с боку на бок и стонал во сне.

Конара не так-то легко было вогнать в краску, но в этот раз он почувствовал, как начинает гореть его лицо. Черт бы ее побрал. Насланные ею колдовские сны скоро станут явью. Он молча поднялся с земли, за ним — Лейв и Эрик. Эрик, более посвященный в подробности личной жизни Конара, спросил:

— Ты обеспокоен состоянием дел у себя дома?

— Меня постоянно беспокоит состояние дел у меня дома, — задумчиво согласился Конар. Он пожал плечами и улыбнулся. — А когда я возвращаюсь туда, меня беспокоит состояние дел здесь, — снова задумался. — Мне приснился интересный сон. Он подал мне неплохую мысль.

— Какую? — заинтересовался Лейв.

— Мы все время сталкиваемся лоб в лоб, армии против армии. Что, если мы точно разведем, где они держат Найалла... и просто похитим его.

— Но как?

— Один человек должен пробраться в их стан. Один, которого враги не заметят, так как будут следить за многими.

— Возможно... — произнес Лейв, глядя на Эрика.

Они быстро собрали семейный военный совет и направились в шатер к Олафу. Однако еще до начала совещания они послали во вражеский стан шпионов, чтобы точно установить местопребывание Найалла.

— Но это значит, что кто-то один должен пожертвовать собою. Обречь себя на возможный плен, пытки. Если его схватят, это может еще больше запутать переговоры... — начал было Олаф.

— Отец! Но ведь так не может без конца продолжаться! — не выдержал Конар.

Олаф окинул взглядом других членов совета.

— Лейв?

— По-моему у моего брата возникла стоящая идея. Отец, эти переговоры зашли в тупик, они только выматывают нас. И мы не можем драться с ними, как собрались поначалу, ведь, если мы убьем Мелмордена, даны в отместку прикончат Найалла!

— Кто пойдет? — сурово спросил Олаф.

— Я, — отвечал Конар, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно тверже. — Мой сон, моя идея. Я и должен идти.

— Как?

— В монашеском платье.

— Мой братец постригся в монахи! — не удержался! Эрик, и все рассмеялись. Хотя и не очень-то веселый, этот смех помог немного разрядить напряженную атмосферу совета.

— Да-да, а вы не заметили, как изменились в последнее время его привычки? — добавил Лейв. — Интересно, какая волшебница его заколдовала?

— Я уверен, что она высокая, с волосами цвета ворона крыла...

— А, кроме того, поразительно послушна и неприхотлива, — закончил за него Конар. — Может, хватит?

— Да, конечно. Вернемся к делу, — согласился Лейв.

— Отец, нам, безусловно, необходимо соблюдать строжайшую тайну, кроме того, мне понадобится помощь всей нашей дружины.

— Скорее всего, Найалла хорошо охраняют.

— От внешних врагов. Я уверен, что в тылу его стерегут один-два человека, не больше. И все же его исчезновение могут обнаружить слишком быстро, вот тогда-то мне и понадобится поддержка нашей дружины.

— А что, если Найалл ранен или ослабел от пыток?

— Мне остается лишь верить в свою звезду, отец.

— Ну что ж, подождем, — отвечал Олаф. — Подождем, пока не вернутся разведчики и мы не выслушаем их донесения. Конар, я прошу тебя задержаться. Я хочу тебе кое-что сказать.

Все вышли, и Конар остался наедине с отцом. Олаф отошел от него на несколько шагов, потом обернулся и спросил:

— Ты получал известия от своей жены?

— Нет, не получал, — ответил Конар, покрываясь ледяным потом. — По крайней мере, в последнее время. Она писала мне, когда получила известия от Рагвальда о том, что на побережье возле замка высаживаются датчане, и я ответил ей. А с тех пор я ничего о ней не слышал. Что-то случилось?

— Возможно, что в этом нет ничего страшного. Эрин пишет мне, что Мелисанда вместе с Рианнон отправилась морем в Вессекс, вот и все. Я полагал, что она уже известила тебя об этом.

Конара бросило в жар, во рту у него пересохло, его гнев усилился вдвое из-за страха за ее судьбу.

— Ты волен возвращаться домой, Конар. Твой план может претворить в жизнь кто-то другой. Если...

— Нет, отец. Я сам выполню свой план. Сегодня. А уж тогда я действительно буду

волен уехать. Подумав, Олаф кивнул.

— Пожалуй, ты прав. И если тебе удастся сегодняшняя вылазка, мы все будем свободны.

Вскоре вернулись разведчики. Найалл содержится в собственном доме Мелмордена, как раз за линией шатров, которую они устроили для себя. И, конечно же, там суетится тьма народу: монахи, торговцы, слуги. Усадьбу защищает лишь линия сторожевых постов.

Лейв и Эрик провожали Конара до внешних укреплений. Он оставил Тора на их попечение и был совершенно уверен, что они дождутся его, что они не подведут. И вот в монашеской рясе и клобуке он уже приближается к вражескому стану.

Они расступались перед ним, ирландцы и члены клана данов. Кто-то в длинных узких штанах, кто-то в панталонах до колен, с голыми волосатыми ногами. Многие кутались в шубы, спасаясь от ночного холода, и у всех на поясе висели огромные боевые топоры.

Наконец он наткнулся на одноглазого вояку в огромной медвежьей шубе.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел позаботиться о душе того, кто содержится в тылу вашей армии.

— Найалл?

— Совершенно верно. Точно так же, как вы мечтаете попасть после смерти в Валгаллу, милорд Найалл мечтает об ином рае, и нуждается в проводнике.

Одноглазый кивнул и приказал Конару обождать. Через некоторое время он вернулся и сказал, что Конар может проходить: Мелмордена не волнует какой-то святоша в черном клобуке, который просится в его дом.

Конар заторопился в сторону усадьбы, которая оказалась довольно далеко от линии войска. Даже здесь, возле королевского поместья, у него под ногами путались цыплята, свиньи, овцы. Конар еще такого не видел. Куда более мощным выглядел подвластный его отцу Дублин, да и его собственная крепость за морем...

Усадьба больше смахивала на простую деревянную избу, со множеством странного вида пристроек с плетеными стенами, обмазанными глиной.

Никем не остановленный, он прошел через двор. Дверь оказалась довольно низкой. Возле нее стояли двое часовых, которые молча дали ему пройти и тут же возобновили прерванный спор.

Он наклонился, чтобы не удариться о притолоку, и прошел в главное помещение усадьбы. В очаге полыхало пламя, и висевший в комнате дым беспощадно ел глаза. Земляной пол был весь в выбоинах. На нем копошились тощие полуголые дети.

Мелморден сидел за столом в центре комнаты, показывая какие-то места на изодранной в клочья карте человеку, стоявшему у него за спиной. Когда в комнату вошел Конар, он замолчал и поднял на него глаза.

Мелморден был высок, худощав, но хорошо сложен. Его голову венчала дикая копна ярко-рыжих волос, темные глаза смотрели пронзительно. Конару с первого же момента больше всего не понравились эти маленькие, близко посаженные глаза, в которых горело алчное пламя.

Мелморден ухмылялся во весь рот, разглядывая Конара.

— Я не знаком с тобой, брат, и ты не очень-то похож на особу духовного звания. Но мне доложили, что ты явился утешать Ард-Рига, а я никогда не лишаю человека перед смертью его последних прав.

— Я не собираюсь отпустить ему грехи, Мелморден, — поклонившись, отвечал Конар. — Ведь я монах, а не священник. И пришел сюда, чтобы поддержать его силы и дать

духовные наставления в эти дни великих испытаний.

— А он нуждается в священнике, — заметил Мелморден, и человек за его спиной услужливо расхохотался.

Конар испугался, не попал ли он впросак, ведь они, похоже, собираются немедленно умертвить Найалла.

— Если он выскажет такое пожелание, я пришлю священника вместо себя, — заверил Конар.

Но, по счастью, Мелморден уже утратил интерес к их беседе. Он взмахнул рукой и приказал сидевшей в углу худосочной женщине:

— Проводи его к нашему... гостю.

Она повела Конара по длинному загаженному коридору. В конце его на полу перед тяжелой дубовой дверью сидел огромный викинг.

— Монаху разрешено войти, — произнесла женщина и ушла.

Рыжеволосого варвара совершенно не интересовала персона Конара. Он лишь кивнул и пинком растворил дверь. Конар вошел в тесную, лишенную окон, вонючую каморку с заплесневелыми стенами. В первый момент он не увидел ничего, затем различил фигуру человека, сидевшего в углу на соломенной подстилке, прислонившись спиной к стене.

— Добро пожаловать, брат, — после некоторого молчания тихо произнес Найалл. — Подождите немного. Я то сижу здесь уже давно, и мои глаза успели приспособиться к темноте.

Конар тут же оказался возле своего дяди, склонился над ним.

— Ты пришел, чтобы поддержать мой дух, человеке! Но я никогда не падаю духом, я знаю, что бы ни случилось — на все воля Божья. Мелморден может убить меня, но он никогда не добьется своего. И если он лишит меня жизни, моя семья отомстит ему, — голос его дяди поразительно напомнил Конару голос его деда по матери. Аэд Финнлайт был из той породы людей, которые мертвой хваткой держат то, что считают своим — и не трепещут перед ударами судьбы.

— Привет тебе, Ард-Риг, — так же тихо отвечал он Найаллу. — Однако твоя семья вовсе не намерена допустить, чтобы тебя лишили жизни.

— Кто ты? — прошептал Найалл.

— Это я, Конар.

Он почувствовал, как дядя ощупывает его лицо.

— Боже правый, Конар! Ты пришел один? Что мальчишество! Дитя мое, я стар, моя смерть не будет такой уж большой утратой. Но ты — ты молод, у тебя вся жизнь впереди!

— Дядя, у нас нет времени на разговоры. Ты в силах подняться и идти?

Найалл тут же оказался на ногах, причем весьма проворно.

— Да избежим мы гнева богов! — пробормотал Конар.

— Бога, сынок. Бога. Ты находишься в Ирландии. Твой отец принял святое крещение...

— Дядя...

— О, да, время, время! Каков твой план?

Конар скинул свои одежды.

— Накинь это.

— Но ты...

— Я прикончу юного дракона, что стережет дверь, надену его шкуру и выведу тебя вон. Понятно?

— Да, это может сработать, это может сработать...

Конар подошел к слегка приоткрытой двери. Он внимательно рассматривал в щель противника, вынув из-за пазухи кинжал.

Резким движением он распахнул дверь настежь.

Глаза викинга расширились от удивления. Он потянулся было за своим мечом, но Конар оказался проворнее: его клинок мгновенно перерезал горло часовому.

Подхватив массивное тело викинга, он торопливо сорвал с него латы, вороненый стальной шлем, кинжал, булаву и меч.

Найалл уже облекся в монашескую рясу. Он молча спрятал под нее оружие, которое протянул ему племянник, а потом придирчиво окинул Конара взглядом.

— Ого, ты вполне сойдешь за часового!

— Ну так вперед.

Теперь все зависело от их решительности и скорости.

Конар взял дядю за локоть и повел по длинному коридору. Так они добрались до той комнаты, в которой Мелморден, сидя за столом, все еще продолжал громогласно сетовать на превосходство сил противника.

Северные диалекты были весьма схожи между собой, хотя наречие данов несколько отличалось от языка, на котором говорили в Норвегии, — Конар постарался не забыть об этом, когда в двух словах попросил разрешения выпроводить монаха вон.

— Ты уже распрощался с его драгоценной душой, брат? — крикнул им вслед Мелморден и зашелся в хриплом смехе. Конар лишь молча сжал дядин локоть, и они продолжили свой путь. Им нужно было еще успеть добраться до линии расположения войск.

Его отец и братья уже смогут разглядеть их со своих наблюдательных пунктов и понять, насколько удачно выполняется их план. Остается лишь перейти за линию сторожевых постов.

Но тут позади них донесся дикий яростный вопль. Конар резко обернулся. Мелморден выскочил из дома, скрежеща зубами, надсаживая горло в каком-то зверином рыке. Выхватив меч, он в сопровождении своих стражников гнался за беглецами, осыпая их проклятиями и требуя их немедленной смерти.

Но его вопли заглушили другие крики. Это пошли в наступление таившиеся до сей поры в темноте дружинники Олафа. Его конница дружно атаковала и линию укреплений, и саму усадьбу. Конар увидел, что к нему мчится его брат Эрик, и подтолкнул ему навстречу дядю. Эрик подал Найаллу руку, и тот, каким-то чудом уже успев скинуть с себя монашеские одежды, миглом вскочил на коня рядом с племянником. Меч, который дал ему Конар, со свистом рассекал воздух над головой лорда Ард-Рига.

Помощь пришла как нельзя кстати, ведь враги уже наступали им на пятки. Эрик, Найалл и Конар беспощадно разили своих противников, и многие из них пали бездыханными на залитую кровью землю.

Но вот в рядах атаковавших появилось знакомое лицо, искаженное гримасой гнева.

Мелморден собственной персоной.

Мятежный ирландский король был прирожденным воином, он искусно владел мечом, был отважен и неутомим в бою. Конару пришлось призвать на помощь все свое мужество, столкнувшись с ним в поединке. Их клинки, рассыпая искры, яростно скрещивались друг с другом! и со звоном разлетались в стороны. Мелморден улыбался, обнажая щербатые зубы. Он дрался, как настоящий: берсеркер, на губах его выступила пена.

Никогда не теряй выдержки в бою — так учил отец Конара, когда тот был еще мальчишкой. Он хорошо запомнил отцовские уроки. И когда ослепленный яростью Мелморден снова атаковал его, Конар ловко уклонился от его удара и, выждав, когда враг оставил свою грудь незащищенной, мгновенно вскинул меч и поразил его.

Мелморден рухнул перед ним навзничь. Маленькие медвежьи глазки в последний раз взглянули на Конара, и все с той же усмешкой Мелморден пробормотал:

— Хорошо бы мне попасть в эту вашу Валгаллу, где каждый день случаются битвы!

Его глаза закрылись. Изо рта потекла, пузырясь, струя крови, и он испустил дух.

— Конар! — к нему подъехал Лейв, ведя в поводу Тора. Конар вскочил на своего верного коня и ринулся в гущу боя.

Однако сражение уже шло к концу. После гибели Мелмордена сопротивление мятежников быстро удалось сломить. Ведь с освобождением Найалла они утратили свое единственное преимущество перед Олафом и его дружиной. Большинство данов попросту ударилось в бегство. Ирландцы бросали оружие и низко склоняли повинные головы перед Найаллом, прося его о помиловании.

Все было кончено.

В этот вечер они сидели за трапезой в доме Мелмордена, и Конару воздавали почести отец, братья, дядя и все союзные короли.

— Какую награду ты хочешь от меня, племянник? — спросил его Найалл.

— Мне не нужны награды, дядя. Разве что твое благословение на мое отплытие. Я хотел бы добраться домой так скоро, как только это возможно.

— Мелисанда отправилась в Вессекс... — нахмурившись, начал было Эрик.

— Нет. Мелисанда с помощью Рианнон лишь добралась до Вессекса, а оттуда послала за своими кораблями. И меня очень беспокоят вести из дому.

— Ты можешь рассчитывать не только на мое благословение, Конар. Ты получишь от меня всю возможную поддержку, — заверил его Найалл. — А этими землями, отобранными у Мелмордена, отныне будешь владеть ты, как только соберешься вернуться в Ирландию.

Конар поблагодарил его и удалился. Разбудив на рассвете Свена, Бренну и остальных своих людей, он помчался назад в Дублин, где ждали их ладьи. В спешке они покрывали не менее пятидесяти миль в день.

В Дублине он получил известия, которых с таким страхом ожидал: Рианнон написала Эрин, что Мелисанда решила вернуться из Вессекса домой — время на исходе, и она больше не может ждать. Эрин же могла сообщить ей только одно: войска еще не вернулись с севера, Найалл по-прежнему в заточении.

— Я напишу ей немедленно... — пообещала Эрин Конару.

— Не надо! Я нынче же отплываю.

— Ты хочешь помочь ей, защитить ее...

Но его глаза были холодны — Мелисанда нанесла; ему такое оскорбление, которое он не мог простить. Он должен похоронить свою любовь.

— Я хочу перерезать ей глотку! — в бешенстве крикнул он, но Эрин ничего не ответила, она лишь молча поцеловала его в щеку.

— Дай ей хотя бы шанс...

— Молю Бога лишь об одном — явиться вовремя, чтобы успеть сделать это собственноручно!

Не находя себе места от отчаяния, он приказал немедленно готовиться к отплытию. Ему

не требовались советы ни Бренны, ни Мергвина. Он сам понимал, что время решает все.

Мелисанда тем временем пыталась заниматься укреплением внешних стен, но от этой затеи было мало проку. Она отправила людей, чтобы те отобрали камни; на развалинах крепости времен римского владычества и притащили их в замок для восстановления его стен, но сама толком не могла сообразить, с какого же конца их восстанавливать.

Изредка приходили запросы от Одо, касающиеся ее безопасности, Она также получала вести и от Эрин и знала, что на севере от Дублина перемен не было.

Ей стало казаться, что с момента их последнего расставания с Конаром прошла целая вечность. Она тосковала по нему; от него не приходило никаких вестей, и Мелисанде стало казаться, что он полон холодного гнева, который удвоится, как только ему станет известно, что она натворила.

Иногда ей казалось, что он уже вообще никогда не вернется. Он так горячо любит свою родину. Только никак не желает понять, что у нее тоже есть родина, и она — здесь. И Мелисанда обязана заботиться о ней и защищать ее. Даже рискуя собой. И их ребенком.

Ирландия — обширна. И Конару всегда найдется там подходящее место. А это — ее страна, и она будет драться за нее.

И она была призвана на поле брани на исходе третьей недели после своего возвращения домой. Филипп разыскал ее в зале и доложил, что группа вооруженных всадников разорила рыбачью деревушку к северу от замка. Она как раз вчитывалась в письмо от Рианнон, стараясь найти хотя бы малейшее упоминание о Конаре, когда Филипп, запыхавшись, вбежал в зал, тут же обратив на себя ее внимание.

— Что мы должны предпринять, миледи?

— Мы совершим вылазку, — поколебавшись, решила она. — Я поеду с вами.

— Миледи, — опешил Филипп, — вы полагаете, это разумно?

— Это совершенно неразумно! — прогремел Рагвальд, входя в зал. — Граф будет просто в ярости.

— Но ведь графа здесь нет, — холодно ответила Мелисанда. — И я поеду с вами.

Она поспешила в свою комнату и распахнула сундук, в котором хранилась вызолоченная кольчуга. В мгновение ока она надела ее на себя, а потом взялась за свой драгоценный меч.

Рука ее, сжимавшая рукоятку клинка, дрогнула, когда она вспомнила об обстоятельствах, при которых она в последний раз вынимала его из ножен. Она почувствовала, как что-то нежное и печальное шевельнулось в душе ее, но тут же постаралась взять себя в руки.

Он наверняка уже знает, что она вернулась домой. И все же до сих пор не появился. А ведь он столько раз клялся, что никогда не покинет ее.

Но ведь она сама покинула его, и теперь он вполне мог решить, что ни она, ни ее драгоценная крепость стоят его беспокойства. И Конара совершенно не волнуют ее переживания. Если он и явится сюда, то только того, чтобы прикончить ее. Да, он будет для нее так опасен, как и любой другой враг.

И Мелисанда сбежала вниз по лестнице в зал. Рагвальд и Филипп все еще сидели там, горячо обсуждая принятое ею решение.

— Я что, должна ехать одна? — спросила она, стоя у лестницы.

Филипп поспешил присоединиться к ней.

Они двинулись навстречу врагам, и Мелисанда чувствовала, как подняла боевой дух в своих подданных одним своим присутствием, как горячо они ей преданны.

Они одержали в тот раз легкую победу, так как столкнулись с небольшой шайкой датчан, рыскавших вдоль побережья без определенной цели. Как только налетчики услышали топот конницы, они с испуганными воплями побежали к своим ладьям.

Филиппу удалось спасти от рабства очаровательного ребенка: он вырвал его из рук убежавшего налетчиков и с радостью вернул обезумевшей от горя матери. Гастон, старый, но доблестный рыцарь, прикончил предводителя шайки: рассек его до самого пояса своим сверкающим мечом.

Мелисанда с болью наблюдала за стычкой, проклиная людскую жестокость, чувствуя себя совершенно больной. Но какой бы разбитой она ни была, ей нельзя было показывать свою слабость.

Конар ни за что не допустил бы такого.

Если он когда-нибудь объявится.

Если он жив.

Если он вернется к ней.

Через несколько дней их посетил ирландский бард. Он явился пред светлые очи графини, желая ублажить ее слух музыкальной поэмой, уверяя, что ей понравится ее содержание.

На севере острова произошло кровавое сражение. Найалл обрел свободу. Певец слышал о том балладу, сочиненную другим сказителем, но не знал подробностей. Просто на юг страны донеслась весть, крылатая весть, что Ард-Риг жив, что дружина Олафа разбила Мелмордена, Найалла освободили, а Конар в поединке убил их главного врага и теперь вместо него удостоен королевского титула и принадлежавших тому владений.

Мелисанда милостиво благодарила барда за столь любезный визит.

— Теперь он наверняка вернется, — заметил Рагвальд.

Она покачала головой. Вернется ли? А если и так, как она должна себя с ним вести? Не ведь он так нужен им здесь.

А с другой стороны — зачем она ему теперь?

— Он не вернется. Ведь они готовы провозгласить его ирландским королем.

— Но у него есть жена.

— В Ирландии мужчина может отказаться от неудобной ему жены, — тихо напомнила она.

— Он вернется, — настаивал Рагвальд. Однако на следующее утро ее разбудили крики Гастона, ворвавшегося к ней в опочивальню.

— Боже! Боже правый! Вы даже не можете себе представить! Жоффрей все-таки атаковал нас. Сударыня, их великое множество, они заслонили весь горизонт!

Она сильно продрогла. Боже, какой холод! Какая промозглая сырость царила здесь, глубоко под землей, в этой отвратительной темнице, куда заточил ее Жоффрей.

Стараясь отогнать отчаяние, она принялась восстанавливать в памяти события минувшего дня.

О, эти бессчетные вражеские рати на горизонте! Как ужасно началось нынешнее утро!

А потом наступил день. Ей вновь пришлось облачиться в золоченую кольчугу. Она начала сражение с Жоффреем — а потом оказалось, что Рагвальд был прав, а она ошибалась.

Со стороны открытого моря появились грозные ладьи Конара. Словно ураган, он смел войско Жоффрея, атаковавшее стены крепости.

Он явился к ней, заговорил с ней как со своей женой, они выехали с ним рука об руку к

ликующему народу.

И, тем не менее, она заявила, что ненавидит его, хотя сама любила его.

А он все равно обнимал и целовал ее, и они любили друг друга, и снова вознеслись на вершину блаженства.

«Я ни за что не расстанусь с тобой». Сколько раз он повторял ей это. Интересно, что он может предпринять теперь?

Мелисанда поплотнее запахнула на плечах свое платье. Ее бросало в дрожь при одной мысли о том, какая толща земли разделяет ее с внешним миром. Зачем ей стараться сдерживать слезы, крики? Разве кто-нибудь увидит, что она плачет, услышит, что она зовет на помощь?

Она зажмурила глаза, молясь о том, чтобы Жоффрей еще долго, долго не приходил сюда опять. Она скорее умрет, чем позволит ему прикоснуться к себе.

Нет, она не может умереть. Она ждет ребенка.

Не стоит ли сказать об этом Жоффрею? Может, это удержит его от насилия?

Нет, тогда он страшно перепугается и наверняка постарается ее как можно быстрее умертвить.

Она вскочила, не в силах вытерпеть эту непроницаемую тьму. Тщетно попытавшись укутаться потеплее, она попробовала согреться ходьбой. Ее ноги были босы, избиты, покрыты кровотокащими ссадинами. Она едва сумела сделать один болезненный шаг, опираясь рукой на стену.

Где-то совсем рядом раздался крысиный писк, и она в ужасе отдернула руку.

Надо бежать, во что бы то ни стало бежать. О, если только Господь будет милостив к ней, она...

Что?..

Вот именно, что? Тогда она признается ему в любви, скажет ему про ребенка. Скажет, что была такой упрямой и своенравной потому, что он не понимал одной вещи: она не могла сдать ему без боя. Она и сама не понимала, как нуждается в нем, в его любви.

И она вспомнила, как он был нежен с ней, как он ласкал ее.

Если сейчас явится Жоффрей, ей останется лишь одно — погибнуть!

Дура! — прикрикнула она сама на себя. Ты должна бороться, ты должна найти путь к бегству, не может быть, чтобы отсюда не было выхода...

Но тут она обмерла от испуга. Раздался скрип ржавых дверных петель. Находясь так долго в крошечной тьме, она, похоже, обрела какое-то шестое чувство, она могла ощущать предметы, находившиеся в этой камере.

Вытянувшись в струнку, она распласталась по склизкой стене, прислушиваясь. Она боялась даже дышать. Ей казалось, что удары ее сердца слышны на всю камеру.

Она была не одна в темном каземате.

Кто-то притаился возле двери.

Кто-то осторожно прикрыл за собою дверь, отрезав их двоих от остального мира...

ЧАСТЬ 3

ПРОДОЛЖЕНИЕ... ОСАДА СЕРДЕЦ

Весна, 885 от Р. Х.

Берег Франции

«Стены крепости понесли сегодня тяжелейший урон», — думал Конар, обходя укрепления при свете факелов в наступивших сумерках.

И стены, и люди — подсказала ему память. Боже праведный, что за ужасный был сегодня день. Мерзкий страх, охвативший все его существо при виде атаковавших крепость вражеских полчищ, ярость которой он никогда прежде не знал в себе.

Это страх так разжег его ярость.

Как он разозлился на нее, еще там, в Ирландии. И разозлился еще больше, обнаружив, что она чуть было не проиграла бой Жоффрию, такому же низкому предателю, каким был его отец.

А что, если бы Конар опоздал?

При одной мысли об этом на его лбу выступил крупными каплями холодный пот, и он на мгновение прикрыл глаза, стараясь овладеть собою. А его жена? Ведь теперь пропасть между ними стала еще глубже!

Он отдал приказания, чтобы еще до рассвета были доставлены камни для ремонта стен, и повернулся, чтобы возвращаться в замок. Внезапно он почувствовал, что кто-то пристально смотрит ему в спину и обнаружил, что это была Бренна.

— Чего тебе? — раздраженно спросил он, скрестив руки на груди.

Бренна медленно покачала головой. Тяжело вздохнула.

— Ты не должен быть с нею столь жестоким.

— Бренна, — едва сдерживая гнев, тихо ответил он, — она нарушила мой приказ и заявила сюда, чуть не испортив все дело.

— Но ведь она знала, что крепости угрожает опасность...

— Да что может повредить этой куче камней и бревен? — взорвался он. — Ну захватили бы ее, ну разрушили бы — мы отстроили бы ее заново.

— Но ведь в крепости живут ее подданные, — напомнила Бренна.

Он резко отвернулся, не зная, что сказать в ответ.

— Она предала меня. И мне непонятно, с какой стати ты пытаешься заступиться за нее — миледи относится к тебе с явным недоверием.

— Только оттого, что она до сих пор в заблуждении, — улыбаясь, возразила Бренна. — Она никак не может понять, что ты не разрешаешь ей сопровождать себя в походах из-за смертельного страха за нее. А меня тебе не жалко пустить в расход.

— Бренна...

— Я всего лишь слуга тебе, равно как и Свен, равно как и другие.

Он молча ждал, зная Бренну, зная, что она еще не кончила.

— Ведь ты ни разу... ничего не сделал специально для нее, не так ли?

— Ничего не сделал! — передразнил он, и его голос, вроде бы все такой же спокойный, вот-вот был готов сорваться на крик. — Ты что, первый день со мною знакома? — спросил он. — Что же, по-твоему, я должен был для нее сделать?!

— Но за все время нашего знакомства я не видела тебя в таком гневе, — не унималась Бренна. — Ты же просто взбесился.

— Нет, не думай, — вздохнул он, — я не прикоснулся к ней и пальцем! Но боюсь, что больше я не выдержу. Ну что мне сделать для того, чтобы она стала осторожнее?! Запереть ее в башне замка? Как заставить ее понять, что она безрассудна, что многим рискует...

— Что многим рискует... — со значением повторила за ним Бренна.

— Что ты хочешь этим сказать? — внезапно нахмурившись, подозрительно спросил он. — О чем ты так беспокоишься и что я должен был сделать?

Бренна отвела взор, но сделала это недостаточно быстро.

— Скажи мне немедленно, — еле слышно произнес он.

— Так она ничего не сказала тебе?

Он в отчаянии взмахнул руками.

— Бренна, ты же видела, она вовсе не собиралась встречать меня с распростертыми объятиями...

— Равно как и ты не приветствовал ее нежным поцелуем.

— Она обманула и предала меня, Бренна.

— Но ведь она пыталась объяснить тебе, как необходимо было твое присутствие дома.

— Я не мог оставить свою семью в трудный час!

— А она не могла оставить своего народа.

— Ну, хорошо, Бренна, я все-таки хочу знать, что ты пытаешься мне втолковать, из-за чего эти сомнения и страхи? Я должен спустить с нее три шкуры за то, что она так глупо подвергала опасности свою жизнь. И если я почему-либо не могу этого сделать...

— Она носит под сердцем твоего ребенка.

Эти слова сразили Конара. О да, он всегда желал иметь ребенка, как же еще? Единственное, что до сих пор неплохо получалось у них с Мелисандой — то занятие, после которого, как правило, рождаются дети. Но он даже и не смел надеяться, что она понесет от него. Возможно, он думал так из-за ее постоянного сопротивления, из-за того, что она так неохотно шла на близость, так не хотела его.

Он еле перевел дух. Нет, она ничего не сказала ему, ни полсловечка.

Бренна, казалось, читает его мысли.

— Возможно, она долгое время сама не была уверена, возможно, она хотела удостовериться, что у нее не случится выкидыш...

— Или возможно, она так сильно ненавидела меня, что у нее не возникало надобности поделиться со мною.

— Она не ненавидит тебя.

— Ненависть, презрение, отвращение — вот набор ее чувств!

— Сударь, но ведь от ненависти до любви один шаг — ведь мы так часто меняем свое мнение о людях, которых поначалу считаем врагами!

Неужели Бренна знала о его истинных чувствах в тот момент, когда он соскочил с борта ладьи и ринулся в бой? Да, несомненно, она знает, как глубоко уязвлено его сердце этой французской красоткой.

— Ты можешь не опасаться, — наконец заверил он Бренну. — Я никогда не наказывал свою жену и никогда не обращался с ней грубо. Тем более теперь... — и он невольно вздрогнул. Дитя. Младенец. Очаровательный мальчик, как у его брата — Гарт. Или чудесная девчушка, как дочка Эрика.

Но это его собственный...

Его собственный, чтобы лелеять его, чтобы учить. Его ребенок, его наследник! Малыш.

которого можно обнимать, баюкать, любить.

— Что же мне с нею делать? — спросил он у Бренны.

— Может, просто любить ее? — предположила она.

Он неловко улыбнулся, а потом обнял ее за талию.

— Я постараюсь, — пробормотал он, а потом пожал плечами. — Возможно, ты и права, кто знает? И созданное нами вместе существо станет мостиком через разделяющую нас пропасть? Ведь теперь у нас есть будущее, у нас есть ребенок! — он так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев.

Но почему она не сказала ему? Что взбрело в ее взбалмошную головку? Ведь она любит детей, он прекрасно это знает, он видел, как она обращалась с ребятней в доме его брата, со своими племянниками и младшими кузинами.

Но это был и его ребенок.

— Ребенок викинга, — прошептал он. — Захочет ли она его?

— Он будет лишь на четверть викинг, сударь, — напомнила ему Бренна. — И еще на четверть ирландец, и наполовину чистый франк.

— Неужели?

— Хотя бывает и по-другому...

— Как?

— Ребенок, который родится у нас со Свеном, будет иметь половину крови викингов — от нас обоих — и половину крови ирландцев — от нас обоих.

— Вы со Свеном...

— Мы собираемся пожениться. Ты благословишь нас, Конар?

Он поцеловал ее в щеку и прижал к себе.

— Обязательно. Благословить! Я буду настаивать на вашей свадьбе. Я от всей души желаю вам счастья.

— Благодарю, милорд. Мергвин будет разочарован, несомненно, — она поморщилась. — Он всегда считал, что мое искусство и могущество будет сильнее, если я останусь старой девой.

— Ха, просто этот старый забияка не знает, что такое пламя любви!

Она улыбнулась. Он обнял ее за плечи и повел в замок. Свен сидел в зале, попивая эль, и о чем-то горячо спорил с Филиппом и Гастоном. Конар немедленно наполнил элем свой кубок и проследил, чтобы не осталось одного пустого кубка у присутствующих. Он поднял тост за счастье Свена и Бренны, и все дружно выпили.

Затем Конар уселся во главе стола, прислушиваясь к спору вокруг ситуации, сложившейся во французском королевстве.

Мелисанда лежит сейчас наверху, в их опочивальне. Ему ужасно хотелось сию же минуту подняться к ней и вытрясти наконец из нее, за что она так презирает его. Но так же ему хотелось прижать ее к своему сердцу, ласкать, заниматься с ней любовью, вновь и вновь ощущать под собой ее восхитительное трепещущее тело, забывать обо всем, погружаясь в него...

Она наверняка пожалеет, что не присутствует при этом споре. Однако она сама не захотела спуститься в зал. Неужели она до сих пор так боится встретиться с ним? Мелисанда?..

Может, она мечется по комнате, ожидая его? В гневе, в страхе, в ненависти?

— Но послушайте, Свен, — наконец донесся до него голос Гастона. — Я согласен,

Ирландия немало перестрадала. Но взгляните хотя бы на историю нашего края! Только в восемьсот шестидесятом году викинги дважды высаживались на Жюфос, маленький островок немного севернее от Парижа по течению Сены. Их пытался изгнать Карл Лысый, его брат Лотар бился с ними, чтобы предотвратить угрозу вторжения. Но тут другой брат Карла, Луи, поднял на юге мятеж, и Карлу пришлось отправляться на войну со своим братом, а викинги остались безнаказанными. Но ведь они весьма сообразительный народ, не так ли? Другой клан викингов предложил Карлу охранять сей остров — всего за пять тысяч фунтов серебра в год! У Карла отродясь не водилось в казне таких денег, и вот он принялся за деятельность, плоды которой вы сейчас можете видеть — цепь крепостей, подобных нашей. Ведь викинги не любят нападать на крепости...

— Верно, — поддержал его Гастон. — Когда в восемьсот семьдесят восьмом году Альфред одержал в Англии свою великую победу, викинги попытались было нападать на него, ну а после положили глаз и на наши берега! И королевство Лотара оказалось между двух королевств Луи. Наш король Луи, повелевавший западной Францией, выиграл битву при Саукорте, что возле Сомма, но покончил с собой из-за любви к молоденькой кокетке! Его брат, Карл Великий, скончался всего год назад, и вот мы остались на милость Карла Отважного, который уже обескровил нас в бесконечных приграничных стычках. Один граф Одо стойко держится против него, и пока мы в союзе с графом Одо — мы сильны!

Конар слегка улыбнулся забавной манере французов давать своим королям клички. Сейчас у них правит Карл Жирный, а до этого правил Карл Лысый. Он был рад, что этот обычай не коснулся его семьи. По крайней мере, его деда величали Эд Красивый. Его отец, отец его отца, как и он сам, всегда носили титул Повелителя Волков.

Боже упаси. Ему совсем не светит обзаводиться кличкой. И он невольно снова улыбнулся, вспомнив о тех немногих прозвищах известных викингов, которые знал. Родир Плешивый, Жак Слабак, Роп Колченогий.

Не похоже, что их обладатели пользовались всеобщей любовью. Придется Конару позаботиться о том, чтобы не облысеть на старости лет.

А вот интересно, как называет его Мелисанда в отсутствие?

Викинг. Для нее он навсегда останется викингом, если он и отречется от своего рода. Ну как заставить понять, что независимо от происхождения человека должно судить по его собственным деяниям, по тому, как он прожил свою жизнь, какие идеалы исповедовал. Хотя вряд ли можно добиться такого понимания от женщины принадлежащей к народу, который в течение стольких веков терпел набеги от его предков!

Ха, но ведь он-то добивается! Он требует от нее чтобы она поняла все и сразу! Вместо того чтобы постараться ей все объяснить, чтобы найти какой-то компромисс, чтобы она не боялась повиноваться ему, чтобы перестала видеть угрозу там, где ее и в помине нет! Он должен постараться внушить ей...

Любовь? Неужели Бренна подсказала ему самый простой ответ?

Внезапно он понял, что Филипп уже давно обращается к нему.

— Извини, Филипп. К сожалению, я так задумался, что не понял, о чем речь. Наверное слишком устал.

— Мы рады, что вы снова дома, милорд. Всем нам действительно очень не хватало вас, и миледи Мелисанде в особенности.

— Благодарю. Я тоже рад, что вернулся, — отвечал Конар, не удержавшись от горькой улыбки. Эти люди вовсе не дураки. Они прекрасно понимают, что Мелисанда радовалась его

появлению лишь по необходимости, и в действительности панически боялась его.

— Это правда, сударь, — подтвердил Гастон. — Все эти недели она слонялась по замку, как привидение. Я хорошо знаю ее и видел, что она была рада вашему появлению дома.

Дома. Конечно, ведь этот замок он теперь должен считать своим домом. А это совсем не просто — иметь такую любовь к родине, которой пылало его сердце, а вот теперь по необходимости любить эту землю.

Землю Мелисанды.

Нет, их землю.

Возможно, она в чем-то и права. Коль уж он претендует на право владеть ею, он должен здесь жить. Остается лишь молить небеса о том, чтобы в будущем ему была предоставлена такая возможность.

В зале появился Рагвальд, выглядевший весьма озабоченно.

— Что случилось? — спросил его Конар, чувствуя себя как-то неловко. Наверняка, если уж Бренна считает его несправедливым по отношению к Мелисанде, Рагвальд думает так же. Хотя тот же Рагвальд искренне возрадовался его возвращению, в этом он был уверен.

И Рагвальда радовало то влияние, которое он, Конар, оказывал на Мелисанду — если только он вообще имел на нее влияние.

— Я не вполне уверен... — пробормотал Рагвальд, пожимая плечами. — Возможно, нет ничего страшного. Я ничего толком не знаю, но мне кажется, это неспроста! Вот уже несколько часов это предчувствие мучает меня! — он поколебался, но все же спросил: — Сударь, где Мелисанда?

Тут же Бренна вскрикнула и схватилась за грудь. Перепуганный Свен кинулся к ней, следом за ним Конар.

— Что с тобою? — вскричал Свен.

— Тебе плохо? — спросил Конар. Она покачала головой, сжимая пальцы Свена. Тот обнял ее и уселся, взяв ее на колени.

— Нет, со мною ничего. Это предчувствие — то же, что и у Рагвальда...

И тут на Конара обрушилась тысячей осколков тишина, царившая наверху, в опочивальне. Он отпрянул от Бренны и ринулся вверх по лестнице, проклиная ее длину. Наконец он ворвался в их комнату.

И обнаружил, что она пуста.

Пуста. Черт бы ее побрал! Она должна была быть здесь! Он предупредил ее, что скорс вернется, а она отвечала, что не стоит особенно надеяться на то, что она будет ждать его здесь.

— Будь ты проклята! — выдохнул он. — Проклята...

Сердце его сжалось от боли, словно пронзенное кинжалом. Боже правый, ну неужели у нее хватило ума снова попытаться от него сбежать?

— Нет, нет Конар! — вскричала Бренна. Словно сомнамбула, с отсутствующим взглядом она поднималась лестнице следом за ним. — Взгляни на постель, там должны быть следы борьбы.

Он ринулся в глубь комнаты и убедился в правоте слов. Его руки, словно когти, вцепились в изодранную простыню. Он запрокинул голову и вскричал:

— Мелисанда!!!

Казалось, что этот полужвериный вопль вознесся до самых небес.

Он зашатался, ослепленный гневом и страхом. На мгновение ему показалось, что силы

оставили его... Но уже в следующее мгновение ясность мысли вернулась к нему.

Да, точно так же, как он обвел вокруг пальца Мелмордена там, в Ирландии, кто-то другой обвел вокруг пальца его самого здесь, в его замке. Один-единственный человек. Нет, он был не один — вряд ли одному удалось бы выкрасть Мелисанду — она бы сопротивлялась, как дикая кошка.

— Я могу поклясться в том, что ее увели отсюда против ее воли! — с чувством сказал Рагвальд. Голос его дрожал от рвавшихся наружу рыданий.

Конар опустил голову, стараясь подавить в себе бешенство.

— Жоффрей, — сказал он.

— Но как? — спросил Филипп.

— Бой был окончен. Поднялась страшная суета, стена лежала в развалинах, и все были заняты своими делами. Он подстерег момент, когда я пошел в обход укреплений. И пробрался к Мелисанде.

— Что мы должны сделать с ним, как... — начал было Гастон, чуть не плача.

Конар резко повернулся к Свену.

— Пошли человека туда, где содержатся пленные. Вызнай у них, куда он мог упрятать ее. Допроси одного за другим, разыщи среди датчан приближенных Жоффрею людей. Быстрее, ну!

Свен ринулся выполнять приказание. Конар был не в силах больше находиться в этой комнате.

Не в силах отвести взгляд от кровати, на которой так недавно он занимался с нею любовью.

Неужели Жоффрей уже успел овладеть ею? Его рот искривила судорога. Ничто в мире не в силах будет изменить его любовь к Мелисанде, но если он хоть пальцем прикоснулся к ней, Конар убьет его.

На глаза ему попала золоченая кольчуга. Из-под нее выглядывало острие ее булатного меча, с искусно выгравированными на нем узорами.

Нет, он не в силах здесь оставаться. Он выскочил из комнаты, спустился по лестнице и принялся метаться по залу, словно загнанный зверь, стараясь набраться терпения, стараясь заставить себя дожидаться доклада Свена.

По счастью, ожидание его не было долгим. Свен явился в сопровождении Юта, его дружинника. Отвесив Конару почтительный поклон, тот кратко доложил:

— Датчане в скором времени собираются осаждать Париж. Они высадились на французское побережье в великом множестве, и с помощью серебра Жоффрей Сюр ле Монт уговорил одну из их ватаг поддержать его нападение на замок. Они расположились лагерем в развалинах римских укреплений, откуда Мелисанда брала камни для ремонта стены. Жоффрей наверняка уволок ее туда. Основание крепости цело до сих пор, со всеми его подземными ходами и тайниками. Кроме того, там расположены римские усыпальницы. Это место весьма неплохо защищено и не нуждается в многочисленной охране.

— Значит, я должен отправиться туда за ней, — заключил Конар.

— Мы вместе с вами? — с готовностью спросил Филипп.

— Я отправлюсь за нею один, — покачал головой Конар.

Филипп опешил.

— Это безумие, милорд!

— Жоффрей в одиночку явился за ней, и потому ему удалось пробраться в замок

незамеченным. Совсем недавно мы устроили схожий спектакль в Ирландии, и я не думаю, что Жоффрей ожидает от меня повторения представления. Кроме того, мне кое-что известно про эти развалины. Давно, еще будучи мальчишкой, я верхом прогуливался в тех местах и повстречал возле развалин графа Мэнона в компании своего дяди. Мы там гуляли, и я помню планировку развалин и знаю местность.

Он двинулся к столу и решительно сгреб в сторону забытые на нем кубки, а потом торопливо принялся расставлять их, используя в качестве условных знаков.

— Допустим, это останки башни. От нее идет подземный ход, который заканчивается в усыпальницах. И отсюда же начинается еще один туннель — он ведет к подземным кладовым, — и он со стуком поставил на это место кубок. — Здесь! — уверенно воскликнул он. — Здесь они должны содержать ее. А вот здесь, — он поставил на стол еще один кубок, — то место, где удобнее всего расположить людей, напротив пролома в стене. Они могут наблюдать отсюда за дорогой, не покидая своего лагеря. А вы, мои дорогие друзья, будете ждать меня вот здесь с нашей дружиной. И как только я появлюсь с Мелисандой, вы должны будете ударить.

— Вы только появитесь с нею, сударь, а уж мы их обязательно атакуем! — воскликнул Гастон.

Но тут их внимание привлек жалобный вопль. Конар обернулся и заметил Рагвальда, стоявшего у входа в зал. Лицо его было белее мела, и поначалу Конар решил, что старик неправильно понял, о чем они толкуют. Всклопоченный, с безумно горящим взором — старик явно был не в себе.

— Нет, граф Конар, нет! Не суждено нам их атаковать!

Рагвальд развернулся и пустился вверх по лестнице. Недоумевая, Конар с друзьями поспешили вслед за ним.

Рагвальд подвел их к одному из сторожевых окон на башне замка.

Стояла темная, безлунная ночь. Яркое пламя факелов с трудом пробивалось сквозь мрак, играя на поверхности волн в заливе.

И в этом неверном свете они различили огромное множество судов, приближавшихся к берегу.

— Боже, это опять новые полчища датчан! — вскричал Филипп.

— Нет, друзья, — широко улыбнулся Конар. — Нам не придется сражаться с ними. Это моя семья.

Отец Конара обещал ему, что с падением Мелмордена они смогут быть свободны. И подтвердил это на деле.

И как Конар всякий раз откликался на призыв своей семьи, спеша к ним на помощь, так и теперь помощь спешила к нему, хотя он и не звал ее.

— Да, да, это моя семья! — подтвердил он. — Они прибыли, чтобы помочь нам!

Он махнул рукой в сторону приближающихся кораблей. И в тот же миг, словно небеса откликнулись на его молчаливый призыв, из-за густых туч вынырнула яркая луна.

Вот они, снова рядом с ним. Эрик, его отец, Лейв, Брайан, Брайс, его зятя, шурины дяди, кузены.

Он живо обернулся к Свену:

— Свен, ты встретишь их один. Я же немедленно отправлюсь вызволять Мелисанду, пока она, чего доброго, не наделала еще каких-нибудь глупостей из страха перед Жоффреем («или передо мной», — подумал он про себя). Расскажи им все, что я только что рассказал

вам. Они будут знать, что надо делать. Мы уже играли однажды в эту игру.

И он стал спускаться во двор.

— Конар! — окликнул его Свен. Конар остановился.

— Как ты собираешься пробраться сквозь их сторожей? Тебе придется использовать какую-то маскировку!

— Ту самую, которая мне ближе всего, — ухмыльнулся он. — Ту самую, что лучше всего притупит их бдительность.

— Это какую же?

— Я проберусь в виде викинга, Свен, — со вздохом отвечал Конар. — Я проберусь в виде викинга.

И вот он уже во дворе замка, а минутой спустя верный Тор мчал его сквозь тьму, в то время как на берега залива высаживалась грозная дружина, прибывшая к нему на помощь.

Он ликовал. Их помощь будет как нельзя кстати.

Но только при том условии, что он сам освободит ее. Быстро. Один, без чьей либо помощи.

И был лишь один способ спасти ее. И он молил Бога, чтобы его план сработал и на этот раз.

Мелисанда не могла ничего различить в кромешной тьме, даже силуэта вошедшего. Слабый лучик света, проникший сюда из коридора, погас, как только захлопнулась дверь. Она замерла, вся обратившись в слух.

И она слышала прерывистое хриплое дыхание.

Жоффрей? Он уже вернулся?

Нет, он обязательно бы принес с собой факел — ведь он ни за что не упустил бы случай полюбоваться на ее растерянность.

Тот, чье дыхание она сейчас слышала в темноте возле двери, не принес с собой света. Стало быть, он пробрался сюда украдкой.

— Где ты? — тихо спросили ее на северном наречии. Мелисанда покрылась холодным потом. Жоффрей спутался с бандой насильников и грабителей. И вот теперь один из его грабителей вознамерился сам добраться до лакомого куска, который Жоффрей приберегал для себя.

Она не шевелилась, и вскоре уловила движение возле двери. Варвар медленно, шаг за шагом, продвигался в глубь каземата, размахивая огромными мускулистыми ручищами в надежде схватить ее.

Она сумела весьма удачно пригнуться, почувствовав по легкому дуновению, что искавшая ее рука прошла всего в дюйме над ее головой: Он пересек комнату и двинулся в обратном направлении.

Вдруг прямо у ее ног раздался пронзительный писк крысы. Кровь застыла у нее в жилах. Стараясь овладеть собой, она до крови закусил губу, вся обратившись в слух, чтобы опять суметь вовремя увернуться.

Человек тихонько рассмеялся, и этот хриплый смешок холодной угрозой прозвучал в кромешной тьме каземата.

— Стой смирно, девочка!

Она опять прижалась к склизкой стене. Какое-то время, судя по звукам, он шарил руками по противоположной стене. Она снова затаила дыхание. Он движется по кругу. Ей необходимо снова переместиться, иначе он наткнется на нее.

Так она и сделала. Он не слышал, как она движется, и безуспешно шарил по голому камню.

Но не собирался сдаваться.

Она в ужасе подумала, сколько еще выдержит эту игру в прятки в темной камере. Не собирается же этот тип кружить так до скончания века?

Ей пришла мысль найти входную дверь. Возможно, в камеру пробрался стражник.

А может, это другой насильник, и как только она проберется к двери, она окажется между двумя алчными варварами. Стоит ли ей пытаться?

Но тут он тихо выругался, и его тяжелые, неуверенные шаги послышались у самой двери, возле которой она стояла.

Поднявшись по ступеням, он сам решил приоткрыть дверь, чтобы в узкую щелку попало немного света от факела, висевшего в подземном туннеле, ведущем к казематам. В его свете почти ничего нельзя было различить, лишь слабые тени и силуэты. Но он увидел ее и, дико взревев, набросился.

Ей удалось увернуться, она попробовала проскочить в дверь, но на верхней ступеньке он схватил ее и рванул назад. Она закричала, грязная рука зажала ей рот и опрокинула на пол. Она извернулась и укусила толстые пальцы. Он выругался и отвесил ей пощечину, оглушив ее. Плащ, единственное оставшееся у нее одеяние, был отброшен в сторону, и всей своей нежной, чувствительной кожей она ощутила грубую ткань его одежды; его руки шарили по ее телу, она задыхалась под тяжестью его веса.

Слезы брызнули у нее из глаз. Но вот он приподнялся на мгновение, чтобы осуществить свое гнусное намерение, и ей удалось двинуть его коленом со всей силы между ног.

Сквернословя, он скорчился от боли. Мелисанда мгновенно вскочила на ноги. Но он опять настиг ее и снова свалил наземь. Она почувствовала на своем лице его зловонное дыхание.

И вдруг он был сорван с нее и отброшен в дальний угол камеры. Чертыхаясь, он вскочил на ноги.

«Ну вот, теперь их здесь оказалось двое: охотников, викингов», — подумала Мелисанда. Один только что отшвырнул от нее другого, и вот теперь оба они на полу, два темных силуэта, вцепившихся друг в друга. Вначале она слышала лишь глухой звук ударов, но потом в темноте раздался скрежет стали.

Кинжалы. Кинжалы сшиблись, и Мелисанда увидела их блеск в слабом свете от двери.

Она начала красться к выходу, но тут услышала еще один звук, и замерла.

Звук ножа, вонзившегося в чью-то плоть. Она затаила дыхание. Только что оба викинга стояли посреди камеры, вцепившись один в другого.

Теперь один из них медленно оседал на пол.

Едва дыша, она оцепенела от страха. Победитель обратил на нее свой взор.

Она сделала отчаянный рывок к двери.

— Нет, Мелисанда!

Она не заметила, что ее окликнули по имени, она не узнала голоса, она была так испугана, что единственная ее мысль была — бежать. И она побежала.

Но вот опять железные пальцы вцепились в ее плащ. Жестоким рывком ее отбросило назад. Она попыталась вырваться.

— Нет, нет, нет!

Тут она поняла, что ее развернули, прижали к стене и что чья-то рука снова зажимает ей рот.

— Мелисанда! Это же я! Конар!

И она мгновенно обмякла и начала сползать вниз по стене, но он подхватил ее, легко поднял на руки и отнес туда, где слабый свет, проникавший в приоткрытую дверь, слегка потеснил эту ужасную тьму подземелья. Не выпуская ее из рук, он опустился на колени.

Да, это был он. Топорщившиеся на его груди волчьи шкуры маскировали его обычные доспехи. Остроконечный шлем, нахлобученный до самого носа, закрывал пол-лица, лишь сверкали холодные голубые глаза. Он жадно глядел на нее, на ее изодранный в клочья плащ, на грязное, избитое тело, на слезы в ее глазах. Его голос вдруг зазвенел, выдавая нетерпение и ярость.

— Клянусь всеми святыми, если он успел добиться своего...

Не в силах вымолвить ни слова, она лишь отчаянно замотала головой, желая верить его в обратном. За всю свою жизнь она не испытывала такого дикого страха, не чувствовала себя настолько беспомощной. Но ведь вот он, Конар, рядом с ней. Несмотря ни на что, он пришел

сюда, за ней.

Все еще стуча зубами, она попыталась унять сотрясавшую ее дрожь и потоки слез, неудержимо катившихся по щекам.

— Жоффрей доставил меня сюда в страшной спешке и бросил в эту вонючую камеру, словно мешок с отрубями. А ты — ты успел до того, как этот негодяй смог сотворить надо мною насилие.

Его руки неожиданно принялись ощупывать ее, отбросив в сторону плащ. Он словно хотел убедиться сам, что она цела и невредима. Она вся раскрылась навстречу его прикосновениям, обняла его за шею, прижалась к нему, и из ее груди невольно вырвалось глухое рыдание.

— Мелисанда... — на мгновение его рука коснулась темного шелка ее волос, но он тут же легонько отстранился, всматриваясь в ее лицо.

— Ты можешь идти, ты можешь подняться на ноги?

Ее глаза снова расширились от страха. Она поняла, что он явился сюда один, прикинувшись датским викингом.

А ведь когда ее везли сюда, она успела разглядеть какое великое множество врагов расположилось и в самих развалинах, и на окрестных холмах.

— Ты можешь подняться?

Она кивнула, вцепилась в его плечи и заставила себя встать на ноги.

Ее все еще била дрожь, но она постаралась удержаться и не упасть без его поддержки. Он помог накинуть на плечи изодранный плащ.

Он стоял перед нею, едва различимый во тьме подземелья.

— Как тебе удалось пробраться сюда? — прошептала она.

— Я же говорил, что не позволю тебе покинуть меня, — со странным блеском в глазах отвечал он.

Ее руки невольно сжались в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

— У меня и в мыслях не было попытаться покинуть тебя, Конар, поверь мне. Они явились за мной. Они явились скрытно, они поднялись по лестнице из зала...

— Тс-с-с! Тс-с-с! Я все знаю! Успокойся. Нам надо поскорее выбираться отсюда.

— Ты собираешься драться со всеми эти бандитами наверху, один против всех?

— Я хочу выбраться из лагеря точно так же, как я пробрался сюда, — качая головой, произнес Конар. — А теперь слушай внимательно. Ты должна представить, что я — один из них. Твой беспощадный враг. Возможно, это не составит для тебя большого труда.

Она невольно вздрогнула и потупилась.

— Конар...

— Прошу прощения, сударыня. У нас нет времени на споры. Все должно выглядеть так, будто ты все еще пленница, а я лишь провожу тебя из одного места в другое. Ты все поняла?

Она кивнула. Конар распахнул тяжелую дверь. Коридор был пуст.

Единственный приставленный к ней страж лежал мертвый.

Она напряглась, почувствовав у себя на плече руку Конара.

— Скорее, — приказал он ей.

Следом за ним она бегом пустилась по коридору, запахнув плащ до самого горла. Когда они достигли конца туннеля, где древние грубые камни у них над головами сменились холодным ночным небосводом, их окликнули.

— Кто идет?

Стражник в кожаных сандалиях, коротких штанах и меховой рубаше торопливо опускался с крепостной стены.

— Куда ты тащишь женщину Жоффрея?

— Приятель, я тащу ее прочь отсюда, — издевательски отвечал Конар.

— Постой!

Стражник выхватил из ножен меч.

— Куда ты ее тащишь?

— Домой! — пояснил Конар. Закрыв собой Мелисанду, он достал меч. Дан атаковал. После короткой атаки меч Конара вонзился в живот стражника. — Домой, приятель, — повторил он, высвобождая свой меч. — Она не женщина Жоффрея, она моя жена!

Однако нападавший был уже мертв, и Конар хотел обойти его тело, но Мелисанда не могла тронуться с места — она в ужасе глядела на убитого.

— Нам надо спешить, — напомнил ей Конар. — Здесь есть еще один туннель.

И он указал ей на сгусток черноты, означавший начало нового подземного хода.

И вот они уже движутся по нему, с трудом различая что-либо в крошечной тьме. Вдруг Мелисанда наткнулась на какие-то довольно острые предметы, причинившие боль ее босым ступням. Она подняла один из этих предметов и увидела, что это кость.

Она невольно вскрикнула.

— Тс-с-с! — шикнул на нее Конар, отшвыривая в сторону кость.

— Куда ты меня затащил? — воскликнула она.

— В развалины римских усыпальниц. Идем, идем скорее! Этот туннель выведет нас почти к самому лесу.

Она собралась с духом. Осторожно сделала шаг вперед... и тут же у нее перехватило дыхание: весь пол подземелья был усеян обломками костей. А, кроме того, она поняла, что составляло стены этого ужасного туннеля.

По левую руку от нее ряд за рядом лежали человеческие скелеты, расположенные в идеальной симметричности относительно друг друга. Среди них можно было различить нечто вроде мумий в полуистлевших древних одеждах. Мелисанда содрогнулась от этого ужасного лица владений богини смерти...

— О мой Бог! — прошептала она. — Ты тащишь меня через город мертвецов!

— Сударыня, я всего лишь пытаюсь спасти вас, — напомнил он и подхватил ее на руки: ноги ее были поранены. Конар заглянул ей в глаза. — На вашем месте я бы не стал особенно капризничать...

Она еще не совсем оправилась от страха, но замечание вызвало у нее улыбку.

— Тысячи извинений, сударь! В следующий раз, когда меня будут похищать, я позабочусь об удобной обуви!

— А самое главное, чтоб на вас была одежда, — в тон ей добавил Конар.

— Но ведь это случилось сразу после нашей любви... — тихо сказала она.

Мелисанде не надо было объяснять, как мало у ни надежды на спасение. Но от одного взгляда этих синих глаз она начинала испытывать невольный трепет, ничего общего не имеющий со страхом. Поразительно, но она чувствовала себя в безопасности, ей было даже уютно.

Она просто обмирала от счастья.

Он пришел за нею!

Она снова в надежном кольце его рук. Она чувствует исходящую от него спокойную

силу.

И зачем ей вообще понадобилось возвращаться мой в одиночку?

Но ведь он уехал от нее на войну.

И все же она была не права. Она почувствовала потребность немедленно сказать ему об этом, но сейчас было не время для разговоров.

Ни слова не говоря, Конар стремительно шагал по коридору, усеянному человеческими останками, прижимая ее к груди, и она чувствовала холод его доспехов.

Наконец он снова опустил ее на землю и взял за руку, увлекая следом за собой. Впереди, в лунном свете, смутно белела небольшая лестница.

— Быстро вверх! — скомандовал он, и она полезла вверх, то и дело оступаясь на скользких от влажного лишайника ступеньках.

И вот они выбрались на поверхность. Она невольно замерла на месте: повсюду сновали даны. Одни копошились возле укреплений, другие отдыхали под покровом древних развалин.

Ярко пылали костры.

Мелисанда знала, что викинги очень жестоки, что прежде чем убить пленника, они забавляются с ним самым бесчеловечным образом. Они распарывают ему живот и привязывают к дереву, обрекая на медленную смерть. Про них даже рассказывали, что они любят посидеть за трапезой, накрытой на теле поверженного врага вместо обеденного стола.

Все это Мелисанда знала, но сейчас, при свете костров, она закрыла глаза, не в силах вынести открывшегося им зрелища.

Деревья вокруг лагеря были увешаны телами. Изуродованными телами, телами со следами жестоких пыток. В воздухе висел запах крови.

И они с Конаром были одни посреди всего этого кошмара. Если их снова схватят, Жоффрей бросит ее обратно в темницу, а Конара убьет самым дьявольским, жестоким способом.

У нее подкосились колени. Он снова крепко обнял ее.

— Ну же! Не подведи меня сейчас! Она решительно тряхнула головой.

— Идем! Видишь этот выступ стены? Старайся держаться его. И шагай сама. Я должен сделать вид, что мне приказано тебя туда конвоировать.

Она кивнула и пошла вперед. Они успели пройти довольно значительный отрезок пути. Ей стало ясно, что Конар хочет добраться до того места, где древняя стена кончается, а густой лес подбирается вплотную к развалинам.

Они шли в полном молчании, пока вдруг Конар почувствовал, что его хлопнули по плечу. Он резко обернулся к стоящему у него за спиной человеку.

— Куда ты тащишь его бабу?

— Он посылал за ней.

— Он посылал за ней? Тогда ты торопишься в ту сторону.

Конар в замешательстве пожал плечами. И тут один из подошедших сзади викингов расхохотался.

— Ха! А ведь похоже, что милая графиня неплохо разбирается в мужиках, а? Пожалуй, она заслужила нечто большее, чем хилую французскую любовь?

— Она же была женой викинга, — подтвердил другой. — Так на кой черт ей его несчастный обвисший конец?

— Мы уволочем ее в сторонку, позабавимся с ней и доставим обратно, — предложил

третий, — и никто ничего не узнает! — И он зашелся смехом. — А коли узнает, так и черт с ним — он слишком мало нам платит, чтобы ради него мы отказались от возможности поразвлечься...

— Позабавимся с ней... — пробормотал Конар. Мелисанда дико взглянула на него, но он не обращал на нее внимания. — Утащим-ка ее туда, в рощу, позади наших линий!

Мелисанда хотела было протестовать, но Конар зажал ей рот рукою, а остальные разбойники быстро сгрудились возле него, стараясь укрыть от постороннего взгляда свою добычу. Она стала вырываться, так как чуть не задохнулась под его рукой. Тогда он подхватил ее и поволок мимо скал, под которыми полупьяные часовые якобы несли свою вахту. Так они добрались до кот стены и оказались под сенью деревьев.

— Здесь! — рявкнул кто-то из сопровождавших викингов.

— Дальше! — возразил Конар. — Ее писк могут услышать лишние уши.

— Ага! — согласно хохотнули сзади. И они двинулись в глубину леса, где царила крошечная тьма: свет от костров уже не достигал сюда.

— Здесь! — снова приказал самый рослый из троих викингов. Как и на Конаре, на нем были надеты латы. На голове красовался шлем, украшенный крыльями, с обломанным наносником. Разбойник явно страдал от ожирения, его мускулатура не была так развита, как у большинства его соплеменников. За ним следовал приземистый, широкоплечий приятель. Третий викинг был среднего роста и хорошо сложен.

— Ага... здесь...

И с этими словами Конар отпихнул Мелисанду в сторону, а сам вытащил из ножен меч и развернулся лицом к разбойникам.

— Что?! — опешил верзила.

— Ребята, она моя! — отдельно произнес Конар.

— Клянусь всеми огнями в проклятом христианском аду! — взревел верзила. — Клянусь их распятием, она наша!

Он тоже выхватил меч и приготовился к бою. Конар повелительно махнул рукой, и Мелисанда укрылась за купой деревьев, обмирая от страха.

— Ну так попробуй ее взять! — обратился к разбойнику Конар.

Верзила попытался сделать обманный выпад, чтобы добраться до Конара. Их мечи даже не соприкоснулись. Викинг во что бы то ни стало хотел добраться до горла Конара, но тот увернулся от удара и, приподняв меч, огрел врага плашмя по затылку. Тот грохнулся на землю.

Все произошло в мгновение ока. Двое других разбойников тоже выхватили оружие, один палицу, другой меч, и стали наступать на Конара. Конар пригнулся, следя за ними обоими. Они бросились на него. Он парировал удар палицы, но меч полоснул по его груди. Конар покачнулся от удара, но латы спасли его. В это время толстый верзила начал приходить в себя, Конар с силой ударил ногой по его груди и тот снова затих.

Его приятель размахнулся палицей, но Конар и на этот раз увернулся, и сокрушительный удар пришелся на ствол дерева: усеянная стальными шипами верхушка палицы глубоко врезалась в древесину, вместо того чтобы раздробить Конару череп.

Конар рванулся вперед, широко размахнувшись мечом. Разбойник с проклятием отскочил назад. Конар продолжал наступать, стараясь выбить у него из рук палицу, но тут третий разбойник изо всей силы ударил его по плечу, и Конар выронил меч.

Мелисанда в испуге вскрикнула, глядя, как палица вновь и вновь со свистом рассекает

воздух перед лицом Конара, а он лишь уворачивается и отступает, спасая свою жизнь.

Меч, его меч!

Она выскользнула из-за деревьев и стала подбираться к холодно блестящему клинку, лежавшему в нескольких футах от нее.

Разбойник оставил Конара и поспешил к ней. Но меч был уже в руках Мелисанды, и она угрожающе поднимала его.

Разбойник попытался выбить у нее оружие. Но Конар был уже возле нее, она ловко перебросила ему меч. Викинг атаковал, его палица вновь свистнула в воздухе. Конар отпрыгнул, замахнувшись мечом, и нанес великолепный удар. Его враг рухнул на колени, из рассеченного горла кровь хлынула ручьем.

Его приятель еще раньше предпочел скрыться, получив легкое ранение в руку.

И тут Конар тоже упал. Он рухнул на спину, выронил меч. Его глаза закрылись.

Мелисанда склонилась над ним, стараясь отодвинуть нащечники шлема.

— Конар! — вскрикнула она, стараясь унять пронзившую сердце боль. Неужели его ранили? Но как, каким предательским ударом? Она ничего не заметила. А вдруг он истекает кровью, может даже умирает? — Конар! — снова окликнула она, ощупывая его горло, стараясь обнаружить в нем биение жизни.

Его глаза приоткрылись, в них зажегся столь знакомый ей синий огонь.

— Сударыня, а вы не очень-то спешили подобрать мой меч!

— Ох! — воскликнула Мелисанда. — Так ты жив!

Он уселся.

— Ну да, ненадолго.

— Как ты посмел меня так напугать!

— Сударыня, но ведь я прилег всего на секунду! Эти парни оказались уж слишком проворными, и почему-то не хотели считаться с тем, что я только что протащил тебя по всему этому ужасному туннелю!

— Мои ноги все изранены!

— О, да.

— И к тому же ты собирался позабавиться мной с этими тремя!

— А как еще я мог обмануть их, Мелисанда! Ты когда-нибудь видела, чтобы я делился тем, что считаю безраздельно своим?

Боже, конечно же, нет! Просто у нее ум зашел за разум от испуга.

— Нет, ты никогда не делился тем, что считаешь безраздельно своим, — послушно согласилась она.

— Ах, если бы ты подобрала мой меч на секунду раньше!

— Ты ведь сам приказал мне укрыться за деревьями.

— И именно в этот раз ты решила меня послушаться? — съязвил Конар.

— Нет, я просто... ох! — возмущилась она, но тут же залилась краской. Он было улыбнулся, но снова стал серьезным и прижал палец к ее губам.

— Мы слишком далеко забрались к востоку. Придется пробираться обратно лесом. Как можно быстрее. Пока Жоффрей не наткнулся на оставшуюся после нас кучу трупов и не обнаружил, что ты сбежала.

Он поднялся на ноги и взял ее за руку.

Она крепко вцепилась в его пальцы, но на мгновение замерла в нерешительности. У нее на глазах выступили слезы.

— Конар, я знаю, что сейчас не время, но я просто обязана сказать тебе одну вещь. Мы... у нас будет ребенок. И я понимаю, что вряд ли ему пошло на пользу то, что я надевала кольчугу и участвовала в битвах, но я была просто в отчаянии, ведь тебя не было со мною, оставался так далеко за морем. А эта земля, эти люди единственное, что у меня было, и мой отец внушил мне чувство ответственности за свой народ...

— Мелисанда...

— Мергвин сказал мне, что это будет мальчик, — прошептала она, опустив глаза.

— Я знаю.

Она попыталась поймать его взгляд. Проклятый шлем, под ним ничего невозможно было различить!

— Это Мергвин сказал тебе?

— Бренна...

— О...

— Мелисанда, она сказала мне лишь сегодня вечером. И то из-за того, что видела, как я гневаюсь на тебя и опасалась, что я могу быть с тобой грубым. Она потребовала, чтобы я проявил мягкость.

— О...

— Идем же, — потянул он ее за руку. — Я хочу жить и стать отцом.

Они пустились в путь по мягкому ковру из хвои.

— Бренна сама ждет ребенка, — добавил Конар.

Мелисанда застыла, не в силах сделать ни шагу, и он вынужден был остановиться тоже. В темноте он никак мог разглядеть ее глаза.

Бренна ведь уверяла, что они с Конаром никогда были любовниками.

Но еще она сказала, что всегда будет находить подле Конара. Выполнять любые его пожелания. Любые. Бренна сопровождала его в пути и в бою.

Мелисанда покинула его. Бренна осталась.

И вот между ними опять разверзлась пропасть!

Но он пришел за нею сегодня. Рискуя жизнью, рискуя быть схваченным и подвергнутым пыткам, о которых наверняка прекрасно знал.

Она поспешила опустить глаза, чтобы скрыть блеснувшие в них слезы.

Но Конар неожиданно заставил ее посмотреть ему в глаза.

— Это что такое?.. А!.. — Он покачал головой, понимающе усмехнувшись. — Она носит ребенка от Свена. Они скоро поженятся.

Теперь Мелисанда старалась изо всех сил скрыть от него невольную улыбку и не показать, как глубоко он только что ранил ее.

Он снова взял ее за руку.

— Ну же, поспешим!

И она поспешила. Она следовала за ним почти вслепую, стараясь не вскрикивать от боли всякий раз, как нога ее наступала на острые камни.

— Кажется, здесь! — прошептал он.

Здесь?

Какую помощь он надеется здесь найти?

Они оказались на поляне. И вдруг Конар резко остановился.

На их пути стоял Жоффрей, окруженный бородатыми воинами, одетыми в медвежьи шкуры берсеркеров. Их было здесь не меньше десяти, рослых, вооруженных до зубов.

Губы Жоффрея скривились в медленной улыбке.

— Мне кажется, что, в конце концов, удача оказалась на моей стороне, викинг, — высокомерно произнес он.

— Да неужели? — не испугался Конар.

— Несомненно. Тебе не следовало являться сюда следом за ней.

— Ты украл мою жену. Я должен был явиться.

— Ну так очень скоро она станет моей. Это не твоя земля, ты здесь никому не нужен.

— Мелисанда не может принадлежать тебе хотя бы потому, что твой отец убил ее отца, — напомнил Конар.

— Она будет моей. Я позабочусь об этом. Как только с тобой, Конар, будет покончено, — а это произойдет скоро, хотя я не могу обещать тебе быструю смерть — ей придется довольствоваться мною!

Неожиданно для себя Мелисанда вдруг прижалась к Конару и изо всех сил закричала:

— Никогда! Никогда, тупоголовая скотина! Неужели ты думаешь, что способен обратить в ничто нашу любовь!

— Мелисанда! — ласково, но решительно остановил ее Конар.

— Я не буду спешить, — зловеще пообещал Жоффрей. — Знаешь, что я сделаю с тобой? Привяжу твои конечности к хвостам четырех резвых лошадей, а потом пройду по их спинам хорошим кнутом. И могущественный Повелитель Волков будет разодран на куски. Ах, вначале мы вспорем тебе брюхо и выпустим наружу кишки. Ну а потом мы разведем большой костер и спалим на нем то, что от тебя останется!

Конар даже не вздрогнул. Он обнажил свой меч, загородив собой Мелисанду.

— Это произойдет только в твоих безумных мечта Жоффрей!

— Дурак, — фыркнул Жоффрей. — Он даже перед лицом смерти...

Тут он умолк на полуслове. Слева от них, там, кончался лес и начинались развалины римской стены послышалось какое-то движение.

Мелисанда обернулась.

И она опять обмерла — на сей раз от радости.

От благоговейного восторга.

Они были здесь. Это казалось невероятным, похожим на сон.

Но, тем не менее, это было именно так: они все бы; здесь. Семья Конара. Его отец стоял в центре цепочки воинов, конец которой скрывался в ночной тьме. Его дружинники — о, как их было много! — теснились вокруг и позади них.

Они возвышались верхом на своих лошадях, казавшихся в неверном лунном свете огромными сказочными животными, из ноздрей которых валил пар. Дружина появилась во всем своем грозном великолепии, в полном вооружении, в матовом блеске доспехов.

Они возвышались над головой Жоффрея, словно боги мщения. Мелисанда ясно видела Олафа, Эрика, Бриана, Брайса, Конана, а с ними — Боже правый! — в самом конце цепочки оказался Мергвин! Она не верила своим глазам, это, скорее всего, была игра неверного лунного света.

Но вот они пришли в движение, сметая все на своем пути. Их огромные лошади легко преодолевали стену и, грохоча копытами, ринулись вниз, на врага.

На мгновение все смешалось. Мелисанда по-прежнему пряталась за спиной Конара, и они вместе наблюдали за кавалерийской атакой.

— Я должен удалить тебя отсюда, — шепнул ей Конар.

— Нет, не оставляй меня сейчас, я клянусь, я буду быстро поднимать твой меч. И могу тоже драться, хотя и не так хорошо, как ты, я могу...

— Леди! Постарайтесь не подвергать свою жизнь опасности, чтобы я смог биться со спокойной душой! Я умоляю тебя! Ради всего святого, Мелисанда, послушайся меня хотя бы раз в жизни!

Похоже, ей придется подчиниться. Неожиданно кто-то вихрем подлетел к ним.

— Отец! — вскричал Конар, и вот уже перед ней сияют холодным голубым светом глаза северянина, столь похожие на глаза ее мужа. Могучие руки подхватили ее и подняли на спину лошади.

Кто-то попытался напасть на них сзади. Огромный белый жеребец, на котором сидела Мелисанда, взвился на дыбы. Король Дублина развернулся лицом к своим врагам и послал коня вперед, путь перед ним расчистился. Отъехав в сторону от места сражения, Олаф так круто осадил коня, что тот опять поднялся на дыбы, а потом встал, как вкопанный. Они оглянулись. Луна светила достаточно ярко, и они хорошо видели поле битвы. Битва была жестокой. Северяне против данов, а вот и французские рыцари, и среди них — Одо! Граф Одо тоже был здесь! И любезный ее сердцу Филипп, и доблестный Гастон. Все они бились рука об руку с дружиной Олафа, как ни фантастически выглядел этот боевой союз. Все они были верхом на боевых конях, тогда как в банде Жоффрея, застигнутой врасплох неожиданной атакой северян, мало кому удалось оседлать лошадей.

Жоффрей вообразил, что со своими десятью головорезами может захватить Конара в лесу, отнять у него Мелисанду, умертвив его самого.

Но он ошибся. Верхом на могучем белоснежном скакуне, за спиной своего тестя, Мелисанда чувствовала в полной безопасности.

Иначе и быть не могло, ведь Конар явился на помощь своей семье по первому зову. А вот сегодня...

— Сударыня, с вами все в порядке?

Только тут она поняла, что ее бьет крупная дрожь. Она обернулась, всматриваясь в суровые черты в его мудрые глаза.

Таким, наверное, со временем станет ее Конар. Невозмутимым, исполненным собственного достоинства.

Она неловко кивнула, прикусив губу.

— Я неустанно благодарю Господа, милорд... — секунду замывшись, она решительно продолжила, — что среди моих родственников оказались викинги!

Олаф улыбнулся под забралом шлема.

— Это скоро кончится, — мягко произнес он, имея в виду сражение.

Шум борьбы неожиданно затих. Она поняла, еще не конец битвы — просто вместо двух дружин теперь должны были сойтись два человека. Напряженно всматриваясь в море голов, Мелисанда заметила, что все расступаются, освобождая площадку для поединка.

И в центре этого круга оказался Конар лицом к лицу со своим врагом.

Они принялись настороженно кружить друг напротив друга.

Зрители криком подбадривали своих бойцов.

Конара и Жоффрея...

— Почему они все еще бьются? — воскликнула Мелисанда, не в силах побороть тревоги, страха. Конар показался ей таким одиноким, таким измученным.

Его силы могли вот-вот иссякнуть. Он сражался сегодня с таким множеством народу.

Он нес ее на себе так долго.

— Они должны довести дело до конца, — пояснил Олаф.

— Но...

— Они должны, — повторил Олаф и замолк. И так, ей не оставалось ничего, кроме как наблюдать за этой дуэлью сквозь слезы, застилавшие глаза.

Круг, в котором находились соперники, становился все шире и шире.

Жоффрей атаковал непрерывно и яростно. Конар ловко парировал его удары.

Жоффрей отступил. Он обернулся к зрителям и всмотрелся в их неровные ряды.

— Мой боец! Я имею право выставить своего бойца! Ты, Йорик! — он обратился к одному из своих подручных. — Джон, вышли вперед этого берсеркера! Пусть один клыкастый морской волк перегрызет глотку другому. Победитель получит все; Конар из Дублина: женщину, землю, победу в этой битве.

Взгляд Мелисанды был прикован к тому, кого звали Йориком. Он был приблизительно одного роста с Конаром, но более мощного сложения. Кровь застыла у нее в жилах.

— Нет! — прошептала она.

Но тут, к ее удивлению, Йорик отрицательно покачал своей лохматой русой головой.

— Это твоя драка, Жоффрей. Это твоя драка — и его.

Жоффрей попытался смешаться с рядами зрителей.

— Ублюдок, неужели я мало тебе заплатил...

— Заплатил за то, чтобы драться с людьми. А не подменять тебя в поединке с таким типом, как этот северный волчище.

— Он убил твоих товарищей...

— Он пришел за своей женой. Это твоя драка.

Бесноватый взор Жоффрея перебегал с одного лица на другое. Неожиданно он выхватил из рукава камзола кинжал, но Мелисанда, не спуская с него глаз, заметила это.

— Конар! — крикнула она. — Конар! У него кинжал в руке!

И вовремя, вовремя! Боже милостивый! Коварный Жоффрей уже метнул свой клинок прямо Конару в глаза, и если бы Конар не отпрыгнул, кинжал настиг бы его. Не сводя глаз с врага, Конар выхватил меч.

— Только сунься, волчье отродье! — взвизгнул Жоффрей. Он мгновенно приготовился биться. Он был вовсе не плохим фехтовальщиком.

Но ему было слишком далеко до Конара в искусстве владения мечом.

Мелисанда помнила собственное сражение со своим мужем, и то, с какой легкостью он нейтрализовал ее приемы.

Именно так он дрался сейчас и с Жоффреем.

Хладнокровно парируя сыпавшиеся на него один другим удары, он наносил ответные снова и снова. Клинок Жоффрея сшибся с клинком Конара, звеня, высекая искры. Казалось, весь подлунный мир замер, и слышались лишь звуки битвы, звон и скрежет стали о сталь.

А круг все расширялся и расширялся. Конар перескочил через поваленное дерево, Жоффрей споткнулся об него и чуть не упал, торопясь догнать Конара и нанести ему очередной удар.

Он же выдыхается, выдыхается прямо на глазах, поняла Мелисанда.

— О, пожалуйста... — прошептала она, сама толком не зная, обращена ее молитва к христианскому Владыке или же к богам Валгаллы.

Несомненно, боги войны покровительствовали ему и великий Один, и могучий Тор. Конар поднял и опустил свой меч в мощном выпаде. Он выбил оружие из рук Жоффрея.

Клинок Конара оказался возле горла противника.

— Убей его! — взревели зрители. Это кричали даны, его собственные наймиты, безжалостные к поверженному лидеру.

Конар сильнее прижал острие меча к глотке Жоффрея.

— Если ты только посмеешь хоть раз взглянуть в ее сторону, Жоффрей Сюр ле Монт, я заколю тебя, бешеного вепря, настрогаю тонкими ломтиками и брошу на съедение стервятникам.

Он развернулся и, заметив своего отца и жену, направился в их сторону.

Мелисанда увидела его глаза. Его несравненные синие глаза, вспыхнувшие знакомым огнем при виде ее. Сердце Мелисанды готово было выскочить из груди.

И тут краем глаза она заметила подозрительное движение Жоффрея. Пригнувшись, он засунул руку в левое голенище высокого сапога.

Там он припрятал еще один кинжал. В мгновение ока его пальцы сжались на рукоятке клинка.

И снова Мелисанда крикнула:

— Конар, у него еще один кинжал!

В тот миг, когда Конар повернулся, Жоффрей припал на одно колено и метнул кинжал.

Метнул со страшной силой, утроенной его яростью.

Сталь слегка оцарапала затылок и плечо Конара, уклонившись лишь на пару дюймов от намеченной цели.

Зато Конар попал точно в свою цель, пронзив Жоффрею сердце. Негодяй на мгновение застыл, глаза его удивленно расширились, и он начал заваливаться назад, испустив дух раньше, чем упал наземь. Его глаза так и остались открытыми. Даже мертвый, он продолжал глядеть на Конара.

Нынешний бой был закончен. Теперь даны уберутся из окрестностей замка, ведь Жоффрей больше не будет подстрекать их. Вероятно, кое-кто из этих разбойников примкнет к другим бандам, бесчинствующим где-нибудь по соседству.

Тогда как остальные отправятся морем к родным берегам.

Но нынешнее сражение было окончено. Союзники Конара одержали победу, ирландская ветвь Вестфолдских правителей доказала свое мужество и боеспособность.

Они убили и ранили, множество врагов. Они славно потрудились на поле брани.

Даже придиричивый Одо вряд ли сможет найти повод для упреков.

Теперь Конар может вернуться домой. Он медленно продвигался вдоль линии всадников, пожимая руки всем своим братьям по оружию. Только Лейва не было в их рядах, ведь кто-то должен был остаться Для охраны их родного дома. Это Эрик мог невозбранно покинуть Вессекс, надеясь на покровительство Альфреда.

Конар добрался до Мергвина и медленно покачал в изумлении головой.

— Ты тоже уселся верхом и отправился воевать?

— Я долго старался разглядеть лежащее перед тобой будущее, — пожал плечами старик. — Не раз и не два я бросал руны, и они предсказали, что тебе суждены великие деяния. Ну и уж раз я все это напрозорчил, — глубоко вздохнул, — то мне и самому захотелось принять в этом участие.

Конар широко улыбнулся.

Наконец он подошел к отцу. Мелисанда все еще восседала перед Олафом на спине белоснежного коня.

— Можно считать, что это испытание тоже пройдено с честью, — обратился к нему

Олаф. Конар кивнул.

— И ты свободен.

Сзади подъехал граф Одо.

— Наши испытания только начинаются, — вмешался он. — Даны поднялись вверх по рекам, они рвутся к Парижу, к Руану, к Шартрезу. Наша борьба продолжается!

— О, да, — медленно отвечал Конар, — борьба продолжается!

И отныне он участник этой борьбы. Эрик возвратится в Вессекс, его отец, Конан, Бриан и Брайс в Ирландию.

Ведь и их борьба никогда не кончалась.

Но сегодня вечером им больше не надо драться.

— Спасибо, — обратился он к отцу. Он почувствовал на себе взгляд Мелисанды, почувствовал, что она сдерживает слезы. Неужели она так боялась за него? Она дважды спасла ему жизнь от козней Жоффрея. Она была прекрасна даже в своем изорванном плаще. Ее роскошные локоны свободно рассыпались по плечам, заменив ей самые изысканные украшения. Ее глаза-фиалки, словно два бездонных озера, завораживали, приковывали к себе взгляды.

— Кажется, я держу нечто, принадлежащее по праву тебе? — спросил тихонько Олаф.

— О да, несомненно, — согласился Конар.

Он шагнул вперед, протянув к ней руки. Осторожно стараясь, чтобы плащ на ней не распахнулся, он поднял ее высоко в воздух и опустил, прижав к своей груди.

— Ну и муж моей невестки! — съязвил Олаф. — Не мог найти для своей жены платья получше!

Конар лишь улыбнулся, глядя снизу вверх на отца.

— Нет, сударь, я клянусь, что впредь постараюсь содержать ее в более приличном виде!

— Посмотрим, — пробурчал Олаф. — Вон там тебя поджидает Тор. Не соблаговолишь ли ты усесться на него верхом и проводить нас к себе домой? Мы проделали неблизкий путь, да и ночка выдалась на редкость хлопотная, так что нынче мне больше всего хочется проверить на деле твое гостеприимство.

— Конечно, отец! — отвечал Конар.

Улыбающийся во весь рот Эрик вывел вперед Тора. Конар поплотнее запахнул на Мелисанде плащ, усадил ее на спину своего коня и вскочил сзади нее.

Оставшиеся в разоренном лагере даны молча смотрели на их отъезд.

Мелисанда закрыла глаза, прислонившись спиной к широкой груди своего супруга. Ее сердце все еще билось какими-то странными быстрыми толчками. Боже, как же она устала.

И как возбуждена...

Она так измучилась...

И все же жизнь бьет в ней ключом. Ведь они едут домой.

Вместе.

Им предстоит ехать еще довольно долго, но это не имеет значения. Она так рада быть рядом с ним, чувствовать, как бьется у нее за спиной его сердце, какое уютное тепло исходит от его тела, как сильные руки крепко держат ее.

— Так ты будешь заботиться о моих нарядах? — спросила она, не поворачивая головы.

— А разве я раньше этого не делал?

— Нет, сударь, мне почему-то кажется, что ты все больше старался привести мои туалеты в полную непригодность.

Его губы щекотали ей ухо, когда он говорил.

— Ну так возблагодарим Бога, что в крепости достаточно места для целой армии белошвеек.

Она снова прислонилась к его груди, улыбаясь, Больше они не заговаривали до самого дома.

Новое открытие ждало Мелисанду в замке, когда она обнаружила, что вместе с дружиной приплыли Эрин с Дариа.

Стоило им ступить на порог, как все смешалось в полнейшем хаосе — целая толпа выбежала им навстречу и окружила их, требуя немедленного рассказа обо всем, что произошло возле древних развалин. Но Эрин решительно напомнила всем, что Мелисанда провела тяжелейшую в своей жизни ночь, что за окнами уже брезжит рассвет и что она должна немедленно принять горячую ванну и выпить бокал теплого вина с пряностями.

А, кроме того, ей не мешают накинуть кое-что из одежды.

Эрин отвела ее к себе в комнату. Мари была здесь. Она помогала готовить ванну, добавила мыло и благовония в воду, затем нежно обняла Мелисанду, пообещав зайти попозже, ушла. В комнате осталась одна Эрин. Она подогрела возле очага сладкое вино и подала Мелисанде полный кубок.

Мелисанда блаженствовала, лежа в теплой ароматной воде и мелкими глотками попивая вино. Боль и усталость покидали ее тело, кажется, вода смывала даже самый страх, испытанный ею за последние часы.

Жоффрей более никогда не нарушит ее спокойствия.

Эрин удалилась в противоположный конец комнаты, и Мелисанда заметила, что она разглядывает содержимое старого сундука, где лежала ее кольчуга.

Эрин взяла кольчугу и поднесла ее поближе к свету.

— Когда-то у меня была почти такая же... — прошептала она, погрузившись в воспоминания. С улыбкой она взглянула на Мелисанду и добавила. — Честно говоря, я тоже все еще храню ее.

— Вы? — удивилась Мелисанда.

Эрин кивнула, встряхнула кольчугу, прикинула на руке ее вес и аккуратно уложила обратно в сундук.

— Ее вам подарили? — спросила Мелисанда.

Эрин отрицательно покачала головой.

— Я предназначала себя для борьбы с викингами, — сказала она. — И заказала ее одному искусному кузнецу.

Мелисанда повернулась в ванне, не сводя со свекрови широко распахнутых глаз.

— Так вы боролись с викингами?

— Я боролась с Олафом.

Мелисанда раскрыла рот. Эрин обошла ванну кругом и занялась шевелюрой невестки. Мелисанда сделала движение, чтобы заглянуть ей в лицо, но Эрин приказала ей не дергаться точно таким же тоном, каким разговаривала с ней, когда Мелисанда еще девочкой впервые попала в их дом.

— Но ведь потом...

— Но потом я стала его женой.

— Вы с ним так счастливы! — провозгласила Мелисанда.

Эрин намылила ей голову, и Мелисанда нырнула, чтобы смыть мыло с волос. Но как

только она смогла снова открыть глаза, она опять вопросительно взглянула в лицо свекрови. Эрин кивнула, слегка улыбаясь.

— По чести сказать, если бы мне пришлось выбирать, я бы выбрала именно такую, полную опасностей и счастья, жизнь, которую прожила вместе с ним. Было время, когда в наших жилах бурлила горячая кровь. Но и до сей поры мы оба своевольны и упрямы, и он сохранил свой горячий нрав. Как и мои сыновья... Но ведь Мергвин наверняка объяснял тебе, что волки — дикие создания. Они неутомимые охотники, воины и никогда не отказываются от задуманного. А, кроме того...

— Они очень живучи, — докончила за нее Мелисанда. — И никогда не бывают предателями; они всегда держатся стаями и проявляют свою любовь подчас весьма странным образом.

Она подняла глаза на Эрин, та улыбнулась и нежно поцеловала Мелисанду.

— Я очень рада, что одному из моих волчат досталась ты, Мелисанда. Он очень грозно рычит, но не забывай, что за этим кроется...

Наконец Эрин удалилась. Мелисанда вылезла из ванны, насухо вытирая тело. Она накинула заботливо приготовленный халат и уселась в кресле возле очага, расчесывая волосы, чтобы окончательно их высушить. Она была погружена в это занятие, когда раздался звук открываемой двери. На пороге стоял Конар.

Он прислонился к косяку, разглядывая ее. Она замерла, не двигаясь. Он подошел к ней и легонько коснулся ее плеч.

— Продолжай, любовь моя, мне так приятно наблюдать за тобою.

Она попыталась продолжать, но почувствовала, что пальцы не слушаются ее, выдавая волнение. А ей не хотелось, чтобы он это заметил. Конар стоял возле камина; сбросив с себя шлем и латы, он остался лишь в одной рубашке и панталонах.

— Конар, — нежно прошептала она.

— Да, любовь моя?

Она посмотрела на него и внезапно почувствовала, что ее глаза наполнились слезами.

— Прости меня за то, что я одна вернулась сюда. Я вовсе не собиралась этим унижить тебя. Мне просто казалось, что одному из нас надо быть здесь, ведь даны досаждают нам не меньше, чем ирландцы.

Он приблизился к ее креслу.

— Мелисанда...

— Я была неправа.

— О да! Ты была неправа, но и я был неправ. Да к тому же страшно разозлился и вел себя как дикарь. Когда я понял, что ты исчезла, я впервые в жизни испытал такой страх. Стоило мне представить тебя в лапах Жоффрея, как мне захотелось разорвать его в клочья голыми руками.

Она покачала головой, едва удержавшись от слез.

— Я так боялась, что ты не придешь за мною!

— Нет, миледи, я никогда бы не оставил вас! — мягко рассмеялся Конар.

Она замахнулась на него щеткой для волос. Он отнял ее у Мелисанды, встал позади кресла, приподнял с ее плеч тяжелые темные пряди и принялся расчесывать их.

— Ирландцы иногда отказываются от неудобных им жен, — напомнила она Конару.

— Ах, так значит ты все-таки заметила во мне наличие ирландской крови?

— Самую малость.

Он поклонился. Некоторое время она сидела молча, чувствуя нежные прикосновения его рук.

— Конар, они удивительные! — вдруг произнесла она. — Они приплыли сюда, все до одного, чтобы помочь нам.

— О да.

Она обернулась и заглянула в его глаза.

— Твой отец просто бесподобен.

— О да.

— Конечно, и твоя мать тоже.

— Конечно.

Снова наступила тишина. Ее нарушало лишь потрескивание дров в очаге и тихий шорох щетки, проходившей по ее волосам.

— Одо настаивает на том, чтобы ты немедленно выступил в поход вместе с ним, — сказала Мелисанда. — Сегодня нам повезло, Конар, но ты вряд ли представляешь всю их силу. Даны заполонили все побережье, они рвутся к Парижу, они поднимаются на своих ладьях вверх по рекам, захватывают один остров за другим. Нам угрожает серьезная опасность.

— Я все знаю.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты уехал вместе с Одо.

— Но ведь я должен, — напомнил он.

— А я...

— А ты хотя бы раз в жизни поведешь себя, как послушная жена, — сказал ей Конар.

Ее сердце тревожно замерло.

— Ты снова собираешься отослать меня...

— Нет, если мы успеем отремонтировать стены вокруг убежища, в котором я извечал такое счастье, и приведем крепость в полную боевую готовность. Я не думаю, что даны отважатся нападать на такую неприступную твердыню. Ведь Жоффрея больше нет, — он помолчал немного и закончил: — К тому же я хочу, чтобы мой сын родился здесь, в этих стенах.

Она почувствовала, как ее заливают волна счастья. Ее пальцы снова задрожали. Она сжала их.

— Хм-м-м, — вдруг пробурчал Конар.

— Что такое? Ты уже представляешь себе грядущие войны?

— Нет, сударыня, — нежно произнес он. — Я просто думаю об этих локнах цвета эбонита. Я представлял себе, как они рассыпаются по моему обнаженному телу, как из них получается темное шелковое покрывало, брошенное на нас обоих...

И опять ее сердце замерло. Она глубоко прерывисто вздохнула, а он обошел вокруг кресла и преклонил перед нею колени.

— Не может ли такая чудесная картина воплотиться в реальность? — прошептал он, слегка улыбаясь, обдавая ее теплом своих голубых глаз, способных соперничать с бездонным летним небом в полдень далеко на севере.

— Ты еще спрашиваешь? — шепнула она в ответ.

Его улыбка стала еще шире, он пожал плечами.

— Ты ненавидела меня за мои повадки викинга, и все же, любовь моя, я иногда способен спрашивать у тебя разрешения, — его голос внезапно охрип. — У тебя такой

ужасный вечер. Но если подойти к делу с другой стороны, то ведь и я не бездельничал в эту ночь. А ты посмотрела, как моя мать беспокоилась из-за тебя. И хоть бы разок вспомнила о том, что и мне пришлось нелегко! — он вздохнул. — Нет в мире совершенства!

— Сударь, — засмеялась она, — хотите знать, что я буду повторять все эти годы?

— И что же, сударыня? Она медленно поднялась...

— Свежая, благоухающая... — еле слышно произнесла она, поцеловала его в губы и отошла к очагу. Одним легким движением она скинула с плеч халат; он упал к ее ногам белоснежным облаком, и она перешагнула через него.

— Очаровательно, — пробормотал он.

— Я уже избавилась от одежды.

— Как интересно.

— Вашу рубашку, сударь.

— Не понял?

— Вашу рубашку.

— О, — он мгновенно скинул рубашку и бросил поверх халата.

— Остальное.

— Как вам будет угодно.

Через секунду он уже был обнажен. В свете очага было хорошо видно, как под его гладкой золотистой кожей перекатываются тугие мышцы. Не скрывая восхищения, она рассматривала его. Дыхание ее стало учащенным, когда ее глаза опустились к его бедрам, и она с трудом смогла поднять взор, чтобы взглянуть ему в лицо.

Нисколько не смущаясь своей наготы, он скрестил руки на груди и с интересом наблюдал за ней.

— И что же?

Она двинулась к нему. Он хотел обнять ее, но она увернулась и подошла сзади, руками и губами нежно прикасаясь к рубцам от старых ран на его плечах.

— Свежая, благоухающая... — повторила она, поднялась на цыпочки, целуя его в шею, ероша волосы у него на затылке. — Ждущая и покорная...

Ее руки вдруг скользнули вниз, по напрягшимся мускулам его ягодиц. Она прижалась к нему, ее напрягшиеся соски коснулись его спины, а темный треугольник волос внизу живота возбуждающе щекотал его кожу. Но вот она скользнула вперед, закинула руки ему на шею, снова прижалась к нему, обдавая его горячим дыханием.

— Ждущей, покорной... игривой, возбуждающей, страстной...

Их губы слились, его язык раздвинул ее губы, он проник внутрь, он гладил, ласкал, он требовал. Она вся изогнулась в его руках, охваченная опьяняющей страстью. Не отрывая от нее глаз, он поднял ее и отнес на кровать.

— Умирать от желания, — зашептала она, — покориться, отдаться...

Его поцелуй заглушил ее слова. Их пальцы переплелись, он заставил ее приподняться и сесть себе на колени. Она почувствовала его, горевшего от нетерпения. Его ладонь прижалась к темным завиткам волос между ее ног, его пальцы проникли внутрь, они гладили, они ласкали. Она застонала, изогнувшись от наслаждения.

Их губы снова слились в поцелуе. На мгновение он оторвался от нее и сказал:

— Ни один нормальный мужчина, будь то ирландец или викинг, не откажется от такой жены! — и голос его дрожал от нежности.

Глаза Мелисанды широко раскрылись. Она тихонько рассмеялась в ответ на его улыбку.

И тут ее смех прервался, у нее перехватило дыхание, потому что он проник в нее — глубоко, глубже, еще глубже. Прерывисто вздохнув, она вздрогнула и затрепетала от охватившей ее сладкой истомы. И тогда он начал двигаться, и временами его движения превращались в бешеную скачку, сотрясавшую все ее тело. Ее руки сомкнулись вокруг него, его ладони лежали на ее ягодицах, снизу подталкивая, поднимая на новые вершины блаженства. Она извивалась, она изнемогала от нараставшего возбуждения.

В момент пика наслаждения она невольно застонала и почувствовала, как в тот же миг напряглось его тело. Он до боли прижал ее к себе, проникнув в нее так глубоко, словно они впрямь слились в единое целое; и, наконец, его семя с силой изверглось в глубине ее чрева.

Он рухнул, обессилив. Некоторое время спустя она почувствовала легкое, нежное прикосновение к своей руке.

— Неужели я когда-нибудь снова услышу те же самые слова? — прошептал он. — Готовой, покорной. Возбуждающей. Подумать только, и это из уст той же самой маленькой негодницы, которая недавно ненавидела меня почти двадцать четыре часа в сутки!

— Не испытывайте моего терпения, милорд викинг.

— Ага! Моя милая скандалистка снова вернулась!

Она посмотрела ему в глаза.

— По правде говоря, Конар, я ужасно сожалею о многих вещах.

— По правде говоря, Мелисанда, — передразнил он, глядя ее плечи, — я бы не мог любить тебя так сильно, окажись ты именно такой, какая ты есть.

Она усмехнулась, опустив глаза, и опять посмотрела на него.

— Ты... любишь меня?

— Только слепой не смог бы этого разглядеть, — убежденно ответил он.

— Неправда, сударь! Чтобы разглядеть вашу любовь, необходимо обладать редкой зоркостью!

— Ты и правда так думаешь? — спросил он, приподнявшись, чтобы видеть ее лицо.

— Да...

— Но ведь ты никогда еще не разговаривала со мной в таком тоне. Тебя всерьез страшило то, что некоторые вещи мне захочется услышать от тебя вновь и вновь.

Он сел, притянул ее к себе и отвел влажные от пота пряди волос с ее лица.

— Я люблю тебя, Мелисанда. Глубоко, нежно. Мне казалось, что, если я потеряю тебя, мне останется лишь уповать на скорую смерть, и неважно, окажусь я потом в чудной гавани христианского рая или в чертогах Валгаллы. Я не могу сказать тебе точно, когда во мне зародилось это чувство, ведь ты была такой дикаркой, независимой и упрямой — и непокорной! А в глубине твоей души никогда не затухала эта отвага, это мужество, эта неотразимая красота, которые приворожили меня, околдовали, приковали к тебе навеки. Я люблю тебя. Ты хорошо меня слышишь?

— О... — тихонько вздохнула она, погладив его по лицу. — Я слышу тебя прекрасно.

— А как насчет вас, сударыня?

— Я люблю тебя! — прошептала она.

— Ах, как просто! После такого многословного вступления!

Она улыбнулась, сперва нерешительно, потом все смелее и смелее.

— Нет, вовсе не так просто! — воскликнула она и опрокинула его на спину, и ее губы принялись ласкать его лицо, шею, руки, грудь. — Я люблю тебя... — выдохнула она. — Я не могу без тебя, я хочу тебя, я ласкаю тебя, я возбуждаю тебя...

— О, милая! — отвечал он, заключая ее в объятия.

День уже клонился к закату, а эти нежные слова звучали в их устах вновь и вновь, и их не волновало, день сейчас или ночь, ведь здесь, в этой комнате, их пылавшие страстью сердца слились воедино.

И они любили друг друга.

Осень, 887 от Р. Х.

Дни становились все прохладнее. Ясными прозрачными вечерами воздух остывал задолго до наступления ночи, и вода казалась просто ледяной. Но Мелисанде нравилось холодное прикосновение стремительных струй к натруженным ногам, которым приходилось в последние дни недели нести двойную нагрузку.

Она прислонилась спиной к стволу дерева, узловатые корни которого послужили ей чем-то вроде кресла, и любовалась игрой солнечных лучей в его кроне. Скоро придет зима, и листья опадут, умрут вместе с прошедшим годом. О, это был непростой год в ее жизни!

Весной, с наступлением первых теплых дней, на побережье высадились полчища датчан. По чьим-то подсчетам там их было не меньше тридцати тысяч, но число постоянно росло. Среди них были разбойники с севера, Швеции — отовсюду, где находились любители легкой поживы. Они поднимались вверх по реке, они поднялись по Сене и осадили Париж.

Три раза они штурмовали их крепость. И трижды шайки быстро обращались в бегство под струями кипящей смолы и градом стрел.

Мелисанда одна командовала гарнизоном с помощью Брайса, так как именно его выбрали ее опекуном время отсутствия Конара: Брайс был из всех деверей наиболее дружен с Мелисандой и предан ее мужу. Предварительно они с Конаром до мельчайших деталей продумали план защиты крепости, и Мелисанда добросовестно постаралась вникнуть во все тонкости военной науки, преподанные ей мужем, не забыв ни одного из его наставлений. Правда, Конара не было в крепости лишь во время третьего штурма, когда он находился в походе под предводительством графа Одо, будучи его правой рукой и верным помощником в деле защиты побережья.

Короля Луи не было в Париже, когда столица подверглась осаде. Викинги, предварительно разорив Руан, неумолимо приближались к столице Франции. И здесь граф Одо, Бишоп Жослин, Конар и еще около двух сотен, не поддавшихся панике дворян, противостояли армаде захватчиков, приплывших на семистах ладьях. Город был сожжен, оранжевое пламя пожара поднималось до самых небес, но его защитники устояли. Тогда викинги обошли его стороной и проникли еще дальше в глубь страны, столица которой продержалась в осаде около года, и всякий раз, когда варвары вновь пытались подступить к осажденной твердыне, граф Одо успешно отбивал их атаки. Казалось, этой войне не будет конца, и Конар однажды решил пробраться домой, презрев все возможные опасности на своем пути. Впоследствии он проделывал это не раз, и всегда оказывалось, что именно в этот момент он был нужнее всего в крепости. Что же касалось Мелисанды, то при его появлении она просто расцветала от счастья. Пылкость их чувств с годами не притупилась. Стоило Мелисанде увидеть, как ее супруг погоняет коня, торопясь вернуться домой, как по ее жилам разливался священный огонь Одина, и она замирала в предвкушении любви в нежных объятиях Конара.

И, конечно, Конар не оставил ее одну поздней осенью 885-го года, когда у них родился сын, и именно Конар настоял на том, чтобы мальчика назвали Мэноном, в честь ее отца, Мэнона Роберта, но все же вышло так, что ребенка стали звать Робби.

Мальчик превзошел все ожидания Мелисанды; он был именно таким, каким хотел бы видеть своего сына Конар.

У него были небесно-голубые глаза и густые, золотистые волосы. Он был крупным ребенком, подвижным и крепким с самого рождения, и сила, с которой он сжимал их пальцы в своих пухлых кулачках, неизменно вызывала всплеск родительской гордости. Конар ни минуту не покидал крепости во время родов Мелисанды — он сидел, попивая эль, в зале в компании Олафа, Эрин, Дариа и Мергвина, специально явившихся в замок по случаю появления на свет их первенца. И их семейный очаг стал островком счастья посреди залитой кровью разоренной страны. Конар пожелал непременно находиться подле роженицы в самые тяжелые часы, несмотря на то, что она обзывала его самыми ужасными прозвищами, какие только шли ей тогда на ум. (Эрин уверяла Мелисанду, что во время схваток она в своем праве и может говорить и кричать все, что ей угодно — и сразу и за все будет прощена.)

И она старательно осыпала его всевозможными ругательствами, а он лишь кивал, соглашаясь с каждым них по отдельности и со всеми сразу, и позволял больно царапать свою руку, обнимал ее, когда она кричала во время схваток. Обнимал, хотя она требовала, чтобы он убирался и оставил ее в покое.

Он лишь улыбался и напоминал ей, что никогда, никогда не оставит ее.

И вот на свет появился их сын.

И Мелисанде показалось, что она готова простить несправедливости, которым подвергла ее судьба, что солнце стало светить ярче и мир стал прекраснее и богаче красками с того дня, когда в ее жизнь вошел Робби. Над ним хлопотала вся семья, даже бедная Мари де Тресси обливалась слезами при мысли, что она лишена радости материнства.

Конар обожал малыша, и самые чудесные часы они проводили все вместе, лежа в их просторной кровати, восхищаясь его пухлыми ручками и сильными ножками и предрекая ему чудесное будущее.

Иногда Мелисанде даже бывало стыдно за то, что она так счастлива в то время, как ее родная страна переживает тяжелейший период своей истории. Их крепость словно оказалась отрезана от внешнего мира, и в зале замка Рагвальд и Мергвин часами могли спорить о движении небесных светил, о химии и медицине, о предсказании будущего. Все обитатели замка обожали Робби, и дом был полон тепла и любви. Даже в самых счастливых воспоминаниях детства Мелисанда не могла бы найти столь чудесного времени.

О, как бы она хотела, чтобы ее отец взглянул на счастье, вошедшее в его дом.

Однако Франция по-прежнему полыхала в пламени войны, и Конару то и дело приходилось покидать свой замок. В конце 886-го года Луи Жирный воспылил желанием вернуться в Париж. Хотя Одо убеждал короля держаться достойно, тот попросту откупился от викингов, разбойники пообещали ему не нападать на столицу, обошли ее стороной и двинулись дальше в глубь страны.

Конар давно уже из заморского принца превратился в одного из самых популярных французских рыцарей, известного в округе под прозвищем Повелителя Волков. Одо пожаловал его новыми земельными угодьями, и хотя даны считали их своими, им все же пришлось потесниться, так как они слишком хорошо знали, какие грозные стены окружают крепость Повелителя Волков.

Время летело незаметно. И вот уже Олаф с гордостью повез на прогулку своего внука, которому недавно исполнилось два года. Мелисанда знала, что они развлекаются где-то поблизости. Ведь даже теперь, когда не стало Жоффрея, она не рисковала отправляться на прогулки без провожатого. Конара, занятого на бесконечных военных советах с Одо и

другими дворянами, уже много дней не было в замке, и она неустанно и горячо молилась о его возвращении. Ее тесть, зная, как Мелисанда любит это место возле ручья, предложил ей проехаться сюда вместе с Робби, а то скоро выпадет снег, и прогулки придется прекратить вовсе. Они захватили с собой хлеб, сыр, бурдюки с вином и с молоком и устроили замечательный пикник под сенью пожелтевших деревьев.

А сейчас дед с внуком отправились исследовать окрестности, и она сидела возле ручья одна, любуясь осенними красками, окунув ноги в воду, мечтая о чем-то своем.

Для нее наступили счастливые времена. Жизнь стала осмысленной, богатой событиями. Конечно, они часто ссорились с Конаром, но их горячность делала чувств еще более насыщенными, глубокими, а любовь более прочной.

Она услышала за спиной шелест листьев и обернулась.

Это был он, он вернулся.

Ну, конечно, кто, кроме Конара, мог так ловко сидеть в седле на спине у черного, как смоль, Тора, у кого еще такой широкий разворот плеч, такие сияющие латы на груди и так небрежно закинутый за плечо алый плащ. Голову его прикрывал шлем, ведь времена для путников были опасными, и из-под забрала она могла различить лишь яркий блеск его бесподобно синих глаз. Вот перед нею, ее муж, ее рыцарь.

Викинг. Златовласый, рослый, стремительный, ловкий, сильный. И как всегда при виде его Мелисанду охватило счастье.

— Конар! — невольно воскликнула она, порываясь вскочить и броситься ему навстречу.

— Пойдите, сударыня! — приказал он, мгновенно спешившись и нетерпеливо скинув шлем, торопясь прийти ей на помощь. А она явно в этом нуждалась, так как трудно было подняться на ноги из-за тяжелого живота. Ее вторая беременность уже подходила к концу.

— Я могла сама встать...

— Упряма, — перебил он. — Как и всегда. Но раз уж я здесь, позволь мне помочь тебе. Не напрягайся.

Словно не замечая ее изрядного веса, он легко приподнял ее, уселся сам на корни дерева и устроил у себя на коленях.

— Так тебе удобно?

— О Конар! — она обняла его и крепко поцеловала в губы. Их поцелуй затянулся, и она вся затрепетала возбуждающей нежности его прикосновений. Наконец она нашла в себе силы оторваться от него, и он слегка застонал, сверкнув глазами, когда его рука пробежала по округлившемуся животу.

— Ах, любовь моя! Имей же милосердие к мужу, который отсутствовал так долго, а вернулся, не успев еще стать отцом!

Она потерлась носом о его колючую щеку.

— Прелестно. Тогда запрети мне радоваться твоему возвращению.

— Никогда, — провозгласил он. — Как ты себя чувствуешь?

Она улыбнулась, поуютнее устраиваясь у него на руках.

— Спасибо, очень хорошо. И Робби...

— Я видел его вместе с отцом. Они оба чувствуют себя отлично. Я видел это своими глазами.

Мелисанда улыбнулась, но тут же помрачнела.

— А что творится со страной, Конар? Что вы решили на совете?

— Они собираются низложить Луи, — со вздохом отвечал он. — Все члены совета

просто в ярости, да и как можно оставаться верными королю, получая взамен лишь предательство?

Она погладила его по щеке, зная, что он все еще тяжело переживает то, что произошло под Парижем.

— И что случится тогда?

— Старая империя Карла Великого развалится, любовь моя, — он заглянул ей в глаза. — Королем западных франков станет Одо, а мы будем продолжать ему верно служить.

— Но это должно только обрадовать тебя.

— Да, пожалуй, — он помолчал, а потом добавил: — К нам отошли бывшие земли Жоффрея, а, кроме того, еще кое-какие уголья к востоку от крепости. Радует ли это тебя?

— И да, и нет, — пожала она плечами. — Вряд ли меня может всерьез обрадовать что-то, имеющее отношение к Жоффрею.

— Ну да, — кивнул Конар, — но это если смотреть с одной стороны, но ведь есть и другая!

— Что ты имеешь в виду? — с интересом воскликнула она. А он с улыбкой провел пальцем по ее губам.

— Если бы не козни Джеральда, с помощью которых он старался овладеть тобою для себя или для своего сына, я бы не зачал нашего чудесного сына. Ну а потом, если бы Жоффрею не приспичило в ту ночь выкрасть тебя, я бы так и не узнал, что моя своенравная, непокорная, хотя и бесподобная, женошка вдруг решила превратиться из фурии в любящую женщину.

— Но ты ведь знал об этом еще до того, как услышал мои слова, — возразила она.

— Но ты их все же произнесла, и именно перед лицом Жоффрея, разве ты не помнишь? Он как раз собирался привязать меня к конским хвостам и разорвать на части. Но тут ты выскочила вперед и объяснила ему, что никогда не сможет убить нашу любовь.

— Гм-м-м! А ты опять спрятал меня за своей спиной.

— Конечно, но твои слова огнем горели в моем сердце! — заверил он Мелисанду. Она же глядела, не отрываясь, в его глаза и не могла удержаться, чтобы не поцеловать его снова, чтобы не насладиться вкусом его губ, раз уж все остальное было им нынче заказано.

Ах, это было восхитительно! Всякий раз, целуя его, она ощущала поднимающийся из самых глубин ее естества нежный трепет. Страсть, желание. Лихорадку в крови, живое тепло внизу живота, между бедер.

Она вдруг прервала их поцелуй, почувствовала легкий толчок в животе. Это ощущение было явно не связано с их поцелуем.

— Конар!

— Да?

— Ничего! Ничего! Не стоит волноваться, — и она снова поцеловала его.

Но толчки продолжались, все сильнее и сильнее. У нее перехватило дыхание. Она оторвалась от его губ.

— Конар!

— Да?

— Это не из-за твоего поцелуя.

— Нет.

— Хотя, конечно, и не без твоего участия, — улыбаясь, добавила она.

— Стало быть...

— Ребенок! — тихо прошептала она.

Он тут же вскочил на ноги, не выпуская ее из рук. Они мигом оказались возле Тора.

— Милорд, это может затянуться еще на долгое время.

— Но ведь второй ребенок может родиться гораздо быстрее!

— Конар, Мергвин предупредил меня, что у нас будет дочь.

— Ну, значит, быстрее родится она! — нетерпеливо поправился Конар, вскакивая на Тора сзади нее.

Через несколько минут они уже были в крепости. И ей пришлось удостовериться — хотя и не без доли удивления — что Конар оказался прав. Их дочь появилась на свет всего через пару часов, так что Мелисанде не удалось наградить своего супруга и половиной тех эпитетов, которых он удостоился во время первых родов.

Малютка была просто прелестна. Она не была ни блондинкой, ни брюнеткой, она была огненно-рыжая. Ее глаза могли соперничать в синеве с летним небосводом, только их оттенок, пожалуй, был глубже.

— Фиалковые, — констатировал Конар. Он сидел в изголовье кровати, где Мелисанда лежала с малышкой на руках, и внимательно разглядывал дочку.

Роды были нелегкими, и глаза счастливой матери закрывались от усталости. Эрин вовремя заметила это и поспешила забрать у нее новорожденную. Полусонная, Мелисанда почувствовала прикосновение Конара, и ее пальцы снова сжали его руку.

— Нет, сударь, не оставляйте меня! — прошептала она.

Он устроился возле нее таким образом, что ее головка оказалась на его плече.

А потом она услышала его тихий, нежный шепот:

— Нет, любовь моя. Я никогда не покину тебя.

Она улыбнулась, закрыла глаза и лежала совершенно обессиленная, но такая счастливая. Ведь она знала, что он сказал чистую правду.

Викинг, ирландец, мучитель, демон, друг, рыцарь, защитник.

Муж.

Любовник.

Он никогда не оставит ее.

А она будет любить его всегда, его, Повелителя Волков. Всю свою жизнь, до скончания дней.

Они хозяева своего времени, они хозяева своей жизни, они хозяева самого чудесного, что есть в жизни — своей любви. Прошлое вызывало в ней сейчас лишь легкое удивление.

Как она могла сражаться с ним, ненавидеть его и бояться своей любви?

Ах, но ведь им столько пришлось пережить! Он сполна заплатили за то счастье, что пришло в их дом. И теперь они безраздельно принадлежат друг другу. У них есть Робби, а теперь и эта малютка...

Она гадала, что может сказать Мергвин об их дочери их будущем.

Уютно свернувшись в объятиях своего повелителя она наконец-то заснула, не переставая улыбаться.

И ей приснились чудесные, чудесные сны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вальгалла — в древнескандинавской мифологии обителище душ павших воинов.

Друидизм — религия древних кельтов.

Руны — древнегерманские письмена; сохранились на камнях и металлических предметах.

Менестрель — средневековый певец и музыкант.

Конунг — предводитель норманнов

Бушприт — горизонтальный брус на носу парусного судна.